

Книга о калмыках, страданиях и красоте

В написанной Эльзой Гучиновой книге есть несколько особых моментов, которые делают ее не просто очередным научным текстом, но произведением особого рода в современной российской этнологии и социально-культурной антропологии. Это не просто книга о калмыках и это даже не книга о калмыках. Это книга о тех социально-политических и историко-культурных перипетиях, которые пережили многие люди нашего Отечества в истекшем столетии, и о тех смыслах, которые порожились при восприятии прошлого и при проживании настоящего.

В отличие от историка, которому важны строгий нарратив и репрезентативность фактического материала, антрополог пользуется этнографическим методом включенного наблюдения, и именно этот метод составляет его торговую марку. Разговорить, услышать или подслушать, увидеть или подсмотреть то в жизни, что далеко не всегда на поверхности и далеко не всегда легко объяснимо, — для этого нужно иметь особый талант ненавязчивой коммуникативности и легкой проницательности. Если исследователь обладает такими талантами, тогда дело остается за немногим — последовательностью и упорством в создании самого научного произведения при желательности еще и литературного дара. Вот тогда и рождаются прекрасные образцы этнографических сочинений, которые интересны не только узким специалистам, но и многим читателям с самыми разными интересами.

Еще нужны соединенные вместе воображение и знание, чтобы объяснить некоторые сложности за пределами услышанного или увиденного. Поэтому ученый обращается к историческому документу и к отобранным сочинениям своих коллег, чтобы обогатить и расширить свой рассказ и углубить свой анализ.

У Эльзы Гучиновой есть большинство этих исходных: талант коммуникативности, проницательность просвещенного наблюдателя, жизненная предпримчивость в постановке сложных исследовательских задач. Может быть, только не хватает упорства в самом сочинительстве. Тем более читатель будет признателен автору и издателю за появление на свет данного труда. А кто читатель? Прежде всего коллеги-ученые, которых волнуют

такие вопросы, как историческая и современная этнография народов России, история коллективных депортаций в эпоху сталинизма и современное переживание этой коллективной травмы, феномен массовых миграций и жизнь в диаспоре, социально-культурные трансформации постсоветского времени, глубинная и одновременно конструктивистская природа этнической идентичности.

А коли все это выполнено на материалах представителей одной этнической общности — калмыках, то и все калмыки могут быть столь же заинтересованными читателями. То, что они прочитают в книге Эльзы Гучиновой, будет им понятно и близко, хотя до этого и не все известно и объяснимо. Именно в этом задача ученого — увидеть больше смысла в происходящем, чем это видит или ощущает рядовой участник события. Но не только увидеть, но и объяснить спокойно, легко и рассудительно. Не через стенания общественных активистов и через писательско-журналистские драматизации, которые нацелены на эмоциональные и политические мобилизации людей в разных целях, а через задавание вопросов и через аргументы, которые кажутся не всегда удобными для обыденного или для политического разговора.

Это только кажется, что язык науки далек от языка жизни. Скорее, метафора политика и журналистские штампы обладают короткой жизнью, довольствуясь поверхностными воздействиями на изменчивые эмоции и настроения. То, о чем пишет ученый, может восприниматься не всегда сразу, но всегда остается в памяти и всегда осмысливается рядовым читателем: «да, ведь об этом я уже думал и теперь мне стало все понятнее!».

После прочтения книги Эльзы Гучиновой многие испытают чувства удовлетворения от точных наблюдений и разумных объяснений: почему люди считают себя калмыками и что значит быть калмыком, как выбирают брачные партнеры и друзья по жизни, как нужно вести себя среди родственников и среди людей других культур, что значит быть успешным и красивым, почему к тебе относятся не так, как к другим, и десятки других вопросов из прошлого и настоящего. Причем вопросы эти значимы не только для калмыков, но и для всех людей, особенно россиян.

Мне нравится эта книга, и я настойчиво рекомендую ее умному читателю. Многие станут понятнее в сложностях прожитой жизни старших поколений, в ощущениях людей, принадлежащих к российским меньшинствам, в культурных проявлениях окружающего нас мира и в разнообразии и неоднозначности его восприятия людьми в разных ситуациях и средах.

*Валерий Тишков,
член-корреспондент РАН*

Предисловие

Эта книга основана на исследованиях, проведенных в 1994–2002 гг. и объединенных темой изменений в этничности калмыков постсоветского периода. Начатый с политики гласности, этот период нашел продолжение в глубоких социально-экономических преобразованиях общества. Создание новой государственности, поиски национальной идеи, выработка государственной идеологии, изменение социальной стратификации и появление новых общественных слоев, а также попытки осмысления исторического процесса в ином научном дискурсе — все это характеризует современное калмыцкое общество, которому и посвящена наша книга.

Ислагаемые ниже исследования оказались возможными благодаря финансовой поддержке ряда международных фондов. Глава 1 была представлена как доклад на семинаре Московского офиса фонда Карнеги в 1999 г. «Антропология постсоветских трансформаций», руководитель семинара В. Тишков. Основные идеи второй главы впервые были доложены на IV Конгрессе российских этнологов и антропологов в Нальчике и частично вошли в статью «Кто старое помянет. Кто старое забудет. О стиле поведения калмыками депортационной травмы», опубликованную в журнале «Социология и социальная антропология», 2001, № 2. Полевая работа в калмыцкой общине США оказалась возможной благодаря стипендии фонда Фулбрайта, предоставленной в Джорджтаунском университете (проф. М. Балзер). Соответствующая глава нашей книги представляет собой доработанный вариант статьи «Калейдоскоп идентичностей в калмыцкой общине США», вышедшей в 2000 г. в «Этнографическом обозрении», № 4. Глава о пище калмыков родины и зарубежья выросла из выступления на III Конгрессе российских этнологов и антропологов в Москве в 1999 г. и была опубликована в сборнике ИЭА РАН «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» (ред. С. А. Арутюнов) в 2001 г. Тема изменений в представлениях о красоте среди калмыков была заявлена мною в 1998 г. на XIV Международном конгрессе этнологов и антропологов в Уильямсбурге, позже эссе и статья по этому вопросу вышли в свет в «Гендерных исследованиях», № 7, и альманахе «Гендер. Культура.

Общество» (ред. И. Новикова). Изучение социальной организации калмыцкого бизнеса стало возможным благодаря финансовой поддержке фонда Д. и К. МакАртуров, грант «Бизнес-слэй Калмыкии: новые модели жизни». Результаты работы были опубликованы в одноименном издании в 1999 г. С докладом о традициях политической культуры в современных отношениях власти в калмыцком обществе я выступала на I Конгрессе российской этнологов и антропологов в Рязани в 1995 г, на XXVII международной алтаистической конференции (РΙΑС) в Шантйи (Франция), 1994. Опубликованные ранее работы для настоящего издания доработаны.

Мне хочется выразить особую признательность за ценные советы и замечания, высказанные при чтении разных глав и за неизменную помощь В. А. Тишкову. Заинтересованное участие Левона Абрамяна в обсуждении текста этой книги, взыскательные комментарии существенно повлияли на ее качество, и я надеюсь, что сумела реализовать его советы. Я благодарна Вардану Айрапетяну за редакцию рукописи, благодаря которой текст в многих случаях приобрел точность и глубину. Я неоднократно пользовалась консультациями историка Владимира Санчинова, которому очень признательна.

Моя искренняя благодарность Цыпылме Дариевой, первой прочитавшей эту рукопись; ее советы помогли мне яснее увидеть недостатки и достоинства своей работы. Без собранных Босей Корнусовой устных историй о депортации соответствующая глава была бы беднее и бледнее.

Введение

Отечественное калмыковедение насчитывает более чем трехсотлетний период исследовательской работы и характеризуется сотнями авторских имен и изданий.¹ Историографы обычно выделяли два периода российской науки о калмыках: дореволюционный и советский, однако десятилетие, прошедшее после демонтажа советской системы, требует новых, отличных от прежних исследовательских подходов.

Рамки «советской этнографии», в которых я и мои коллеги выросли, после либерализации в общественных науках и появления доступа к зарубежной этнологической и социально-культурной антропологической литературе, вдруг оказались тесными. Выяснилось, что источником для социально-культурного антрополога может служить не только строго документированный рассказ столетнего должностного о том, как было во время оно, не только пыльные архивные материалы, но и сама жизнь как таковая: твои собственные впечатления и наблюдения, рассказы соседей и подруг, тексты песен современных групп и интернетовских сайтов, воспоминания родителей и фотографии семейного альбома.

Как и многим моим коллегам, мне было важно пытаться понять, что же происходило с моим народом в драматическом XX веке и каковы перспективы его развития в эпоху глобализации. То, что было моим поколением выучено в студенческие годы об этничности (хотя это слово не использовалось), называлось «традиционная культура» и делилось на материальную культуру и духовную. Материальная культура калмыков, например орудия производства, одежда, жилище, утварь, но не пища, осталась в прошлом, ее элементы можно встретить разве что в музейных залах. Традиционная духовная культура в наши дни уходит вместе с калмыцким языком и ее проявления можно встретить скорее в профессиональных сферах, чем в обыденной жизни. Религия возвращается в общественную и

¹ Ленкова М. История Калмыкии XX века в современной историографии. Элиста, 2001; Боваев Б. Калмыки в отечественной историографии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1987.

частную сферы жизни и люди вновь научаются буддийским практикам. Что можно считать калмыцкой традицией в наши дни? В какой степени эта традиция сохраняется, в какой она изобретается заново? Что связывает современных калмыков с их предками в начале XX века? В чем заключается этничность, если большая часть молодежи и трудоспособного населения говорит преимущественно на русском языке, поет песни на русском языке и танцует иначе? Можно ли считать, что этничность сокращается, исчезает?

Как мне представляется, этничность не есть примордиальная категория и ее невозможно хранить и оберегать. В постиндустриальное время она проявляется в разных сферах, скорее представляя символические категории, связанные с престижностью, в соответствии с потребностями общества отражая индивидуальные и коллективные идентичности, которые также меняются в зависимости от ситуации. Ситуативность, изменчивость, гибкость этого явления иногда наводит на мысль о его иррациональности. Тем не менее вслед за отечественными конструктивистами В. Тишковым, В. Воронковым и рядом других исследователей я полагаю, что современная этничность моделируема и конструируется самим человеком, а значит, и обществом. Например, не раз я слышала такие высказывания знакомых детей: я калмык, потому что я калмыцкий чай пью. Однако многие русские жители республики и представители Северного Кавказа пьют калмыцкий чай, но не считают себя калмыками. В то же время многие студенты вне республики запросто обходятся без калмыцкого чая, не переставая быть калмыками. Я бы сформулировала эту идею так: я калмык, потому что пью калмыцкий чай, поскольку это калмыцкий ритуальный напиток, и мне приятно таким образом поддерживать наш обычай.

Итак, эта книга — о разных аспектах современной этничности калмыков, проявившихся в последнее постсоветское десятилетие, — время, когда никто «сверху» не навязывал калмыкам парадигмы национального разлития, а народ сам выбирал, напрямую или через делегированных лиц, те ценности, которые считал особенно важными в эти годы.

В заглавии работы упоминается Элиста, и это не случайно. Она не просто административный, культурный и образовательный центр республики, а ее сердце. Это практически самый старый, имеющий полуторавековую историю населенный пункт в Республике Калмыкия. Калмыкия всегда была аграрной областью, а ближайшими центрами городской культуры для калмыков были Ростов и Астрахань. Хотя по советской статистике городами назывались также Каспийский и Городовиковск, но это большая натяжка, основанная на процентном соотношении сельскохозяйственных рабочих (рабочих совхозов) и всего населения.

Элиста никогда не была промышленным городом, и ее жители сумели оценить достоинства тихого, чистого поселения. В то же время состав

населения калмыцкой столицы постоянно пополняется за счет сельских жителей. Несмотря на недавние урбанистические традиции, Элиста растет и приобретает за постсоветские годы неповторимый восточный колорит, это «маленькая Азия» в европейской части Европы. Можно с полным правом сказать, что все наиболее важные события в жизни республики происходят в Элисте, а все достижения республики отражаются на облике города и горожан. Элиста отражает как бы все социальные изменения народа, все его заботы и проблемы. Это столица Республики Калмыкия, в которой находится резиденция и администрация президента, а также единственный в республике университет.

Я горжусь тем, что я элистинка, и, как всякий автор, нередко опишав в своих работах то, что знаю лучше всего, что знакомо с детства: мир небольшого города, столицы когда-то Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики, а ныне Республики Калмыкия.

В названии книги выделены три категории: власть, бизнес и красота. Последовательность эта не случайна, в современной Калмыкии именно власть, политика диктует условия бизнесу или проводит свой бизнес в жизнь, а красота становится результатом первых двух факторов — красше становятся люди, дома и сама Элиста. Именно эти категории, наиболее полно представляющие символы престижа, сыграли важную роль в социальных преобразованиях общества. Соотношение указанных категорий с этничностью в калмыцком обществе — основной предмет настоящего исследования.

Мне хотелось в этой книге посмотреть, как меняется этничность в Калмыкии постсоветского периода глазами социального антрополога — калмычки, а в этом слове увязаны две существенные категории — принадлежность к небольшому народу монгольского происхождения, предшественно которого только в Элисте и во всей Калмыкии не скажут «узкоглазый/-ая», и принадлежность к женскому полу, права которого дискриминировались и в традиционном обществе, и в советском. Поэтому освещение некоторых частных проблем читатель получит раскосыми монгольскими глазами и сквозь призму гендерной феминистской идеологии.

В первой, обзорной главе показано, как конструируются постсоветские идентичности калмыков в частной и общественной жизни, рассматривается, что служило предметом национальной гордости калмыков в советский период и после, как осознают теперь себя калмыки в современном мире. Некоторые важные вопросы, поднятые в первой главе, будут рассмотрены специально в последующих главах. Так, тема депортации калмыков (гл. 2) мне кажется одной из ключевых. Несмотря на то что здесь освещены вопросы истории депортации, выходящие за хронологические рамки книги, этот материал, на мой взгляд, вполне уместен. Я считаю, что

процесс демократизации общественной жизни в Калмыкии начался с публичных обсуждений вопросов, связанных с депортацией народа. Более того, сам факт наказания народа и преодоление депортационных незгод становится сегодня одним из существенных факторов саморепрезентации народа.

Третья глава посвящена культурным паттернам в калмыцкой общине США; говорить о калмыцкой диаспоре, тем более познакомиться с ее представителями стало возможно только в постперестроечную эпоху, когда «железный занавес» с Элисты был снят и она стала открыта почти всем калмыкам из-за рубежа. Как история депортации, так и отношения с диаспорой в наши дни стали важными сторонами осознания калмыками своей истории и своего места в мире.

Четвертая глава описывает структуру питания калмыков зарубежья и республики как показатель культурной включенности в большое, доминирующее общество, то есть американский или российский социум. Модель питания, в соответствии с изречением «человек есть то, что он ест», является красноречивым показателем соотношения традиций и новаций, точнее показателем гибридности современной культуры, несмотря на то, что в этнологии пища давно признана одним из наиболее консервативных элементов этнической культуры.

Во многом благодаря изменениям в модели питания изменился внешний облик калмыков, каждое последующее поколение которых воспринимается предыдущим как более привлекательное внешне, более красивое. С чем связаны изменения представлений о красоте, в наши дни существенно отличающихся от тех, что были распространены среди поколения бабушек? Об этом — пятая глава.

Современное калмыцкое общество отличается от советского многими параметрами, среди не указанных выше есть и появление слоя предпринимателей. Названные иронично «ню хальмгуд» («новые калмыки») бизнесмены, о стиле жизни которых идет речь в шестой главе, были первыми, кто решил завести свое дело. Какой жизненный опыт требовался для такого выбора, что в их стиле жизни было этнически специфичным, а что универсальным, анализируется здесь.

Седьмая глава посвящена восприятию власти в калмыцкой среде. Что бы стать современным лидером, необходимо соответствовать представлениям о лидерстве, укорененным в традиционной политической культуре народа. Эта заключительная глава — о соответствии образа президента Республики Калмыкия эпическому герою, историческому персонажу (хану) или партийному лидеру как необходимой составляющей народной мечты о счастье.

Глава 1

Постсоветские идентичности калмыков*

Обращаясь к феномену этничности, я собираюсь рассмотреть в этой главе, каким образом конструируются этнические ценности и как они меняются в эпоху радикальных социальных перемен. В семье советских народов у каждого народа была своя репутация как на профанном уровне, так и на официальном. Этот этнический образ развивался представителем творческой интеллигенции, поддерживался официальной идеологией, тиражировался в школьных программах и масс-медиа.

Национальная гордость калмыков в советское время

Если бы вам случалось вести разговор с каким-либо калмыком в 70-е годы, скорее всего он рассказал бы о своем народе то, что было предметом народной гордости в те годы.

Фольклор. Калмыцкие сказки по своей образности занимают второе место в мире после индийских. Это замечание известного монголоведа Б. Я. Владимирцова было воспринято в народе без академических оговорок, как абсолютная истина. Таким сравнением калмыки приравнивались к одному из древнейших народов, самобытная цивилизация которого должна удивлять и в наши дни. Здесь существенно и то, что Индия большое восточное государство и колыбель буддизма.

Считается, что своей вершины калмыцкий язык достиг в эпосе «Джангар», который стоит в одном ряду с такими шедеврами эпического искусства, как «Калевала», «Витязь в тигровой шкуре» и др. Известно, что не все народы могут похвастать большими, яркими произведениями эпического

* Доклад на эту тему был подготовлен в рамках семинара московского офиса Фонда Карнеги в 1999 г. «Антропология постсоветских трансформаций» (рук. В. А. Тишков).

творчества, а вот калмыки могут это делать с полным правом. Республика гордится своим эпосом, который исполняют сказители-джангарчи в сопровождении домбры. В советское время «Джангар» был переведен на русский язык группой калмыцких поэтов и Семенов Липкиным, получившим за поэтический перевод именно этого произведения Государственную и Ленинскую премии.¹ В те годы благословенную страну Бумбу обычно сравнивали с мечтой трудового народа об обществе социалистической ведливости, которая была воплощена в советской социалистической Калмыкии. Этот эпос действительно очень любим в народе. Многие калмыки брали с собой «Джангар» на фронт во время Великой Отечественной войны. Репрессированный в 1937 г. поэт Санджи Каляев просил жену прислать ему в лагерь издание «Джангара» несмотря на то, что было решено всего две посылки в год, и каждый килограмм дорого стоил.

История. Хотя по определению Ленина «все прошлое калмыцкого народа было непрерывной цепью страданий», в этом прошлом нашлись достойные для народной гордости страницы. Прежде всего это было то, что калмыки добровольно вошли в состав России, а не были завоеваны подобно многим другим народам СССР. Действительно, ойраты двинулись в пределы Российского государства по ряду причин, среди которых основными были угроза военной агрессии со стороны восточных монголов, китаев и казахских соседей, а также поиски свободных пастбищ. Как написал об этом в советские годы народный поэт Калмыкии Константин Эрендженов,

Из далекой земли джунгарской,
Из далекой своей земли
Мы за счастьем — калмыцкой сказкой —
Бесконечной тропой ушли.
Самый мудрый и смелый прадед
Нас на запад повел — и спас.
Там Россия в цветастом платье
Как родник повстречала нас.
Там ковыль, от туманов волглый,
Прошептал: — Остаюсь со мной...
Полноводно сказала Волга:
— Побратайся с моею волной...
Мы в ответ поклонились низко
И, воды испив из ковшей,
Над долиною Эргенинской
Расседлали своих коней.²

¹ Каляева Э. С. «Джангр» или «Джангар»? К истории русского перевода // Литературное обозрение // 1997. № 4. С. 52–68.

² Эрендженов К. Чудесная планета. Страницы воспоминаний // Эрендженов К. Калмыцкие благопожелания. М., 2001. С. 93.

Одна из первых присяг на верность Российскому государству — шертей — была дана в 1609 г. Этот год в советской историографии стал точкой отсчета для процесса вхождения калмыков в состав Российского государства, оформление которого завершилось к 1661 г. По официальным договоренностям калмыки не платили дань и не посылали аманатов в Москву, но должны были нести военную службу, охраняя южные рубежи России, и получали необходимые для этого боеприпасы и амуницию.

Добровольность вхождения в состав России выделяла калмыцкий народ из тех народов СССР, которые были «присоединены» насильственно, подчеркивая миролюбие и лояльность калмыков по отношению к Российскому и потом Советскому государству. С детства я помню рассказы взрослых о том, как ЦК КПСС в 1959 г. будто бы возражал против идеи широко отметить 350-летие добровольного вхождения Калмыкии в состав России. Говорили, что только довод, что 300-летие вхождения калмыков отметили при Николае II в 1909 г., возымел действие; узнав об этом обстоятельстве, Н. С. Хрущев воскликнул: «Ну если Николашка отмечал...» — и дал свое согласие.

Для большинства калмыков это не только исторический факт, но и фон личной этнической биографии. Например, моего одноклассника, приглашенного за рубежом на собеседование при приеме на работу в солидную кампанию, попросили коротко рассказать свою биографию. «Калмыки пришли в Россию четыре века назад» — так он начал свой рассказ о себе.¹

Калмыки участвовали в войнах России и даже вошли в Париж в 1813 г. Защита интересов России, охрана ее южных рубежей и участие в важных военных кампаниях, во время которых калмыцкая конница успешно сражалась с турками, шведами, французами, — именно эти события дореволюционной истории чаще всего вспоминались официальной историографией в советские годы. С гордостью рассказывалось, что военный клич российской армии, сохранившийся и в наши дни, а именно «ура!», происходит от ойрат-калмыцких военных родовых кличей уранов, которые у каждого рода были разными. До сих пор калмыки хранят песни о том, как их предки сражались с врагами России, и почти в каждом официальном концерте калмыцкого государственного ансамбля «Тюльпан» звучит песня о взятии Парижа на калмыцком языке:

Рубили французов с носами длиною в четверть,
Чтоб отразить их атаку,
Рубились с ними не потому,
Что хотели сражаться с ними,
Рубились ради спасения своей жизни.

¹ Полевые записи. Принстон, июнь 1998 г.

Рубились мы с куче-черными французами
 Ради защиты России.
 Защищали Россию,
 Чтобы устоялся мир.¹

Калмыцкие туристы, что бывали в Германии, старались посетить Лейпциг, близ которого был сооружен памятник «битве народов», в которой сражались и калмыцкие подразделения. На стенах этого монумента изображены представители всех видов войск — участников битвы, а на внутренней стене выбиты названия всех народов, пославших своих солдат для освобождения Европы, в том числе калмыков.

Другим предметом исторической гордости было количество калмыков — Героев Советского Союза. Калмыкия занимает одно из первых мест среди национальных республик СССР по числу уроженцев, получивших звание Героя, их было 22 человека. Такой патриотизм в процентном отношении подтверждал верность народа России. Предсмертные слова одного из героев «калмыки умирают, но не сдаются» должны были экстраполироваться на весь народ.

Тем не менее калмыки тыла были репрессированы в конце 1943 г., а солдаты и офицеры отозваны с фронтов в начале 1944 г. Больше того, многие калмыки, представленные к высшей награде, получали взамен орден Отечественной войны или другой, по значению менее престижный, из-за своей национальности. Таким образом, количество Героев могло бы быть большим, поскольку война для калмыков длилась не четыре года, а три. Эта статистика, видимо, была важна как довод против обвинения в предательстве калмыков, по которому народ был жестоко наказан в 1943 г.

Великие люди. Все калмыки знали и гордились тем, что бабушка В. И. Ленина по отцу была калмычка. Это пусть отдаленное, но все же важное, патристическое родство должно было означать особое сочувствие вождя мирового пролетариата к калмыкам. Так, особенный смысл придавался обращению Ленина к трудовому калмыцкому народу, которое начиналось словами «Братья-калмыки!» Эти слова «Братья-калмыки! Судьба вашего народа — в ваших руках!», написанные на транспаранте, обычно виднелись в сельсоветах и в кабинетах начальства. Почтительное отношение к Ленину как калмыку было не только официальным, люди были уверены в том, что Ленин калмык. Поэтому все связанное с именем Ленина получало для калмыков дополнительный смысл. Когда-то и меня, 11-летнюю девочку, отец повел в музей-квартиру Ленина в Кремле и специально показывал мне на висевшей там карте России надпись «калмыки» в междуречье Волги и Урала и там же в музее обратил мое внимание на

¹ *Эрдниец В. Э.* Калмыкия. Элиста, 1980. С. 89.

стоящую в книжном шкафу книгу калмыцкого писателя А. Амур-Санана. А наш университетский преподаватель шутил, что Ленин был калмыком лишь частично, а какой это великий человек, так что же было бы, если б калмыцкой крови у него было больше? Родство калмыцкого народа с Лениным подчеркивалось каждую весну, когда 22 апреля лучшие пионеры республики везли букеты тюльпанов к Мавзолею в количестве, равном годовщине со дня его рождения.

Однако происхождение Ленина должно было соответствовать его официальному образу «великого сына русского народа», поэтому единственным источником, где упоминались сведения о бабушке Ленина, крещеной астраханской калмычке Анне Алексеевне Смирновой, была книга Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых» первых лет издания. Более поздние издания умалчивали об этом, но в постперестроечное время соответствующие места были восстановлены.¹ Имя Мариэтты Шагинян читится в Калмыкии, ей благодарны за мужество, которое она проявила в огоржающей исторической действительности, и это частично связывают с ее нерусским происхождением и «естественной» солидарностью представителей нерусских меньшинств.

Хотя вообще и допускалось, что у любого русского человека найдутся нерусские предки, например татаро-монгольские, но тот факт, что именно у Ленина, а также у химика Д. Менделеева, генерала Корнилова и адвоката Плевако есть калмыцкая кровь, калмыки любили вспоминать. Поэтому хотя портреты Ильича в разных республиках приобретали черты коренных жителей, калмыки отговевывали свое, так сказать «подлинное», право на родство. Вот как написал об этом поэт:

Ленин — на всех звучит языках.

Ленин — прост и велик.

Казах говорит, что Ленин — казах,

А я говорю — калмык!

Кумык говорит, что Ленин — кумык,

Чуваш говорит — чуваш.

Не спорю друзья, он, конечно, — ваш!

Но истинный он — калмык!²

Второй человек, сравнимый по силе народной любви с Лениным, был А. С. Пушкин. Возможно, он был любим в республике, несмотря на десятилетия пропаганды, даже больше Ленина; во всяком случае, калмыцкая Пушкиниана была разработана лучше, чем калмыцкая Лениниана. Во многих своих стихах и в прозе Пушкин упоминал калмыков, бывал в калмыцких

¹ *Шагинян М.* Предки Ленина (наброски к биографии) // Шагинян М. Собр. соч. Т. 5. М., 1988. С. 643.

² Современная калмыцкая поэзия. Элиста, 1977. С. 1. — Хасыр Сян-Белгин.

степях, путешествуя в Арзрум. Но особую признательность великий русский поэт получил в народе за калмыцкую сказку об Орле и Вороне, сказанную Пугачевым в «Капитанской дочке», вольнолюбивая суть которой отражает такие признанные народные ценности, как свобода и достоинство: «чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой крови, а там что Бог даст!» — а также за стихи, посвященные калмычке, в которых автор выражал готовность остаться из-за красавицы в наших краях и нашел в ней не менее достоинств, нежели у светских львиц Петербурга. Может быть, это благодарность народа с колониальной окраины Российской империи ее первому поэту за равное отношение, за умение увидеть красоту иных стандартов, за преодоление расовых предрасудков (от которых страдал и сам поэт), за понимание Другого.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть назло своих затей
Моя похвальная привычка
Не улекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей!²

Пушкинская тема в застойные годы была одной из самых популярных в выступлениях народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова, который со временем приобрел авторитет современного калмыцкого Пушкина. Кугультинов «почти как Пушкин» владел русским языком и пользовался большим успехом в любой русскоязычной аудитории, его творчество было известно всей стране и когда он рассказывал о своих зарубежных поездках, калмыки понимали, как много Советская власть дала народу. Одним из известных рассуждений Кугультинова был анализ пушкинского «Памятника», в котором называется ряд народов — «гордый внук славян, финн, ныне дикий тунгус и друг степей калмык». ³ Калмыцкий поэт считал, что Пушкин обосновывал в своем «Памятнике» именно такой порядок, «уравнивая малые народы со всеми», ⁴ потому что предвидел, что «русская литература и культура спустя столетие будет воспринята и интегрирована многими в то время “дикими” народами России».⁵

Несмотря на пересмотр многих ценностей в эпоху преобразований, Пушкин остается в калмыцкой культуре на своем высоком пьедестале. Пушкинская тема в «национально-региональном компоненте», говоря учебным жаргоном, на уроках литературы в школах республики являет-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Изд. 2-е. Т. 6. М., 1957. С. 507–508.

² Пушкин. А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1957. С. 115.

³ Там же. Т. 3. С. 373.

⁴ Кугультинов Д. Автобиография, статьи, выступления. Элиста, 1997. С. 73.

⁵ Из беседы с Д. Кугультиновым. Полевые записи автора. Элиста, июнь 1999.

ся сквозной для 5–9 классов. Директор одной из элистинских школ назвала свою концепцию такого «национально-регионального компонента» «От мифов к Пушкину»,¹ хотя курс литературы доходит до наших дней. Такой же пietet к великому поэту проявляется на официальном уровне. Как сказал один из видных политиков республики в 2000 г., «мы гордимся предками, обратившими на себя доброжелательное внимание первого поэта России. Поэтому имя Пушкина особо дорого и близко нам, оно освящено своим внимательным отношением одинаково и к «большим» и к «малым» народам».²

Долгое время несколько имевшихся в столице Калмыкии Элисте скульптурных портретов изображали только трех лиц: В. И. Ленина, А. С. Пушкина и О. И. Городовикова. К стати, даже в наши дни, в апреле 1999 г., в газетине калмыцких сувениров Элисты среди прочих товаров я видела всего два небольших бюста. Конечно, это были Ленин и Пушкин.

Перечисленные выше факты нормативной и культурной истории сложились в народном сознании не случайно, а были отобраны ввиду их лояльности и политических дивидендов, которые получила властная элита. Такая интерпретация истории, ее конструирование, ориентированное на патронаж России, где «калмыки обрели свою родину», укрепляло основной уровень идентичности «волжских» или «российских» калмыков, хотя долгое время базовым уровнем идентичности было улусное или этнотерриториальное самосознание народа.

В одной из популярных песен, написанных по-русски в 80-е годы, говорится:

Калмыцкие кибитки кочевые
Тянулись долго в дальние края.
На волжском берегу в степях России
Нашла приют Калмыкия моя.

Автор этих строк народный поэт Калмыкии А. Балакаев вошел в литературу с самым лучшим, на мой взгляд, рассказом о депортационном периоде — «Три рисунка». Имевший личный опыт депортации, зависевший от идеологических государственных и партийных структур, как и все советские поэты и писатели, автор не видел ничего зазорного в этих строках. Однако позже, в 80-е годы, молодежь исполняла эту песню, слегка подкорректировав текст: слова «нашла приют» были сочтены неудачными (ищут приют нищие, бездомные, слабые, никому не нужные) и заменены на «раскинулась». Так поданная история Калмыкии казалась более «достойной» для поколения, родившегося после депортации.

¹ Нюденова Э. К. От мифов к Пушкину // Народы Калмыкии: перспективы социокультурного и этнического развития. Элиста. 2000. С. 172

² Илюмжинов В. Н. Сохранить язык — сохранить народ // Народы Калмыкии: перспективы социокультурного и этнического развития. Элиста, 2000. С. 12.

Конструирование своей «официальной» истории исходя из классовых приоритетов было общим методологическим требованием в советские годы. Не случайно о родстве калмыков с П. Корниловым умалчивалось в то время, а участие калмыков на стороне крестьян в восстаниях Емельяна Пугачева или Степана Разина описывались подробнее, хотя калмыки воевали по обе стороны, и материалы о том, как калмыки подавляли восставших крестьян, лежали в тех же архивах, просто акцентировка на солидарности калмыков с угнетенными массами больше соответствовала идеологической доктрине того времени.

Новые ценности переходного периода

Постсоветский период принес много нового в жизнь народов России. Существенные изменения произошли в самом феномене этничности калмыков и осознании своих отличий от других народов России. Существенное значение имела политика гласности и демократизации в политике и общественных науках. Как и другие народы бывшего СССР, после смены господствующей идеологической парадигмы калмыки вновь обратились к своей истории, пытаясь найти в ней ответы на злободневные вопросы. Новой главной исторической фигурой для калмыков стал Чингисхан. В советские времена имя создателя Монгольской империи, покорившей Русь, в официальных кругах предпочиталось не упоминать. Если публичные празднования юбилея Чингисхана были запрещены даже в Монголии, то в СССР эта тема была разрешена в рамках отечественной истории или на страницах романов художественной литературы. Во многих домашних библиотеках наряду с «Тремя мушкетерами» хранились и романы из трилогии Яна «К последнему морю». Когда же цензуры как таковой не стало, то пустующий пьедестал сам собой был заполнен легендарной фигурой монгольского полководца. Также как и в истории с Лениным, на это имя претендуют разные народы. Видимо, у монголов и бурят исторических прав «на обладание» историческим персонажем такого масштаба несравненно больше, но для калмыков, которые позиционируют себя его наследниками (не отказывая в подобном праве и другим монгольским народам) в европейской части России, в окружении расово иных народов не использовать «свое» право родства было трудно. Первые калмыцкие кооперативы стали выпускать значки с портретом Чингисхана, быстро была издана монография Эренджена Хара-Давана «Чингис хан как полководец и политический деятель», написанная и увидевшая свет в Праге в 1934 г., среди немногочисленных театральных премьер в Элисте 90-х была поставлен эпический спектакль «Под желтым стягом Чингисхана». Конечно, в воз-

ращении этой фигуры в современный исторический дискурс есть немало причин: и его личная историческая харизма, не потускневшая за столетия, и политический заказ, связанный с тем, что появившимся институтам приватизации прошлого, характерная для большинства постсоветских народов. Есть в этом и игра постколониального сознания. Как тут не вспомнить, что некоторые российские историки XVIII в. видели в появлении калмыков в России намерение возродить империю Чингисхана.

Вместе с тем постиндустриальная эпоха в конце второго тысячелетия развернулась лицом к забытым и сохранившимся цивилизациям, появились фильмы типа «Урга», туристические поездки в Монголию стали модными на Западе, как и изучение монгольского шаманизма в этнологии. В России после эпохи гласности изменились представления о мыслимых размерах жестокости и политика монгольского полководца уже не казалась столь чудовишной. Да и сами представители русского народа уже не имели зла, а находили новые достоинства в этой персоне. Вот как увидел Чингисхана в исторической перспективе один из ярких российских журналистов Сергей Мотовщиков. Нареченный в 1206 г. Чингисханом и получивший соответствующие полномочия Темучин подарил кочевникам-монголам новую идеологию — пафос людей длинной воли, образ жизни воинов, презирающих обывательскую трусость, бездельность, предательство и оседлый образ жизни с его худосочным мешанским патриотизмом. Он собрал всадников смерти в идеальной организованную армию с жесткой службой покорения мира, создав в итоге силу, влияющую на развитие значительной части Азии и Европы в течение почти трех веков.¹

Новый исторический дискурс делал акцент уже не на вхождении в состав России, а на более раннем периоде — на истории ойратов. Это привело к тому, что активисты калмыцких общественных организаций предпочли изменить название «калмыки» на «ойрат-калмыки» и даже были предприняты попытки введения такого двойного этнонима для обозначения современного народа. Сам этноним «калмыки» как бы отделил калмыков от предыдущей ойратской истории, поскольку был привязан к приходу ойратов в пределы России, где они стали называть себя калмыками. Уже в начале XXI в. популярная в народе группа «Калмыкия», до этого использовавшая в текстах своих песен традиционную формулу саморепрезентации народа «улан залата хальмгуд» — «краснокистные калмыки», стала использовать выражение «краснокистные ойраты», применяя его к калмыкам XX в. Так, в песне о том, как встречаются калмыки, вернувшись на родину после высылки, есть такие слова: «Улан чирэта төрлүд мини, улан

¹ Мотовщиков С. Нелегальная перепись: татары. Газета.гу. 24 января 2001.

залата өрд мини» — «Моя родня с приветливыми лицами, мои ойраты с красной кистью».

Это имело следствием не только приближение средневековой истории к современности, но и стремление «очистить» этническую культуру от позднейших наслоений. Так, пуристы изменили отношение к калмыцкому мужскому костюму, который за время пребывания в пределах России подвергся значительному кавказскому влиянию и даже стал называться по-хоже — «бешмуд» (бешмет). За последние десять лет многие калмыцкие артисты стали предпочитать сценическую одежду по монгольскому образцу — платье типа «дели», таким образом, как бы снимая слой культурных напластований и реконструируя ойратский костюм. Некоторые из них носят обувь по образцу монгольских гутулов, хотя исполнять калмыцкие танцы в обуви такого типа совершенно невозможно.

Однако деятели культуры часто непоследовательны в своем желании следовать традиции. Сохранить калмыцкий мужской костюм, заимствованный у кавказцев, им трудно, но им легко согласиться, например, с тем, что наиболее распространенный цвет девичьего/женского сценического калмыцкого платья в наши дни — желтый или красный. Это как раз те цвета, которые были табуированы для одежды мирян как в традиционном обществе, так и в обществе массового атеизма. Желтый и красный — цвет одежды священников, это прерогатива монахов. Эти написанные правила сохранялись еще долго. Например, я не помню, чтобы кто-то из моих знакомых и родственников на поколение старше имел хоть что-то из одежды чисто красного, но особенно желтого цвета. По этой причине и мне, как и большей части моих сверстниц, до сих пор не приходится в голову купить желтое платье. Но для сценической одежды, для молодежной одежды все эти табу остались в далеком прошлом.

В последнее десятилетие стали вспоминаться, казалось, дискредитированные родовые идентичности. Долгие годы подчеркивание связей со своим родом воспринималось как «родовизм» и «улусизм», за подобные проявления людей не только снимали с работы, но в 30–40-е гг. и сажали в тюрьмы. Теперь люди с гордостью называют свой поселки, предприятия и магазины по имени своего рода: «Ики чонос» (Большие волки), «Ики бухус» (Большие быки), «Харнут» (Чернявые); появились книги, посвященные истории «малой родины»: «Эркетени», «Станица Граббевская», «Хотон Эндыр».¹

В эти годы вновь стала вспоминаться и актуализироваться идея «белой кости», идея принадлежности к знатному роду. Во время первого ис-

¹ Церенов В. Эркетени. Земля и люди: Из истории Черноземелья. Элиста, 1997; Алексеева П. Э. Станица Граббевская (17 в. — декабрь 1943). Исторический очерк. Элиста, 1997. Дорджиев В. П., Дорджиева Г. Ш. Хотон «Эндыр». Элиста, 1998.

хода 1771 г. калмыцкий хан Убуши увел с собой значительную часть народа и большую часть знати. Ханская линия с тех пор среди калмыков преискала, но остались представители других ступеней знати: нойоны (знать, стоящая во главе улусов) и зайсанги (знать низшего уровня, возглавлявшая хотоны). Охота за ними в 20-х и 30-х гг. привела к тому, что практически все потомки нойонов были уничтожены или эмигрировали, а те, кто относился к зайсангам, предпочитал об этом не вспоминать. Мой отец, ушедший в иной мир в 1980 г., так ни разу мне и не сказал, что мой дед был зайсангом. Потомками знати сегодня нередко стали называть себя люди, не имеющие на то никаких генеалогических оснований; это было совершенно немисливо еще в 20-е годы, потому что свою родовую знать калмыки знали наперечет. Но сегодня, когда устная традиция в этой области прервана и принадлежность к «белой кости» не воспринимается как социальная ответственность за родичей, а в то же время в России возникают дворянские собрания и в князя принимают не только по рождению, приписывая к аристократии современникам не представляется большим грехом. Так, мне рассказывал очевидец, как пьяная старуха запальчиво сказала «Теперь мы все зайсанги!»

Идея «белой кости» так или иначе всплывала во время президентских выборов, которые у калмыков обычно мобилизуют традиционные идентичности. Так, на выборах 1990 г. ходили разговоры, что голоса надо отдать претенденту из Черноземельского района, потому что земля именно этого района раньше входила в Эркетеновский улус, который в свое время был ханским. А после выборов 1993 г. люди, недовольные политикой президента К. Илюмжинова, искали причин также в его происхождении: дескать, у донских калмыков знати не было, поскольку они приняли социальную организацию донского казачества, а знатность для калмыков прежде всего — ответственность за подвластных. Поэтому и спроса за такую политику с президента нет.

Одной из первых возвращенных к социальной жизни идентичностей прошлого стало казачество. После того как российское казачество громко заявило о себе в конце 80-х и начале 90-х, многие калмыки вспомнили о своих казачьих корнях. В первую очередь это были калмыки бузава, или донские калмыки, чьи предки были казаками Великого войска Донского. Места их проживания — 13 станиц, составивших до 1944 г. Калмыцкий район в Ростовской области, — не были возвращены народу после реабилитации. Возможно, этот фактор тоже имел свое значение, а скорее всего ресурсы, которые могли получить казаки от государства, стали сильным импульсом к институционализации калмыцкого казачества. Должность атамана, знамя, особая одежда, папахи, шапки, деление Элисты символически

¹ Полевые записи. Вашингтон, март 1998.

на станции вначале вызывали улыбку у калмыков неказяцкого происхождения, а потом стали фактом жизни.

Если бы вы встретили калмыка в середине 90-х гг. и позже, его рассказ о народе содержал бы другие мотивы:

- 1) у нас молодой президент, который к тому же президент **ФИДЕ**;
- 2) калмыки — единственные буддисты в Европе;
- 3) калмыки были депортированы в сталинскую эпоху, но сумели выжить, вернуться и вспоминают эти годы без злобы;
- 4) республиканская футбольная команда «Уралан» играет в высшей лиге, а в 1998 г. в Элисте проходила международная шахматная олимпиада;
- 5) скорее всего, похвастал бы родственником из США.

Если сравнить, как изменился выбор того, что является предметом гордости для калмыков, то обращает на себя внимание, что в 70-е годы он был связан с прошлым, а в наши дни с текущей жизнью, с настоящим.

Остановимся подробнее на этих позициях, которые, на взгляд респондентов, выделяют калмыков из других российских народов.

Гражданские идентичности. Будучи гражданами Калмыцкой АССР, калмыки особенно гордились этим уровнем государственности в первые годы после восстановления республики — в конце 1950 — начале 1960-х гг., когда сама государственная реабилитация народа была шагом вперед после сибирского бесправия, была признанием невиновности калмыцкого народа перед родиной. Когда же факт восстановления республики стал привычным, автономия стала восприниматься как второстепенная государственность, соответственно и носители этой автономии видели себя если и не на галерке театра народов СССР, вместе с представителями народов, не имеющих своей титульной формы государственности, то где-то на балконах первого яруса.

Подлинная гражданская гордость появилась после Декларации о суверенитете, создания Республики Калмыкия — Хальмг Тангч со своим гимном и флагом в 1991 г. К сожалению, удачный текст и величавая музыка не повлияли на судьбу калмыцкого гимна, схожую с судьбой российского гимна в первой редакции, музыку которого узнавали, но слов так и не учили. Видимо, это связано и с тем, что калмыцкий текст не заучивается легко русскоговорящим населением, и с тем, что руководство так и не сделало попыток внедрить национальный гимн в общественную жизнь. Имеет значение также то, что в традиционном обществе калмыки не имели единого гимна, у каждого рода гимны были свои.

Избрание первого президента РК вызвало массовую эйфорию в республике. Его непредсказуемость и молодость стали составной частью имиджа республики. Толерантность и легитимность, свойственные калмыкам, восприимчивость населения к президенту как эпического героя или хана

сделали его символом республики. Сам К. Илюмжинов своей поддержкой спорта укрепляет гражданские идентичности, используя спортивные символы: чемпион мира по боксу, пусть этнический таджик — гражданин РК, футбольная команда республики, основной состав которой преимущественно украинцы, — в высшей лиге. В дни, когда играет «Уралан» или выступает Малахбеков, все жители республики не отходят от телевизора. Улицы города пусты, когда «Уралан» играл в Волгограде или Ростове, потому что все мужчины, кто мог, уехали болеть за родную команду. Насколько спортивные успехи республики были важны для государственных властей, говорит тот факт, что из пяти лиц, награжденных высшим орденом республики «Герой Калмыкии» (золото, платина, бриллианты), трое — спортсмены. Опрашивая элитинских школьников, какие праздники в их жизни им запомнились больше других, я получила среди прочих ответов такой: «настоящий праздник для меня был, когда «Уралан» выиграл у «Ротора»!»

Элиста как столица республики, народ которой был когда-то депортирован, долгое время была закрыта для иностранцев. Поэтому проведение крупных международных шахматных соревнований в Элисте, причем не раз, систематическим образом, как бы продолжает процесс реабилитации калмыцкого народа уже на международном уровне.

По инициативе президента РК и согласно его указу возвращаются в жизнь национальные виды спорта, казалось, практически забытые. Теперь в республике каждое лето проходит «Джангариада» — так была названа спартакиада по калмыцким видам спорта. В перечень состязаний вошли конные скачки на 50 км только на скакунах калмыцкой породы, стрельба из лука, калмыцкая борьба в трех весовых категориях — вес слона, вес кабана и вес льва, а также метание копья в цель и метание аркана с живой мишенью.

Когда этот указ вышел в свет, выяснилось, что в народе забыли, как устроен лук, какими должны быть стрелы. Однако ответственность за исполнение указа несли представители президента в районах, которые всячески старались удержаться на посту и были лично заинтересованы в исполнении. Таким образом, при восстановлении исторических форм спорта сошлись государственные и народные интересы, а также личные интересы управления народного аппарата, сочетание которых обеспечило успешное восстановление народных видов спорта или же их повторное изобретение.

Проведенное в 1997 г. в Элисте этносоциологическое обследование молодежи² дает интересный материал для изучения структуры этнического

¹ Полевые записи. Элиста, май 1999.

² Это обследование проводилось в рамках международного проекта «Молодежь России», рук. М. Н. Губогло (ИЭА РАН) и С. Лейман (Колумбийский университет, университет Доха).

самосознания. Было опрошено в Элисте 800 студентов и школьников, из них 400 — калмыки. Вот статистика ответов калмыцкой молодежи на вопрос «В какой степени для вас значима национальная (этническая) принадлежность?». Оказалось, что «очень значима» для трети респондентов, «значима» для 40%, мало значима для 17%, совсем не значима для 4%. Таким образом, мало значима и практически незначима национальность уже для 21% опрошенных подростков-калмыков. Показательно, что новое поколение в небольшой степени ощущает себя просто людьми, гражданами: эти ребята чувствуют себя комфортно в своей республике и еще не сталкивались в жизни с проблемами межэтнических отношений. Долгие годы после 28 декабря 1943 г. ни один калмык не мог не придавать значения своей национальной принадлежности, ему об этом напоминали каждый день. Этот комплекс народа-изгоя еще долго давал о себе знать. И только поколение, рожденное в 1979–80 гг., позволяет себе не придавать значения «пятому пункту» анкеты. Это свидетельствует о появлении среди молодежи более свободных лично-ориентированных установок, не столь жестко связанных с официальной фиксацией этнической принадлежности. С другой стороны, это индикатор здоровых межэтнических отношений в республике, где ни в калмыцких семьях не прививается национально-этническое отношение к своей или чужой национальной идентичности, ни со стороны основного этнического контрагента — русских — не проявляются задевающие национальное чувство настроения. Разумеется, нельзя забывать и про юный возраст респондентов, ближайшие годы могут склонить их в сторону калмыцкой идентичности, но в настоящее время это люди, которые еще не встречались в своей жизни с проблемами такого рода. Думаю, что и сама этническая идентичность, поскольку она апеллирует к прошлому, не является определяющей сейчас, когда гораздо большее значение приобретают другие идентичности, связанные с настоящим и будущим, — профессиональные, родственные, семейные и др.

Этническая идентичность для калмыков во многом увязана с гражданскими идентичностями, которые представлены прежде всего как «гражданин республики Калмыкия» и «гражданин Российской Федерации». При мер двойной идентичности подает и президент РК, который в своей первой предвыборной программе декларировал: «Я калмык и в то же время россиянин. Это не делится, как душа и сердце»¹.

Возращение религии в современную жизнь калмыков. После того как к концу 30-х гг. в Калмыкии были уничтожены все буддийские храмы, которых в начале XX в. было более 100, калмыки все более отходили от

¹ Илюмжинов К. Н. Калмыкия перед выбором // Этнополитическая ситуация в Калмыкии. Т. 1. М., 1995.

«желтой веры». Несколько человек с высшим буддийским образованием из числа тех, кто не ушел с немецкими войсками и выжил в лагерях и ссылках, не имели легальной возможности отправлять культ. Религиозная жизнь не выходила за пределы домашней сферы и поддерживалась в основном лишь пожилыми людьми.

В советское время направлялось много просьб открыть хотя бы один буддийский храм, но местное партийное руководство наотрез отказывалось сделать это. И только в 1989 г., через пятьдесят лет после закрытия, был открыт молебельный дом, а в 1995 г. был построен и освящен буддийский храм. За последние годы в республике построено около сорока буддийских храмов. Но буддизм пока еще привлекает людей своей внешней формой, обрядовой стороной, а не духовной; об этом говорит тот факт, что в построенных храмах не хватает обученных служителей культа. Возвести храм в своем районе или своем совхозе считали делом чести многие жители республики, однако возникла проблема кадров. Первая группа учеников, отправленная для получения буддийского образования в Индию и Монголию в 1989 г., еще не закончила курс обучения, он обычно длится около 20 лет.

Изменился и сам облик священника: первые монахи были приглашены из Бурятии и Тувы и выяснилось, что многие из них женаты, имеют детей, их семьи живут при хурулах, а им не чужды вредные привычки. Если буддисты Бурятии и Тувы за годы советской власти привыкли к такому редуцированному явлению, как семейные монахи, то в Калмыкии ввиду отсутствия легальной практики в эти годы казались естественными строгий монашеский образ жизни и неукоснительное выполнение обетов духовными лицами в соответствии с тем, что помнили старики.

Духовные лица стали неприменными участниками всех официальных государственных мероприятий и должны были своим присутствием осящать и украшать публичные акции: бордовые одежды, бритые головы, необычные монотонные молитвы вызывают священный трепет даже у тех, кто считает себя атеистом. Независимо от личной веры калмыкам республике было приятно, что их предки около четырех веков назад приняли буддизм, который имеет репутацию интеллектуальной религии, и оказались единственным в Европе народом, исповедующим буддизм. Имело значение и то, что в России мало народов, которые могли считаться со братьями по вере, к тому же они были территориально далеки. Буддизм заметно выделял калмыцкий народ из ряда соседних народов.

О престижности буддийских символов в наши дни говорят многие названия магазинов и частных фирм буддийского происхождения, например элистинские торговый дом «Сумеру», магазин «Чиндамани» и т. п. Такие символы буддизма, как желтый цвет и белый лотос, стали атрибутами государственного герба и флага. Буддийские амулеты, обереги, четки

вошли в быт всего калмыцкого населения. Независимо от подлинной веры калмыки подчеркивают свою конфессиональную принадлежность, которая выделяет их среди «других» и дает возможность показать калмыкам зарубежья, что они «свои».

Если в доперестроечные годы буддизм в официальных кругах преподавался как пережиток прошлого, который калмыцкий народ успешно преодолел, то в настоящее время он стал одним из основных предметов народной гордости. Например, для конца 70-х гг. типичной была тема кандидатской диссертации «Становление массового атеизма в Калмыкии», а в конце 80-х исследователи предпочитали изучать региональную модель буддизма в Калмыкии. Отношение к религии изменилось и в самом обществе. Была восстановлена должность шаджин-ламы в Калмыкии, первым шаджин-ламой был избран 20-летний калмык из США. Стали широко известны имена многих репрессированных священников, а также имена священников высшего сана. Если раньше люди предпочитали умалчивать о родстве с ними, сейчас они этим родством гордятся. Один из таких священников — гевше Вангъял, посланный из Калмыкии на учебу в Тибет в начале 20-х гг., но из-за преследования религии в СССР не вернувшийся на родину. После появления калмыцкой общины в США гевше присоединился к ней. Именно с ним связано распространение буддизма в США. Сейчас имя гевше Вангъяла стало почитаемым в республике, его книги издаются в Калмыкии в переводе с английского.

Огромное значение для жителей республики имели визиты Его Святейшества Далай-Ламы 14-го в Калмыкию в 1991 и 1992 гг. Никогда раньше нашу землю не посещал иерарх столь высокого ранга. В те дни в республике царил праздничное настроение. Приезд Его Святейшества воспринимался в народе как божественный знак нового поворота в истории калмыков и стал сильным импульсом к распространению религиозности.

Депортационный комплекс. Вернувшись «из Сибири» в 1957–58 гг., калмыки старались забыть «тринадцатые проклятые лет», а власти делали вид, что этих лет и не было. Стремление забыть бедствия депортации объясняется не только свойствами памяти, оно связано с чувством вины, чаще всего мнимым, но упорно насаждавшимся официальными властями в связи с деятельностью так называемого «Калмыцкого карательного корпуса», который был сформирован при фашистской оккупации республики (август — конец декабря 1942). Несмотря на то что калмыки сформировали в годы войны добровольно 110-ю Отдельную Калмыцкую кавалерийскую дивизию РККА, сам факт сотрудничества с фашистами части населения вызывал в народе чувство стыда. Возможно, это частично связано с тем, что приход калмыков в Россию в качестве воинов, охранявших южные рубежи, нашел отражение на основном уровне идентичности народа.

Даже в наши дни калмыки осознают свое родство с другими монгольскими народами и соответственно воспринимаются ими как «волжские калмыки» или «российские калмыки». Поэтому официальное признание факта сотрудничества с оккупантами, усиленное во время публичных судебных процессов над карателями в конце 60-х, говорило о предательстве, а следовательно, и о «справедливости» наказания. Правозащитный подход к этому «преступлению и наказанию» в республике практически не сформулирован.

Указ о реабилитации репрессированных народов 1989 г. поднял проблему территориальной реабилитации, но ненадолго: этот вопрос был заморожен на 4 года, а теперь снят с рассмотрения. Все же развенчание КПСС, Сталина и КГБ в перестроечной прессе лишило эту тему запретности. Одновременно появились фигуры президента К. Илюмжинова с его ярким имиджем избавило старшее поколение калмыков от «сибирского комплекса», люди почувствовали себя не хуже других народов, прошел страх, свойственный тоталитарному обществу, и допущение, что все поворачивается.

Тем не менее в политической среде чаще встречается сознательное «потребление» травмы: политики, например, получают одобрение Центра в обмен на упоминание проблемы территориальной реабилитации. Возможно, это универсальное отношение «политических наследников травмы», которые стараются использовать в политической борьбе все ресурсы, включая исторические; например, сходно обстоит дело с «армянским вопросом», «перееммысление которого происходило в связи с нуждами республиками»!

Отношения с диаспорой. Только в постсоветское время калмыки ощутили себя частью рассеянного калмыцкого мира, в котором республика оказалась единственной территорией, имеющей свою форму государственности. Поэтому хотя историческая родина калмыков связана с Джунгарией, метрополией негласно считается Республика Калмыкия.

Правда, после того как железный занавес исчез и приезды калмыков из США и Европы стали частыми, выяснилось, что калмыки зарубежья лучше сохранили родной язык и религию. Это задевает многих калмыков республики, а некоторые из них уверены, что именно из-за ухода части калмыцкого населения вместе с фашистскими войсками в годы Второй мировой войны были высланы жители республики. Негласный спор о том, кто же «настоящие калмыки», продолжается. Негласный спор о том, кто же «настоящие калмыки», продолжается: то ли это те, кто вырос на чужбине, но в вере, сохранив язык, то ли те, кто проживает сейчас на родине, но 70 лет жил «под Советами».

¹ Паносян Р. Непростое прошлое, трудное настоящее, туманное будущее (Отношения Армении и диаспоры в 1988–1999) // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 39.

Калмыки общины в США уверены, что только невесты из республики спасут их общину от ассимиляции. Несколько десятков калмыцких девушек выехали из республики, став женами калмыков США. Известны случаи, когда невеста и жених не встречались до свадьбы лично, брак устраивался родителями жениха, что в целом отвечает вековой традиции выбора невесты. Нередки примеры, когда контакты с американцами приводили к тому, что ради преимуществ родства с дальним (обеспеченным) родственником «забывалась» близкая родня на родине. В этих случаях преобладали одной из основных ценностей народа — приоритетом родства.

С первых дней проживания в США калмыки опасались, что они растворятся в большом обществе. Почему им было важно сохранить как этнической единице? Возможно потому, что американское общество, наряду с моделью «плавильного котла» нации или, вернее, вопреки ей, сформировало новый тип самосознания людей, которое непосредственно было связано с этническими корнями. Более того, по исследованиям американских антропологов, многие американцы продолжают использовать свои этнические связи, когда ищут работу или брачного партнера. Многие предпочитают жить так, чтобы их непосредственное окружение составляли люди одной с ними национальности.¹

Удивительно проявляется структура идентичностей в калмыцкой диаспоре. На первый взгляд, мигрантская группа самоорганизуется по образу материнского общества. Действительно, наиболее значимые внутригрупповые деления связаны с традиционной этно-территориальной конфигурацией калмыцкого общества; больше того, воспроизводится традиционная социальная организация калмыков. Можно сказать, что с 50-х гг. в США калмыки создали новые улусы с лидером во главе каждого. Как и положено нойону, стоящему во главе улуса, он заботится о нуждах своих подопечных. Так, для удовлетворения культурных потребностей калмыков США лидеры калмыцких обществ приглашают артистов и хужиджиков из Калмыкии на гастроли, помощь родственным отношениям выдвигается в организации передачи денег в Россию, транспортировки и обеспечения визами невест и родственников, религиозные и ритуальные потребности удовлетворяются через финансирование хурулов и организацию праздников. Но в отличие от традиционной знати, эти лидеры не получают свой полномочия по наследству, они избираются собранием общества. В калмыцкой общине США появилась своя элита, к которой теперь стали относиться не людей знатного происхождения, а лиц, получивших высшее образование и высокооплачиваемую работу, и соответственно — более высокий статус в большом обществе. Успехи в доминирующем

¹ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С. 50.

обществе становятся внешним критерием признания внутри общины. Оказавшись за океаном, калмыки, не зная иного способа социальной организации, вероятно, стали использовать ту форму, которая была им известна и проверена опытом поколений, но уже в модифицированной форме.

На крайнем северо-западе КНР, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе проживает, по разным данным, от 40 до 130 тыс. потомков калмыцкого исхода 1771 г. Так как подавляющая часть ушедших принадлежала к той части калмыков, которые считали себя торгудами, они и в Китае стали называть себя «торгуды». Как вспоминал Д. Кугультинов, одним из первых имевший возможность встречи с соплеменниками, «однажды в Пекине в гостинице меня поджидали двое молодых людей... Подошли, поздоровались: "Менде!" (Здравствуйте!) — я им ответил: "Менде!" Тогда один из них заплакал и сказал: Мы думали о вас более 200 лет...»¹

Около сотни торгудов из КНР получили гражданство в Калмыкии. Хотя их предки покинули Россию в 1771 г., удалось проследить родство с российскими калмыками, многие из них нашли здесь своих родичей. Замечу, что престиж «западных» калмыков в республике все же выше, нежели «восточных», и это связано в первую очередь с уровнем жизни в соответствующих странах.

Фенотип как фактор идентичности. Существенную роль в формировании этнической идентичности калмыков играла принадлежность к монголоидной расе, резко выделяющая калмыков от окружающих народов России. В XV в. ойратам, чтобы отделиться от восточных монголов, понадобился специальный этноотличительный знак на головном уборе — красная кисть, настолько были похожи окружающие ойратов соседи: по языку и одежде, по хозяйственно-культурному облику и в профессиональном отношении.

Пришедшим в Россию ойратам было непривычно видеть вокруг людей совершенно иного облика, и они пытались понять, какое значение имеют различия во внешности. Так, одни из первых впечатлений от общения с русскими были следующие: этим людям нельзя верить из-за цвета глаз — голубого, благодаря которому они в состоянии обманывать других не отводя взгляда. А их женщины бесстыдны, потому что ходят без штанов.

Осев на юге России, калмыки за почти четыре столетия не почувствовали надобности в особой маркировке, она и так была «на лице». Возможно, поэтому калмыки не старались во что бы то ни стало сохранить свою этничность; предпологалось, что она воспроизводится так же, как «монгольское пятно» на кресте у новорожденных калмыцких детей.

Между тем среди калмыков давно утвердились представления о красоте, ориентированные на тип с европеоидной примесью. Самыми красивыми

¹ Кугультинов Д. Указ. соч. С. 36.

женщинами в народе считались терские калмычки, у которых можно проследить адыгских предков. Что касается индивидуальной красоты, то чем меньше в человеке в настоящее время выражены типичные монголоидные черты, тем привлекательнее он для общества. Однозначно красивыми считаются дети от смешанных браков калмыков с некалмыками, а точнее — с немонголоидами. Такие дети называются в народе «балдырами» (смешанные). Можно сказать, что само это слово стало синонимом красоты, и если пор кого-то сказано «он балдыр», под этим подразумевается не столько этнический состав его семьи, а именно внешняя привлекательность. До сих пор при обсуждении вопроса о возможной свадьбе смешанной пары доводом в пользу ее служит уверенность, что «зато дети будут красивые». Так и по поводу брачных детей: если у одинокой матери появился ребенок-балдыр, ей будет больше сочувствия и понимания в обществе. Возможно, что инстинктивное стремление обогатить генофонд в итоге стало формулироваться в эстетических категориях.

Ориентация на западные стандарты особенно усилилась в последние десятилетия под влиянием средств массовой информации. Сейчас умами молодого поколения завладели прозападные ориентации, насаждаемые журналистами, кино, телевидением и демонстрируемые представителями калмыцкой диаспоры в США. К примеру, когда в одной из экспедиций ИЭА по изучению формирования полорелевых стереотипов у калмыцких детей¹ мы просили первоклассников нарисовать картину на тему «Я — взрослый», четыре из десяти девочек нарисовали себя в будущем блондинками, а их мамы подтвердили, что девочки смотрят французский сериал «Элен и ребята» и главная героиня-блондинка им очень нравится.

Тенденцию включать в идеальные женский и мужской образы антропологически контрастных характеристик среди калмыков в объеме, заметно превышающем соответствующую реальную частоту в выборке, подтверждают исследования физических антропологов.² Таким образом, утвердившиеся стереотипы восприятия красоты у калмыков представляют собой лестный автопортрет европеизованного азиата. Возможно, изменение представлений о стандартах красоты в калмыцком обществе в сторону «Другого» отражает состояние общества как нестабильное или переходное.

Во всяком случае у некоторых восточных народов, в том числе близких калмыкам по происхождению, дети, имеющие только одного из родителей коренной национальности, не воспринимаются в этнической среде

¹ Полевая экспедиция ИЭА РАН «Формирование полорелевых стереотипов у калмыцких школьников начальных классов», рук. М. Л. Бутовская. Калмыкия, 1996–1997.

² Халдеева Н. И. Антропосоциальные исследования в теории и практике // Мужчины и женщины в современном мире: меняющиеся роли и образы. Том 1. Москва, 1999. С. 204–205.

как полноценные. Так, в Монголии тех, кто был наполовину монгол, а наполовину китаец или русский, с 50-х гг. стали называть уничижительным словом «хурлиц-эриц», несущим в себе коннотации инакости, нечистоты, опасности. Этимологически это слово обозначает гермафродита, а также помесь домашней собаки или кога и дикой.¹ Подобное неприятие полурок существоует и в Японии, таких людей называют полупоннами (han-jara), их четко маркируют как таковых, как людей «ни то, ни се», и «полноценные» японцы относятся с ним с предубеждением и дискриминацией.² Видимо, позитивное отношение в калмыцком обществе к балдырам связано с тем, что в республике не сложился постколониальный дискурс, который можно обнаружить в общественном сознании и монголов и японцев.

Присущий калмыкам фенотип является одним из самых существенных факторов фиксации этнической идентичности. Если даже татары, проживающие в Санкт-Петербурге, считают невозможным сменить этническую идентификацию из-за различий в физическом облике,³ то что же говорить о калмыках, представляющих классический монголоидный расовый тип. Если признавать, что центральным моментом в анализе феномена этничности является этническая граница, определяющая группу,⁴ то именно фенотип является важнейшим маркером калмыцкой этничности.

Расовый фактор для калмыков был особенно существен в годы депортации. Он усугублял отчужденность коренного населения от чужаков, преступников, про которых распускали слух, что они людоеды. Со временем эта отчужденность преодолелась, по крайней мере можно сказать уверенно, что молодые мужчины, особенно фронтовики, ввиду благоприятной для них послевоенной демографической ситуации иногда находили себе русских жен. В то же время калмыцкие девушки, если в данном населенном пункте не было калмыков-мужчин, оставались одиночками. Практически не было случаев, чтобы кто-то из местных мужчин предпочел невесту калмыцкого происхождения местной девушке. В последние десятилетия расовый фактор становится проблемой для калмыцкого студенчества российских университетских центров, где все чаще можно столкнуться в быту с русскими фашистами, для защиты от которых студенты-инородцы вынуждены порой вооружаться.

¹ *Bulag Uradyn E.* Nationality and Hybridity in Mongolia. Oxford, 1998. P. 137–140.

² *Ohnuki-Tierney E.* The Monkey As Mirror: Symbolic Transformations in Japanese History and Ritual. Princeton, 1987. P. 147–148.

³ Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 45.

⁴ *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 53.

Между Европой и Азией — это основная диспозиция ценностей и приоритетов. Калмыки живут одновременно в двух мирах, но ориентиры на европейскую культуру (русскую, постсоветскую или западную) значительно прогрессируют. Это проявляется в усилении индивидуализма как жизненной стратегии в противоположность доминированию родового коллектива, который быстро сдает свои позиции в период преобразований. Во многом этому способствуют подавляющие позиции русского языка и русскоязычной литературы. Русско-калмыцкое двуязычие превратилось из этнической реальности желательной и пока недостижимой нормой, поскольку в последние годы стало обычным господство русского языка во всех сферах, включая семью, про плохом знании или полном незнании родного языка. Ради высокого среднего балла в аттестате многие городские школьники уклоняются от изучения калмыцкого языка в выпускном классе, если на хорошие оценки претендовать не могут, и это не осуждается в общественном мнении. Как правило, городские школьники по-английски говорят гораздо лучше, нежели на родном. Не владеющий свободно разговорным калмыцким языком и практически не читающий современную литературу по-калмыцки мой современник тем не менее гордится особой калмыцкой письменностью, так называемым Ясным письмом.

Влияние западных стандартов, к примеру, проявляется в бычае чокаться при употреблении спиртных напитков. В традиционной культуре калмыков этот обычай отсутствовал. Больше того, стук посуды воспринимался как плохое предзнаменование, как примета возможного опустошения, разрухи. Поэтому калмыки уступают обычаю соединять бокалы после тоста, но чаще делают это, обхватив рукой всю боковую площадь посуды, так что касаются руки, а не стекло. Так достигается компромисс между двумя традициями, и не только в приведенном примере.

Можно сказать, что стал формироваться стиль жизни, сочетающий в себе ценности традиционные и современные, калмыцкие и российские, восточные и западные. Это хорошо видно в использовании календаря. Понимая, что жить и работать надо по принятому во всем мире григорианскому календарю, калмыки тем не менее сватаются, женятся и хоронят по традиционному астрологическому календарю. Высокий процент межэтнических браков, представления о красоте, в которых отражены метизованные признаки, распространенность «русских» имен также свидетельствуют о западных ориентирах. Но фенотип калмыков, жестко привязанный к Востоку, побуждает создавать образ народа из «цивилизованной Азии» — народа со своей государственностью, буддийской культурой, нестандартным президентом и обширной диаспорой, которая рассеяна почти как у больших народов, — образ, который продолжает создаваться. Это влияние взаимное: меняющийся имидж народа в свою очередь влияет на сам народ, который старается больше соответствовать измененному имиджу.

Конструируемый имидж зависит не только от вкусов и желаний властной и интеллектуальной элиты, «для которой этническая идентичность сама становится ресурсом состоятельности»¹. Он также зависит от имиджа народов, исторически близких и вследствие этого воспринимаемых как конкурентные. Такими для калмыков были монголы, киргизы и казахи, позже к ним добавились буряты, составив, по выражению В. Тишкова, «комплекс малых различий».

Так, в 1990 г. в республике праздновали 550-летие эпоса «Джангар». Совершенно условная по своей точности дата была привязана к 1940 г., когда отмечалось 500-летие эпоса. Упустить возможность отпраздновать 550-летие «Джангара» руководители республики не могли: такого рода даты это всегда возможность обратить внимание Центра на республику, специальные федеральные дотации. Однако последовавшие празднования тысячелетия «Манаса» и «Гэсэра» привели к обсуждению возраста «Джангара», потому что калмыцкий эпос, как представляется многим, не может отставать от эпоса киргизов и бурят на полтысячелетия и тем самым свидетельствовать, что калмыки будто бы отстают от этих народов на эти пять столетий.

В конце 80 — начале 90-х гг. слухи о том, что чеченцы получили значительные суммы в качестве компенсации за материальный и моральный урон за годы депортации для всех жителей республики чеченского происхождения, независимо от года и места рождения, стали катализатором попыток добиться таких же выплат для калмыков.

Как правило, все публичные рассказы или даже профессиональные исследования о депортации калмыков рассматривают ее как наиболее трагическую. Думаю, это имеет свое объяснение. Почти все исследования о депортациях российских народов обычно принадлежат историкам, выходцам из депортированных народов, и апеллируют к современному государству, которое по предположению должно компенсировать принесенный депортированным народам материальный и моральный ущерб. Поскольку государство располагает ограниченными финансовыми ресурсами, в притязании на постдепортационные компенсации наказанные народы выступают как конкурирующие. С другой стороны, конкуренция в перенесенных бедах должна показать государству, какой народ надо поддерживать в первую очередь, — конечно тот, который пострадал больше.

Сакрализованная память о депортации калмыков отражена в создании двух мемориалов: памятного камня у кинотеатра «Родина», который был в 1943 г. сборным пунктом депортируемых, и авторского — «Исход и возвращение» Эрнста Неизвестного. Но депортация отличается от исхода, при котором люди тоже вынужденно, но все же сами выбрали время и

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 72.

маршрут миграции. Однако такое название мемориала не случайно, это отражение официального дискурса: ставить рядом обе акции, выселение и возвращение. Таким образом как бы искупается вина: ошибка была совершена и позже исправлена. Здесь присутствует и намек на везение, поскольку не все выселенные народы были возвращены, поэтому-де надо радоваться, что возвращение калмыцкого народа состоялось.

Соревнование в сфере истории, попытки ее нового прочтения продолжают. Нельзя сказать, что современный имидж народа полностью вытеснил приведенные выше статьи народной гордости, которые хотя и стали рутинными, но продолжают оставаться в наборе действующих этнических ценностей. Они хотя и отошли на второй план, но поддерживаются и «снизу» и «сверху». Так, К. Илюмжинов во время первой предвыборной кампании выразил готовность перенести мавзолеев Ленина из Москвы в Элисту, если государственные власти будут настаивать на его демонтаже. Больше того, став президентом республики, он старается комбинировать «новые» и «старые» ценности народа, поскольку неизвестно, какие именно ценности станут релевантными в недалеком, но и непредсказуемом будущем. Главная магистраль Элисты, как и центральная площадь, продолжают носить имя Ленина, а памятник пролетарскому вождю в центре этой площади был в 1998 г. развернут на 180 градусов, чтобы лицо бывшего вождя было обращено к недавно воздвигнутой статуе Будды — ведь спиной к богам стоять не позволено даже памятникам такого ранга, тем более что сам исторический герой имел калмыцкую кровь, — а также к Дому Правительства, где расположена администрация президента.

Образ родины в последнее десятилетие также существенно изменился. Идеальный, романтический визуальный образ родины — безграничная весенняя степь в алых тюльпанах. Именно такие строки Д. Кугультинова знал наизусть каждый школьник моего поколения:

Как ты прекрасна, степь моя в апреле!
Хрустально-звонкий воздух и простор,
И колокольчик — жаворонка трели.
Ты музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

По этой степи, по запаху полыни тосковали калмыки в годы депортации; этот горький запах казался сладким калмыкам в диаспоре. Один из популярных журналов калмыцкой эмиграции первой волны, выходящий в Париже в 30-х гг., так и назывался «Ковыльные волны». Возвращаясь из ссылки, калмыки, хотя и торопились домой, останавливали машины и автобусы, выходили в степь помолиться, вдохнуть полной грудью степной воздух — и спустя полвека помнили об этом счастье дышать родным воздухом.

И в наши дни степь остается символом мало урбанизированной республики. На просьбу нарисовать «красивое/некрасивое» дети первого класса под красивым рисовали весеннюю степь.¹ В апреле многие сельские и городские жители находят время, чтобы пойти или поехать в степь: школьники в поход, семьи на пикник. Цветение тюльпанов — достаточная причина для такой поездки, аналогичная экскурсиям японцев для любования цветущей сакурой.

Однако эпоха гласности позволила заговорить об экологических проблемах калмыцкой степи. Наступающая пустыня, занесение степных тюльпанов в Красную книгу, последствия разрушительного строительства канала Волга—Чограй привели к тому, что экологические проблемы стали актуальными как никогда раньше.

В постсоветских условиях калмыцкая этничность получила сильный импульс к изменению и развитию, став одним из центральных рычагов политической мобилизации. Становление в Калмыкии президентской республики с положенными атрибутами государственности — гимном, гербом, флагом, идеологической доктриной, потребовало большего чем раньше внимания к феномену этничности со стороны властей и, соответственно, большей отдачи со стороны народа.

¹ Из материалов полевой экспедиции ИЭА РАН «Формирование полоролевых стереотипов у калмыцких школьников начальных классов», рук. М. Л. Бутовская. Калмыкия, 1996–1997. Калмыкия.

Армии, передавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовали банды и активно противодействовали органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершали бандитские налеты на колхозы и терроризировали окружающее население». ¹ Первым пунктом указ постановлял: «Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы ССРСР, а Калмыцкую АССР ликвидировать». В остальных пунктах территорию Калмыцкой АССР предписывалось поделить между только что созданной Астраханской областью, Сталинградской областью и Ставропольским краем. ²

Этот указ не был опубликован, как и принятое 28 декабря 1943 г. постановление Совета народных комиссаров ССРСР № 1432–425, подписанное В. М. Молотовым. В нем определялась судьба депортируемого народа: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета ССРСР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский, Красноярский край, Омскую и Новосибирскую области. Из них в Алтайский край — 25 тыс. чел, Омскую область — 25 тыс. чел., в Новосибирскую область — 20 тыс. человек. Расселение калмыков произвести главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовстве». ³

Выселение народа. Операция по выселению калмыков называлась «Улусы». Всего было депортировано около 120 тысяч калмыков. 28 декабря 1943 г. все жители Калмыцкой АССР «калмыцкой национальности» были погружены в товарные вагоны с направлением следования на восток. В «период первых эшелонов» было вывезено 91 919 калмыков. Через день были депортированы калмыки, проживавшие в Ростовской и Сталинградской областях. Уже 4 января 1944 г. Лаврентий Берия лично докладывал в Государственный Комитет Обороны «товарищу Сталину И. В. и товарищу Молотову В. М.»: «всего было погружено в 46 эшелонов 26 359 семей или 93 139 человек». ⁴ Для проведения операции «Улусы» НКВД и НКГБ командировали в Калмыцкую АССР 2975 офицеров, для перевозок транспортное управление НКВД выделило 1255 автомашин с необходимым горюче-смазочным материалом. Операцию выполнял 3-й мотострелковый полк внутренних войск НКВД (1226 чел.), который имел опыт участия в аналогичных карательных действиях против карачаевского народа. ⁵

¹ Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991. С. 21.

² Там же.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 24.

Глава 2 Депортация 1943 г.: опыт выживания и опыт осмысления*

Кочевание как образ жизни калмыков иногда совершалось независимо от воли народа. История XX в. принесла опыт не просто вынужденных перекочевок, но перекочевок насильственных. Обращаясь к этой теме, следует иметь в виду, что характер исторической травмы у калмыцкого народа многоослоен, и в ее составе депортация 1943 г. — последнее, не очень отдаленное во времени бедствие. Многие депортированные еще живы, и пока это болезненная при общественном обсуждении тема.

Сейчас многие события периода сталинизма кажутся нам невероятными, но для свидетелей тяготы той поры были их жизнью, их историей, историей их родных и близких, историей семьи и историей народа. Калмыки оказались среди четырнадцати «наказанных» Сталиным народов. Как ни странно, репрессии иногда бывали приурочены к государственным праздникам: балкарцев высылали на 8 Марта, международный женский день, чеченцев и ингушей — на 23 февраля, День советской армии и военно-морского флота. Выселение калмыков было подарком «отцу народов» на Новый, 1944 год.

Ликвидация государственности. 27 декабря 1943 г. М. И. Калинин подписал указ президиума Верховного совета ССРСР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» за № 115/144. Обвинительная часть указа формулирует «обоснование» назначения: «в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной

* В основу главы положена статья «Кто старое помянет, кто старое забудет... О стиле переживания калмыками депортационной травмы» // Журнал антропологии и социальной антропологии. Т. 5, № 2, 2002. С. 90–113.

28 декабря солдаты Советской Армии пришли в каждый калмыцкий дом. На сборы женщинам, детям и старикам давали от получаса до двух часов. С собой брали теплые вещи, продукты, культовые принадлежности, иконы, кое-кто брал самое ценное по тем временам — ручную швейную машинку «Зингер». Истории о том, как уезжали в Сибирь, до сих пор живы в калмыцких семьях.

Когда к нам в дом пришли солдаты и велели собираться, бабушка стала на колени перед сундуком, в котором хранились все самые ценные вещи, и достала серебряные наборные мужские пояса. Когда солдат их увидел, то дал очередь из автомата над головой бабушки. Она так испугалась, что больше не вставала с колен, и даже дом покинула вот так, на четвереньках.¹

...Ушли солдаты, а мама горько заплакала: куда это нас повезут, за что? Потом успокоилась и, как сейчас помню, одела на меня сразу три платья, собрала два чемодана и опять заплакала...²

Когда нас выселяли, я думала, что нас вывезут за город и расстреляют, как евреев расстреливали немцы, но оказалось другое — живое мучение.³

Мамка наша так растерялась. Взяла с собой только бурхан, под одежду спрятала. А взять с собой похоронку на отца ей в голову не пришло. Так эта бумажка в сундуке и осталась.⁴

Самым страшным испытанием в народной памяти остался путь в Сибирь. На бортовых машинах людей собирали по домам, а затем отвозили на ближайшую железнодорожную станцию, в Сальск. Там всех погрузили в товарные вагоны, обычно использовавшиеся для перевозок скота. В такой «товарняк-вагон» набивалось 60–80 человек, на всех была одна печка-буржуйка, которая топила от случая к случаю и не грела из-за щелей в стенах и полу вагонов, но на ней можно было приготовить какую-то еду. Других удобств такой вагон не предусматривал.

48 стариков, женщин и детей погрузили в «телячий» вагон, и застучали колеса. Вещей теплых не успели взять, да и еды хватило на два-три дня... Тесный вагон становился просторнее. За счет людей, уходящих из жизни.⁵

В нашем вагоне ехали в основном женщины, из мужчин было двое — один старый дед и я, тогда мне было 14 лет. На каждой остановке я

¹ Полевые записи автора, Москва 1997.

² Известия Калмыкии (далее — ИК), 2 дек. 1994. «Тринадцать лет в тоске по родине».

³ Ссылка калмыков: как это было. // Том 1, книга 1. Элиста, 1993.

⁴ Интервью с Б. М. Корнусовым. Элиста. 2001.

⁵ ИК, 27 дек. 1991. «Эти годы — в памяти нашей».

должен был найти воду для всех попутчиков. Но так как еда наша была плохого качества, многие женщины стали страдать желудком. Туалетов в этом составе предусмотрено не было, и старики просили меня помочь им слезть из высокого вагона, чтобы сходить по своей нужде на станции. Пока я им помог вылезти, а затем втащил их назад, поезд тронулся, и я не успел запастись водой. Старик меня отругал и наказал мне на следующей остановке украсть где-нибудь топор. Я это сделал, и дед вырубил в углу вагона отверстие, наказав бабкам использовать его.¹

Телесность как социальный фактор еще недостаточно рассматривается в отечественной антропологии, хотя это важнейшая призма, через которую человек воспринимает себя среди других. В устных историях сообщения о телесном, как правило, связаны с испытанием, преодолением стыда, отказом от старого опыта. В кризисной ситуации выселения, растянувшейся во времени, старые телесные практики не могли оставаться прежними, они должны были реагировать на новые социальные и климатические условия. Описанный в предыдущем абзаце случай не был единичным. Вопросы личной гигиены в таких условиях вышли за рамки приличности и должны были решаться сообща.

На остановках все выходили и должны были оприветляться тут же, за короткую стоянку... Конечно, мужчинам было легче. А мы очень стеснялись. Это раньше в степи можно было присесть и все сделать. А как справиться нужду среди бела дня, когда вокруг люди и нет туалета? Мы, женщины, становились в кружок и присаживались в центре круга по очереди.²

Один из тех, кто сам ехал в таком вагоне, рассказывал, что тогда как раз построили новый железнодорожный мост через Волгу. А когда новый мост проверяют, говорил он, всегда вначале прогоняют состав с каким-нибудь строительным материалом, чтобы не жалко было, если мост не выдержит. А тут решили поезд с калмыками пропустить как пробный: решились, что этих людей не жалко.³

Трудный путь в восточные регионы страны продолжался две-три недели. Люди умирали от голода, холода и болезни. На каждой остановке солдаты-охранники заглядывали в вагоны с вопросом «Мертвецы есть?», для трупов выделяли специальный вагон в конце состава, а когда он переполнялся, мертвые тела просто сбрасывали на стоянках, и родные могли разве что помолиться над мертвым телом.

В начале 1944 г. по приказу Наркомата обороны со всех фронтов и военных округов были отчислены калмыки — военнослужащие сержантского и рядового состава, а также курсанты военных училищ. Их зачислили в

¹ Полевые записи автора, 1989.

² Полевые записи, интервью с П. Э. Алексеевой. Элиста 2001.

³ Полевые записи, интервью с С. Г. Мучиряевым. Элиста. 2001.

6-й запасной стрелковый полк 7-й запасной стрелковой бригады, который дислоцировался на станции Кунгур Пермской железной дороги, а затем направили на строительство Широковской ГЭС. Их было около четырех тысяч — молодых фронтовиков или еще не воевавших курсантов.¹ Фронтовиков отсылали в тыл под предлогом создания калмыцкой национальной части на Урале.

Считается, что любые формы социального унижения всегда задевают мужчин куда глубже и непосредственней чем женщин, у которых «есть куда отступать» («кухня» и «детская»). И в том, как государство отнеслось к мужчинам-фронтовикам, наиболее опытным, знающим людям и составляющим основную группу репродуктивного возраста, видится явление, которое было зафиксировано моими коллегами в других регионах СССР и представлено как символическая кастрация колонизирующими силами, направленная прежде всего на уничтожение мужественности «второсортного» народа.² А как же было возможно поддерживать маскулинность исполнения традиционных ролей, если в предложенных условиях выживания практически не оставалось места даже человеческому измерению как таковому, ведь жесткое исполнение набора мужских ролей предполагалось для иного, нормального социального контекста. Однако и при столь сильной депривации оставалось место и этике фронтового братства, и поддержке родовой, улусной, земляческой солидарности, и предпринимательству, сметливости как составным частям представления о мужественности.

Тем не менее мужчины и женщины, видимо, по-разному выжили в лагерных условиях. Мужчины, когда они теряли свою роль защитников семьи, казались менее способными трансформировать этот навык в защиту других. Мужчины не примеряли роль отца к новым условиям с той же готовностью, что и женщины, — поскольку деятельность, сконцентрированная вокруг пищи, детей, устройства жилья, социальных отношений, теплоты, чистоты, может считаться единственно значимым видом труда в таких ужасных условиях. Именно такие обыденные заботы делают возможной жизнь в угнетении.³

В этих нечеловеческих условиях содержались и женщины-фронтовички, которых было около двух десятков. Как вспоминали они позже, «жен-

¹ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. Широковстрой: Широковской ГЭС. Элиста, 1994. С. 3.

² *Забужко О.* Гендерная структура украинского колониального сознания: к постановке вопроса // *О Мужественности*. Сб. статей. Сост. С. Ушакин (библиотека журнала «Неприкосновенный запас». М., 2002. С. 393–394.

³ *Рингельхайм Джосан.* Женщины и Холокост: переосмысление исследования // *Антология гендерных исследований*. СПб., 1999. С. 254–279.

щины жили отдельно, тоже в бараке, но нары у нас были одноярусные. Питание было очень плохое. Я много раз видела, как молодые люди подбегали обедки из помойной ямы и варили их в своих котелках. Мы, девушки, тоже хотели кушать, но терпели, в помойку не лазили.¹

Кормили нас так отвратительно, что невозможно выразить словами. Ребята ходили по помойкам, собирали рыбы головы, варили суп. Собирали также картофельную кожуру, жарили ее на железных печурках и ели. За перевыполнение нормы давали дополнительное питание — «прем-блюда». Это были ГЗ (горячий завтрак), который состоял из полужидких каши, и УДП (усиленный дополнительный паек) — из двух крохотных оладушек.²

После тяжелой изнурительной работы, истощенные от плохого питания люди порой не могли подняться на гору, падали и умирали на дороге, не дойдя до барака. Мы не могли понять, чем нас кормят: не суп, не щи, поэтому эту похлебку мы называли баландой, так как наливали нам на 4 человека один таз, в котором плавали четыре соленых помидора и больше ничего... Тех, которые уже совсем не могли работать, пропускали через медицинские комиссии. Врачи только изучали ягодицы, и если кроме кожи и костей ничего не обнаруживали, составляли акт о непригодности человека к дальнейшей работе и отпускали на свободу... Говорили, ездая по месту жительства родных, туда, куда они высланы. На дорогу давали сухой паек: одну булку хлеба и одну селедку. Голодный, истощенный человек, получив на руки паек, сразу съедал хлеб и селедку, а затем почти без остановки пил сырую воду. Поэтому одни умирали, не доходя до железнодорожного вокзала, а другие — в пути.³

Как вспоминалось позже, «постель наша состояла из наволочки для матраца и наволочки для подушки, которые мы набивали соломой и стружками, а укрывались шинелями. Сначала мы работали в солдатском обмундировании. Со временем все износилось и нам выдали лагерную одежду: белую фуфайку, белую шапку, белые брюки, а вместо обуви чуни, сделанные из автопокрышек. Они были длинные, тяжелые. В Широковлаге мы были подавленными, униженными людьми».⁴

В отличие от заключенных, с которыми сравнивали себя калмыки в Широковстрое, позже получившим название Широковлаг, они не знали, как долго им придется жить в каторжных условиях. В марте 1945 г. «нам сообщили, что есть указание сверху в первую очередь отпустить орденосцев и самый младший возраст, солдат 1925–26 гг. рождения».⁵

¹ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. С. 41.

² Там же. С. 13.

³ ИК, 28 дек. 1993. «Выжил и не сломился».

⁴ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. С. 20.

⁵ ИК, 29 дек. 1993. «Выжил и не сломился».

К 1 мая 1944 г. была проведена так называемая зачистка бывшей территории республики, обнаружены и депортированы 400 представителей калмыцкого населения, а позже, в 1945–48 гг. дополнительно выявлены и выселены 190 человек. В это же время были выселены калмычки, проживавшие в Москве и других городах СССР. Весной 1944 г. командиры и политработники калмыцкого происхождения были собраны в Ташкенте и Новосибирске, там демобилизованы и направлены по месту жительства своих семей.

Между тем, несмотря на всю несправедливость и жестокость положения калмыков, боевых офицеров и солдат, в большинстве своем они стремились доказать свою невиновность, оставались лояльными Сталину и верными коммунистическим идеям.

Ко всем страданиям добавок примешивалась обида, что нас, военных фронтовиков, держали за колючей проволокой, как уголовников, плененных немцев, власовцев.¹

Прихожу в барак, а там вижу Пурвю — живой скелет, впервые видел, как через ребра лихорадочно бьется сердце. Он слабо позвал меня: «Иди слай за меня партзносы»... Через три дня его не стало.²

Протестом против репрессий для бывших фронтовиков стали победы на фронт. «Настолько велика была вера в святое дело защиты Родины, что воины-калмыки убежали на фронт с Широкалга, но их ловили на железной дороге, чисто по внешности».³ Народная молва знает такие примеры, когда бежавшие из лагеря офицеры выдавали себя за казахов, которые отстали от своего состава, и, отвоевав до победы, калмыки возвращались в свои семьи в Сибирь.

Жизнь в условиях депортации. Как жилось калмыкам по месту нового поселения, вспоминала сибирячка — жительница села Корнилово Красноярского края:

Зимой 1944 года привезли в наше село 50–60 семей калмыцкой национальности. От холода и голода вымирали целыми семьями. Умершим не могли вырыть могилы, их часто оставляли под сугробами. Весной черные смоляные косы ветра разносили по селу и останки умерших оставались на виду. Через некоторое время осталась только одна калмыцкая семья...⁴

В тех бесчеловечных условиях, как вспоминают пятьдесят лет спустя многие, «если кожуру от картошки, да, ели и падали со скотомогильников — все было».⁵

¹ ИК, 27 дек. 1991. «Судьбы моей военной половинки».

² ИК, 28 дек. 1993. «Выжил и не сломился».

³ ИК, 27 дек. 1991. «Судьбы моей...»

⁴ ИК, 28 дек. 1993. «Я слышал стоны и плач».

⁵ ИК, 27 дек. 1991. «Эти годы — в памяти нашей».

Город, куда нас привезли, назывался Аральск. Жили мы в нескольких шагах от моря... Море нас кормило рыбой. Питались мы и потрохами рыб, которые выбрасывали за комбинатом. Точно так же жили и другие наши земляки.¹

От смерти спасла случайность. Кормили нас баландой из гнилых рыб. Надо было отрубать тухлые головы, а остальное отбирать на «суп». Поработал так некоторое время и набрался сил.²

До весны 1944 г. оставшиеся дожили, употребляя в пищу березовую кору, а когда начали пахать землю, — ходили за плугом и собирали мерзлую картошку.³

Прибывших в сибирские места калмыков сопровождали слухи о том, что они людоеды. Бывали случаи, когда выселенцев по приезде размещали на ночь в один барак и местные жители, спасаясь от каннибалов, закрывали дверь и поджигали живых людей.

Эти устрашающие сведения, вероятно, запускались умышленно, ведь слухи о каннибализме опережали калмыков в их сибирских маршрутах, значит, они не были случайными. Они также не могли быть плодом большого воображения местных жителей, уж слишком часто в таком случае сибиряки стали вспоминать людоедов.

Но это обвинение и не было просто метафорой. Оно было классическим проявлением колониального отношения к «дикарям», которое позволяло в свое время первым европейским колонизаторам безнаказанно творить с туземцами все что угодно и избегать порицания за жестокость в своей метрополии. Потому что лица, нарушившие один из трех основных запретов, позже сформулированных Фрейдом, — на убийство, инцест и каннибализм, исключаются из человеческого общества как несущие ему прямую угрозу.⁴

Этот же прием сознательно или подсознательно был использован службами, призванными идеологически обосновать операцию «Улусы», ведь обвинение в «измене Родине», столь нужное для партийных и правительственных документов, могло и не внушать враждебных чувств к калмыкам среди сибирского населения, привыкшего к разному роду каторжникам и выселенцам, негодным Санкт-Петербургу и Москве. Среди сибиряков было немало политических, и многие из них не так легко подавались официальной пропаганде и имели свое неафишируемое отношение к власти. Такие люди могли бы, наоборот, внутренне приветствовать калмыков и помогать им. К тому же о каком идеологическом обвинении могла идти речь, когда выселяли немощных стариков и неразумных

¹ ИК, 27 дек. 1991. «Боль моя, Арал».

² ИК, 27 дек. 1991. «Судьбы моей военной половинки».

³ ИК, 29 дек. 1992. «В годы темные, глухие...»

⁴ Из лекций И. Новиковой, прочитанных на летней школе в Форосе, 2002.

младенцев, слабых женщин? Поэтому обвинять их надо было в чем-то простом и всем понятном, и в то же время — особенно тяжело, что было бы несовместимо с человеческим обликом.

Оказавшись на новых местах, часто недостаточно зная русский язык, не имея специальности, которая могла бы здесь пригодиться, калмыки не могли устроиться на работу, да их и не хотели брать сразу. Иногда голодным людям приходилось красть скот, с которым они хорошо умели обращаться. Хотя наевшиеся и старались скрыть следы кражи, все равно виновника находили. Часто в таких случаях спрашивали у детей, что они ели вчера. Наивные дети чистосердечно рассказывали, и ареста нельзя было избежать. Но позже выяснилось, что арестовывали всегда только одного человека. Тяжелое положение прибывших калмыков продолжалось, работу найти было трудно, а кормить семьи было необходимо, иначе от голода умерли бы все. Другой возможностью как снова красть скот у калмыков часто не было. Выход нашелся такой. Самые слабые, больные люди, которые не надеялись выжить, были готовы взять вину на себя, предварительно обговорив, кто из оставшихся будет отвечать за воспитание их детей и внуков. Вот одна из причин того, что в годы изгнания так часто жили вместе близкие и дальние родственники, и в одной семье носили несколько разных фамилий.

О тяжелых условиях, в которых вынуждены были жить калмыки, писали даже привыкшие ко многому государственные чиновники. Заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР Г. С. Загородный отмечивался, что «калмыки-спецпоселенцы проживали в антисанитарных условиях, при отсутствии обуви, постельных принадлежностей, приусадебных участков и т. д.»¹ Как отмечалось в одном донесении из Новосибирской области, в бараке Тимирязевского механического пункта с жилплощадью 34 кв. м. размещалось 148 человек, на каждого жильца не приходилось и 0,3 кв. м. Люди размещались на нарах в два-три яруса, а в таком же другом помещении площадью 28 кв. м. теснился 131 человек.² Я пытаюсь представить, как это возможно, и у меня не получается.

Оторванные от своего традиционного образа жизни, ограбленные и лишенные гражданских и политических прав, обреченные на рабский труд калмыки в суровых условиях Сибири оказались на грани исчезновения. Приведу другое свидетельство чиновника, который на службе в органах внутренних дел в те годы, видимо, должен был привыкнуть к самым страшным вещам. 10 июля 1946 г. начальник отдела спецпоселений УМВД по Новосибирской области в своем отчете писал: «Смертность среди калмыков действительно высока. С момента выселения и до 2 апреля 1946 г. их умерло 14 343 человека или 15% к прибывшему в Сибирь контингенту...

¹ В кн. Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». С. 43.

² Там же. С. 61.

Сейчас смертность среди калмыков превышает рождаемость в 3,5 раза, хотя эпидемических заболеваний среди этого населения не было... Ничтожной была рождаемость. До 1 июля 1946 года в калмыцких семьях родилось только 297 детей, т. е. в девять раз меньше, чем умерло калмыков за этот период. Среди коренного населения области рождаемость превышала смертность в этот период в два раза»¹.

Как рассказывают многие женщины, оказавшиеся в Сибири в фертильном возрасте, первые рождавшиеся там дети были нежизнеспособны. До трех детей рожала женщина и теряла их, пока дети не стали выживать. В 1948–49 гг. в калмыцких семьях родилось 3193 младенца, при этом умерло 2766, в 1949 г. родилось 2058 чел., умерло 1903.² Кстати, я слышала, что ситуация с детской смертностью повторилась, когда калмыки вернулись из ссылки на родину. Резкая смена климата и сильный стресс вызвали и такую женскую реакцию, как аменорея.

Время было тяжелое, голодное. Выжили самые крепкие. Мы похоронили четверых моих братьев. Каждая семья потеряла кого-то из своих близких и родных. За городом выросло калмыцкое кладбище!³

Наш дядя имел одиннадцать детей до войны, а назад вернулось двое.⁴

Материальное и продовольственное положение калмыков в новых местах поселений было катастрофическим. Так, заместитель начальника управления НКВД по Омской области писал на имя Л. Берия: «В связи с исключительно тяжелым продовольственным обеспечением случаев опухания на почве голода калмыков-переселенцев приняли массовый характер...»⁵ Даже в официальных документах органов внутренних дел в качестве факторов высокой смертности отмечались «полная неприиспособленность к суровому климату, непривычным условиям, незнание языка». ⁶ Нельзя равнодушно читать опубликованные недавно документы тех лет о жизни спецпоселенцев, например, о таких вопиющих фактах, изложенных сухим языком казенных документов:

Выписанный из больницы после перенесенного тифа Болдырев Халга получил освобождение от работы после болезни. Зам. начальника мехлесопункта Корзунь лишил его вместе с престарелой матерью Болдыревой Ользет, 64 лет, хлебных талонов и права пользоваться столовой, в связи с чем спустя десять дней Болдырева умерла от истощения. Подобные случаи не единичны.⁷

¹ Советская Калмыкия (далее — СК), 28 янв. 1993. «На чужбине».

² Бугай Н. Ф. Указ соч. С. 78.

³ ИК, 27 дек. 1991. «Большая моя, Арал».

⁴ Полевые записи. Интервью с Б. Э. Бормангнаевым. Элиста, 2001.

⁵ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 57.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Ссылка калмыков: как это было. // Т. 1, книга 1.

Таким образом калмыки оказались расселенными в самых разных уголках Советского Союза. На начало 1944 г. в Алтайском крае оказалось 6167 семей, в Красноярском крае — 7525, в Новосибирской области — 5435, в Омской области — 8353, в Томской — 660, в Казахской ССР — 648 семей. Калмыки были поселены и в северных районах: в Тобольском — 522 семьи, в Ямало-Ненецком округе — 2796, в Ханты-Мансийском — 1760 семей.¹ Счастливицами считались те, кто попал на поселение в Киргизию, Казахстан, где коренное население было фенотипически более близким, а климат гораздо более теплым.

В этот период калмыкам пришлось освоить непривычные для себя занятия, поскольку новые условия не позволяли заниматься традиционным трудом. Из общего числа спецпоселенцев числилось на работе в разных отраслях народного хозяйства 45 985 калмыков, из них:

- в сельском хозяйстве 28 107 чел.,
- в горнорудной и золотодобывающей промышленности — 1632,
- в угольной — 784,
- в бумажной и деревообрабатывающей промышленности — 259,
- на предприятиях других ведомств — 8608 чел.²

Женщины, которые никогда до того не работали в общественном производстве, должны были идти на лесоповал. При этом те из них, кто взял с собой швейную машину, подрабатывали индивидуальными заказами на пошив одежды, поскольку «сибирячки ведь шить особенно не умели». Как рассказывала мне знакомая, ее бабушка, хорошо умевшая шить, в Сибирь шла со швейной машиной в деревню, где в течение недели обшивала ее жителей, а потом возвращалась с мешком продуктов для всей семьи.

Из всех хозяйственных занятий в новых условиях пригодились только рыболовство. Более трех тысяч семей рыбаков были расселены в рыбопромышленных районах, в Красноярском рыбтресте — 2100 семей и Таймырском — 900. Нашлась работа для калмыков в рыбоповецких колхозах и других областях.

Калмыки-степняки в Сибири приобрели первый опыт огородничества. Конечно, в голодное время выбирать не приходилось, и калмыки учились у соседей необходимым земледельческим знаниям и навыкам. С другой стороны, этому способствовало решение государства поддерживать вымиравший от голода народ и проводимая «агитация о необходимости заниматься разведением своих огородов на выделенных земельных участках. Так, только в Новосибирской области в 1945 г. было обработано 575 га индивидуальных огородов, а в 1946 г. — уже 777 га».³

¹ Ссылка калмыков: как это было. // Т. 1, книга 1. С. 31

² Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 83.

³ Там же. С. 50.

Новая жизнь изменила систему питания калмыков, оно не могло оставаться мясо-молочным в своей основе. Одним из основных продуктов питания стал картофель, многие калмыки стали есть рыбу, борщ, щи, каши. Квашеная капуста, соленые огурцы, сибирские пельмени с тех пор вошли в ежедневный рацион калмыцких семей. Семьи, выселенные в Среднюю Азию и Казахстан, переняли там местные блюда — плов и манты. Как рассказывал в 2001 г. Н. Убушиев, «я теперь картошку по внешнему виду определил, какая она на вкус». При этом старики так и не смогли оценить вкус местной пищи — ягод, грибов. «Нам, детям, было все равно, какое мясо кушать, а старикам все казалось, что вкус мяса не такой, все им не нравилось».¹

Парадоксально, но прав был Д. Пюрбеев, писавший в 1952 г: «И теперь калмыки не те, что вы знали 10–15 лет тому назад. Они теперь работают на крупных заводах и фабриках, они пользуются железной дорогой, они работают в высокомеханизированных совхозах, МТСах и они общаются со многими советскими народностями. На этой основе у них расширился кругозор, выросло сознание...»²

Среди калмыков-спецпереселенцев был 201 специалист с высшим образованием. Часто на местах выселения они оказывались единственными высококвалифицированными профессионалами и в отсутствие местных коллег им доверялась ответственная работа. Многие калмыки стали преподавателями средних и восьмилетних школ в сибирской глуши. Как вспоминала преподаватель одной усть-абаканской школы, «учить мне пришлось в основном детей спецпереселенцев: немцев, прибалтийцев, западных украинцев и белорусов».³ Культурный уровень выселенных калмыков порой был выше, чем у местного населения.

Молодежь в совхозе была в основном малограмотной, никаких «культурных очагов» не было... После знакомства с ними я стал ненавязчиво проводить беседы о культуре слова, поведении на улице, в быту... Установили с ребятами перекладку, качели, гигантские шаги, разбили волейбольную площадку. Договорился с учителями об организации в школе танцев, организовал драмкружок...⁴

Режим проживания в спецпоселении запрещал калмыкам самовольно покидать свой населенный пункт. За самовольную отлучку с места проживания виновный мог быть наказан длительным сроком тюремного заключения. Единственной причиной, которая считалась достаточной для переезда из одного места в другое, долгое время было воссоединение семьи.

¹ Полевые записи. Интервью с Б. М. Корнусовым. Элиста, 2001.

² Книга памяти. Т. 1. С. 205.

³ Комсомолец Калмыкии (далее — КК), 6 апр. 1989. «Судьба моя счастливая».

⁴ ИК, 28 дек. 1993. «Выжил и не сломился».

Чтобы доказать, что калмык не бежал с места приписки, ему приходилось каждый месяц в назначенный день являться в местную комендатуру для регистрации. Эта процедура воспринималась как наиболее унижительная, она ежемесячно напоминала человеку о его низком статусе наказанного, о его принадлежности к народу-изгою. «Самым унижительным было ходить ежемесячно отмечаться в комендатуру».¹ «Особенно... было... горько на душе являться на регистрацию 5 декабря — в день “Сталинской конституции”».² Унижение было смешано со страхом, потому что почти каждый визит в комендатуру не обходился без распросов о настроениях среди калмыков. Любой неосторожный ответ мог повлечь арест и осуждение невинных людей.

Одной из этнических характеристик любого народа является мера мобильности. Для бывших кочевников даже после 1944 г. новое передвижение казалось спасительным возвращением, в движении виделся какой-то выход, вернее, выход мог быть связан только с дорогой. Я упоминала, что бывали побеги из Широклага на фронт, но бывали и переезды в еще более худшие условия, на Таймыр и Шпицберген, куда посылали калмыков уже из Сибири. Нередко случалось, что власти оформляли в путь на север одну семью, а с ней начинали проситься другие калмыцкие семьи, которым казалось, что хуже уже не будет, но вдруг дорога приведет домой? Однако в полярных условиях оказалось еще труднее, и калмыки назвали это переселение второй ссылкой.

Статус выселенцев и дисперсность расселения затрудняли возможность брака для многих калмыков в то время. Тем не менее демографическая диспропорция послевоенного времени, недостаток мужчин-сибиряков привел к смешанным бракам между мужичиной-калымком и женщиной-сибирячкой. Многие калмыцкие женщины, чья молодость пришлась на это лихолетье, так и не смогли выйти замуж. Интересна в этом контексте история знакомства моих родителей. Мой отец Мацак Гучинов, 22-летний офицер, был ранен на фронте весной 1943 г. и после госпиталя комиссован по ранению. В декабре 1943 г. он был выселен из Калмыкии в г. Куйбышев Новосибирской области. Там он подружился с маминим дядей Эр-дни Зундуевым, который и рассказал ему о своей племяннице. Выпускница Астраханского педагогического института Мария Балзырова в то время работала на рыбоперерабатывающем заводе в Сургуте. У нее не было никаких шансов выйти замуж, потому что калмыков соответствующего возраста там было мало. Мой будущий отец вызвал ее письмом как невесту, другой возможности познакомиться у них не было. Мария при-

¹ ИК, 28 дек. 1993. «Выжил и не сломился».

² Советская Калмыкия (далее — СК), 3 сентября 1989. «Есть на Урале река Косьва».

ехала к своему незнакомому жениху в полдень, а в тот же вечер они сыграли свадьбу.

Приведу еще одну семейную историю, о победе из Сибири нашей родственницы Софьи Мутловны Алексеевой. Выпускница Московского педагогического института тетя Соня к началу войны имела двоих маленьких детей, комнату в Москве. Ее муж, военный врач, был главным врачом санитарного поезда. Летом 1941 г. тетя Соня с детьми приехала в Калмыкию к своей матери и преподавала математику в школе. Оказавшись в Сибири, она попала на работы по лесозаготовке, там упавшее бревно пошло вредило ей позвоночник. Она понимала, что квалифицированную помощь получить не сможет, и даже если ее положат в больницу, ее дети и старая мать, не понимающая по-русски, погибнут от голода. Они жили недалеко от железной дороги; отчаявшись, тетя Соня показала свой аттестат жены главврача начальнику другого санитарного поезда, который следовал на фронт через Москву. Начальник поезда разрешил ей тайком, в бункере, доехать до Москвы, если только ее не поймают. В случае обнаружения он бы за нее не заступился. Так тетя Соня с детьми и матерью вернулась в Москву и стала жить в своей комнате. Когда в 1948 г. при ужесточении режима прочесывали столицу и пришли к ней, работницы НКВД увидели лежащую большую, двух малышей и не понимающую по-русски старуху и оставили их в покое. Эта история — практически единственное исключение.

В течение тринадцати лет у большинства спецпереселенцев не было возможности получить высшее образование. Чтобы добиться этого, нужно было иметь только пять лет в аттестате. Даже в период некоторого ослабления режима запрещалось принимать калмыков в вузы гуманитарного профиля, особенно на «идеологические» специальности, такие как история, философия. Практически все, кому удалось получить высшее образование в те годы, были медики или экономисты. Впоследствии это вызвало кадровую диспропорцию в народном хозяйстве восстановленной республики.

Чтобы получить образование, спецпереселенец должен был проявить личное мужество и целеустремленность:

Старший брат решил учиться в техникуме. Написал заявление своему коменданту, что очень желает учиться. Тот отговаривал, не пускал, но брат настаивал и добился своего. Пришло приглашение из техникума и через областное начальство брату разрешили переехать к месту учебы. Наш комендант отконвоировал будущего студента в город и сдал его под конвой другого коменданта. Вот такие трудности и препоны стояли перед переселенцами на пути к образованию.¹

¹ ИК, 29 дек. 1992. «В годы...»

До декабря 1943 г. административно-территориальное устройство республики учитывало улусный принцип, в основе которого лежали этнокультурные различия. Сибирь смешала всех калмыков и разбросала так, что при встрече уже не имело значения, кто из какого улуса происходит: все были одинаково бесправны. Именно тогда пришло осознание народного единства, которое в значительной мере ослабло по возвращении. Упреждающая сегодня кого-то в местничестве, называемом в Калмыкии улусизмом, старики всегда ставят в пример сибирские годы, когда улусизм был преодолен.

Договорность, первоначальная модель калмыцко-русских отношений, в ходе истории сменилась тем типом отношений, который Ю. М. Лотман назвал «вручение себя». Отношения этого рода всегда односторонни: отдающий себя во власть рассчитывает на покровительство, но отсутствие такового не служит основанием для разрыва, одна сторона отдаст все, другая может дать, а может и не дать, психология обмена исключена. Ликвидация Калмыцкого ханства, исход 1771 г., исход в гражданскую войну, сибирская депортация породили готовность жертвовать всем ради главного — ради сохранения народа. При выселении калмыков случаи неповиновения были единичными, все формы протеста в основном были легитимны: письма, песни, разговоры, при этом их тональность была не обвиняющая, а оправдывающаяся.

Возвращение на родину. После смерти «вождя народов» и ареста Л. Бери у всех наказанных народов появилась надежда на реабилитацию. Многие стали писать жалобы о незаконности репрессий, имевших место в годы сталинизма. Робко и осторожно люди поднимали голос в защиту своих поправных прав. Вот выдержки из письма коммуниста Л. Кирсанова:

Настал момент положить конец ограничениям, наложенным на калмыков. Может быть, во время войны это было необходимо и целесообразно, но сейчас они не нужны... в первую очередь все права должны быть даны солдатам и офицерам, служившим в Советской Армии в годы войны.¹

Самые тяжелые последствия этих 13 лет — большие человеческие потери. По материалам переписи 1926 г. калмыков насчитывалось 129 321, а по данным засекреченной переписи 1937 г. — 127 336 чел., по всеобщей переписи 1939 г. число калмыков снизилось до 88 900 чел.² В 1949 г. был проведен переучет всех репрессированных народов и некоторых других групп — «власовцев», «оуновцев», бывших кулаков. Данные этого

¹ См. Бугай Н. Ф. Указ соч. С. 79.

² Шахлаков Д. Д. Демографические особенности населения Калмыцкой АССР. Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985. С. 28.

переучета¹ позволяют проследить изменение численности калмыков от начала депортации до 1949 г.

Наименование контингента	Всего было переселенцев	Прошли переучет	Примечание
Калмыки	91 919	73 727	Умерших 16017

Итоги переучета, в ходе которого выявились случаи побегов, после чего в Астраханское управление МВД поступили списки на бежавших калмыков в количестве 268 чел., привели к ужесточению режима проживания спецпереселенцев в июне 1949 г. В «Инструкции для комендантов спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпереселенцев» значилось: «Находящиеся на спецпоселении калмыки, немцы, чеченцы, ингуши... являются "выселенцами". В соответствии с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года эти выселенцы:

- а) переведены на спецпоселение навечно, без возврата их к прежним местам жительство;
- б) за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев мера наказания определена в 20 лет каторжных работ».³ К 1959 г. калмыков насчитывалось 64,9 тыс. чел.³

Калмыки, которых не выселили, а это были единицы, жили в постоянном страхе и тревоге. В 1952 г. 16-летняя москвичка Эза Калыева должна была получить паспорт, а в то время как раз шло «дело врачей». Сотрудник милиции прочел в ее анкете, что мать у нее еврейка, и спросил: «Девочка, а другой национальности, получше, у тебя нет?» Но назвать национальность отца-калмыка она не могла, иначе бы ее немедленно отправили в ссылку.

10 марта 1955 г. МВД СССР разрешило выдавать спецпоселенцам паспорта на общих основаниях, а до этого калмыки не имели паспортов. В марте 1956 г. был подписан указ Президиума Верховного совета СССР о снятии ограничений в правовом положении с переселенных калмыков и членов их семей. Несмотря на содержание указа, его тон продолжал был далеким от демократического, как и отношение властей к калмыцкому народу. Так, указ постановлял: «1) Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД калмыков и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны. 2) Установить, что снятие с калмыков ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при

¹ См. Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 77

² Там же. С. 76.

³ ИК, 25 дек. 1993.

выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».¹ Эта политика была поддержана ЦК КПСС, который в своем постановлении предписывал: «Обязать ЦК КП Казахстана, Узбекстана, Киргизии, Алтайский и Красноярский крайкомы КРСС, Сахалинский, Кемеровский, Свердловский, Новосибирский, Томский, Омский и Тюменский обкомы КПСС провести необходимую работу по закреплению калмыков в местах их настоящего жительства, исключив возможность их массового выезда из мест поселения».²

В соответствии с решением XX съезда КПСС на шестой сессии Верховного совета СССР в феврале 1957 г. был утвержден указ Президиума Верховного совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР на основе прежней территории в границах Ставропольского края». 25 января 1957 г. калмыкам было разрешено проживать и прописываться в местах, откуда они были выселены. В марте того же года прошли выборы в местные Советы. 29 июля 1958 г. Калмыцкая автономная область была преобразована в Калмыцкую Автономную ССР. В течение второй половины пятидесятых годов большая часть калмыков вернулась во вновь образованную Калмыцкую республику. Для многих из них о невозвращении из Сибири не могло быть и речи, оставаясь там значило для массового сознания признать свою вину и справедливость сталинского наказания.

Детям, которые родились в то время, стали давать калмыцкие имена, причём нередко эти имена были эпически торжественны и связаны с радостью возвращения: Сян Цаг — «Благое Время», Цаган Хаалг — «Белая Дорога».

Домой ехали, прямо танцуя. Для меня трудно было привыкать. Ветер, пыль. Зимы не было. Снега нет, выпадет — растает. Тепло, рукавиц не надо.³

До депортации многие хозяйства, населенные пункты, местечки имели свои исторические калмыцкие названия, например: Сянциг, Будга, Ха-журта. Позже многие были переименованы по-советски, в итоге к 1991 г. в республике три хозяйства назывались именем комсомола, три — именем съездов КПСС, семь хозяйств — имени Ленина, четыре — имени Октября, три — имени Кирова.⁴

После перестройки. Эпоха гласности и демократизации вызвала к жизни декларацию Верховного совета СССР «О признании незаконными

¹ См. Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 85.

² Там же. С. 86.

³ Интервью с С. Г. Мучиряевым. Элиста. 2001.

⁴ ИК, 28 дек. 1991.

и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав». Одним из последствий этого документа стала выплата денежной компенсации выселенным, но большее значение имело нравственное звучание публичного покаяния государства перед своими гражданами, хоть и спустя почти полвека. Справедливое, по мнению калмыцких стариков, негодование вызывал и порядок оформления этих выплат. Чтобы встать в очередь, пострадавшему от политической репрессии человеку нужно было представить восемь документов, среди которых: метрика, а ЗАГСы появились в Калмыкии только в 1926 г., и у рожденных раньше метрик просто нет; свидетельство о смерти, которое в той же Сибири часто не выдавали, как документ, подтверждающий родство, например 70-летней старухи со своим отцом, который умер в Сибири. А выселяли людей без всяких документов, и они не сохранялись даже у тех, у кого имелись. Чтобы получить денежную компенсацию за потерю жилого дома, требовалась выписка из домовой книги довоенной поры, несмотря на то что все архивы погибли если не во время оккупации, то в период ликвидации Калмыцкой автономной республики в 1944 г. Чтобы доказать год рождения, родство, наличие дома до войны, люди должны были обращаться в суд с двумя свидетелями. Суды республики были переполнены стариками. Понимая, что подобная волокита оскорбительна, парламент Калмыкии 28.09.94 принял решение об «упрощении порядка» оформления, и на какое-то время порядок оформления бумаг для получения компенсации действительно стал проще. Но федеральные власти не сочли возможным упрощенный порядок при выдаче значительных сумм. И волокита с оформлением подачи заявления и долгое ожидание самой компенсации было причиной недовольства калмыков старшего поколения, от 60 лет и старше.

Другая проблема, доставшаяся в наследство от 1943 г., — невозвращенные территории. Два района, отрезанные в пользу Астраханской области, территория 13 станиц Калмыцкого района Ростовской области, Черные земли, ставшие арендными выпасами для Дагестана все еще не возвращены и вряд ли будут возвращены Республике Калмыкия. В настоящее время объявлен мораторий на территориальные претензии. Почему возвращение земель калмыки считают важным? Упомянутые территории Астраханской области были самыми плодородными землями, находившимися во владении калмыцкого народа, здесь был большой выход к Волге, что позволяло заниматься и рыбным промыслом и садоводством или оводством, ведь именно к Волге пришли в XVII в. ойраты, чтобы осесть на этих землях и стать калмыками. Именно эти районы были историческим центром культурной жизни калмыцкого общества в начале прошлого века вплоть до 1936 г., когда столицей республики была объявлена Элиста. Как раз в этих пределах находится единственный сохранившийся в

России калмыцкий буддийский храм Хошеутовский хурул. Как сказал на Первом съезде калмыцкого народа яркий историк Аркадий Наберухин, «представить Калмыкию без Калмбазара и Шамбая (эти населенные пункты расположены ныне на территории двух районов Астраханской области) — все равно, что Узбекистан без Бухары и Самарканда».

Долгое время факт репрессии десяти целиком депортированных народов (немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары, финны, корейцы и турки-месхетинцы) официально замалчивался. Если в отношении троцкистов и других «врагов народа» в свое время были организованы громкие судебные процессы и центральные, а вслед за ними и местные газеты клеймили преследуемых, то репрессии на этнической основе происходили тихо, лишь с публикацией соответствующего указа в газете «Правда».

После выселения калмыков стал замалчиваться сам факт наличия народа в настоящем и в прошлом. Из Большой советской энциклопедии исчезло слово «калмык», с карты СССР — Калмыцкая АССР и столица республики Элиста, переименованная в «Степной». Калмыцкое искусство, прошлое народа в эти годы также «пропало». Книги о калмыках, музейные экспонаты калмыцкого происхождения или прятались в запасаниках и хранилищах, или выдавались за бурятские, монгольские и другие.

Официальное замалчивание депортации продолжалось и после возвращения калмыков в 1957–58 гг. «Тринадцать проклятых лет» в официальной историографии упоминались скороговоркой и туманно, эта тема формулировалась только в осторожных партийных терминах следующим образом: «в 1943 г. были допущены грубые нарушения ленинской национальной политики». Вышедший в 1970 г. второй том «Очерков по истории Калмыцкой АССР (эпоха социализма)» описывал этот период так: «Калмыки временно переехали». Целая глава была посвящена последующему периоду и носила название «Калмыкия в период завершения строительного социализма (1946–1958 гг.)». В ней повествуется о «высокой трудовой активности калмыцкого народа», о том, как он отдавал свой знания и способности «быстрейшему выполнению планов послевоенных пятилеток», как успешно развертывалось «социалистическое строительство на территории Калмыкии в годы четвертой и пятой пятилеток (1946–1956 гг.)». ¹ На это первое основательное историческое исследование калмыцкого народа, написанное под научным руководством специалистов Института истории АН СССР, статьи, продолжающее оставаться во многих отношениях непревзойденным и поныне, как пишет историк науки М. Ленкова, «молча равнялась вся историография региона в 70–80-е гг.»

¹ Ленкова М. История Калмыкии XX века в современной историографии. Элиста, 2001. С. 147.

В «Очерках по истории Калмыцкой организации КПСС», увидевших свет через десять лет, калмыцкий народ будто и не двигался с места, просто «Калмыкия временно входила в состав Астраханской области». ¹ Возможно, именно в силу официального требования, согласно которому тринадцать лет из истории выпали, первое исследование истории Калмыкии получило форму «очерков», позволяющих свободнее манипулировать историческим материалом.

Едиственная брошюра о жизни калмыков в годы депортации «В семье единой» Д. Номинханова, ² вышедшая в 1967 г., была посвящена трудовому вкладу калмыков на местах их выселения. Видимо, мотивом издания служил его «оправдательный» характер, описание трудовых подвигов калмыков в годы депортации. Таким образом, вышла брошюра о пользе, которую калмыки, несмотря на свой статус и отношение государства к народу, принесли государству в годы «сибирской ссылки». В ней не говорится о репрессиях, но смелой была сама постановка вопроса, выбранные хронологические рамки, указанная география расселения народа. Эта информация позволяла вдумчивому читателю судить о масштабах репрессий.

В связи с запретными темами истории и причин депортации калмыков необходимо отметить ряд работ, посвященных участию калмыков в Великой Отечественной войне, особенно боевому пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии (ОККД). ³ В них не упоминается факт выселения народа, а хронологические рамки повествования ограничиваются периодом до декабря 1943 года. Но обращение историков к участию калмыков в войне, дающему повод обвинить народ в измене, было неважным сопротивлением официальной истории, попыткой представить другую версию истории республики военного периода, как она виделась историкам-калмыкам, многие из которых были фронтовиками. Действительно, эти исследования, основанные на документах Государственного Военно-исторического архива, показали, что ОККД не в чем упрекнуть, она героически воевала и была расформирована и влита в другое формирование из-за больших людских потерь. Таким образом, военные историки опровергли официальное обвинение в переходе дивизии на сторону врага, хотя в их работах полемика с обвинением как таковой нет. Тем не менее эти публикации вписываются в дискуссию о причинах и правомерности наказания народа, поскольку «контексты не стоят рядом друг с другом,

¹ Там же.

² Номинханов Д. Ц-Д. В семье единой. Элиста, 1967.

³ Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов. Элиста, 1966; Кишиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста, 1970; В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1976; и др.

как бы не замечая друг друга, но находятся в состоянии напряженного и непрерывного взаимодействия и борьбы».¹

Историческая правда так или иначе просачивалась в советской печати, разумеется, после «оттепели» и практически в микроскопических дозах. Так, в один из своих очерков два слова о выселении калмыков встал абхазский поэт Дмитрий Гулиа, видевший на железнодорожной станции товарные вагоны, набитые людьми. В чем виноваты эти женщины и дети? — задавал вопрос поэт. И это сочувствие было очень важно для всех калмыков.

В последнее десятилетие прошло несколько крупных мероприятий — научные конференции об истории репрессированных народов, фестивали «Репрессированные, но не сломленные», куда приглашались представители соседних, также «наказанных» народов. Но, как правило, доклады на этих конференциях, по мнению специалистов внесшие немного существенного в изучение истории депортаций, поскольку они слабо аргументированы и документированы, зато эмоциональны,² так же как и многие последующие публикации, не поднимаются до теоретических обобщений. Как правило, они рассматривают конкретный сюжет, взятый из истории одного народа, который подается как наиболее трагический.

Компаративные исследования, посвященные насильственному выселению народов, появившиеся в конце 1990-х, не охватывают калмыцкий материал, ограничиваясь северо-кавказскими народами. Исключением стало исследование П. Поляна, где дается классификация принудительных миграций в СССР, состоящая из восьми разделов. Раздел «принудительные миграции по этническому признаку» делится на подразделы: депортации в порядке «политической подготовки театра военных действий» и «защитки границ» (тотальные и частичные) и тотальные депортации «наказанных народов» (превентивные и депортации «возмездия»);³

Мнение специалистов в области исторического знания, в основном историков депортации, на мой взгляд, еще по-настоящему не сложилось. Оценки, встречающиеся в литературе, содержат знакомые формулировки из курса истории КПСС, слегка откорректированные в соответствии со временем. Депортации на этнической основе преподносятся как грубое нарушение национальной политики и демократических принципов. Как писал авторитетный историк депортаций в СССР Н. Бугай, в 20–30-е годы народы СССР строили социалистическое общество, и по утвердившейся

¹ Бахтин М. (под маской) // Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 2000. С. 416.

² Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 39.

³ Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 47.

ся концепции Сталина сопротивление классовых врагов по мере продвижения к социально справедливому обществу должно было возрастать. Ради построения социалистического общества были принесены многочисленные жертвы. Ими стали представители классово чуждых эксплуататорских слоев — так называемые «бывшие»: помещики, капиталисты, дворяне, служители культа, интеллигенция, кулаки, буржуазные националисты, а также сами коммунисты, принадлежавшие в прошлом разным партийным течениям. Со временем в «измене Родине» стали обвинять целые народы, а с карты Советского Союза стали исчезать отдельные национальные образования — районы, области, республики.¹

Указанные работы писались в самом начале 90-х гг., их авторы не были свободны от советской идеологической парадигмы, хотя и разоблачали ее. В конце 90-х исследователи принудительных миграций в СССР включили их в более широкий исторический контекст, и оказалось, что «спецпереселенцы» не были порождением сталинизма, они известны со времен Ветхого Завета. Как считает П. Полян, за всю историю человечества все принудительные миграции исходили из набора одних и тех же политических и прагматических мотивов. И хотя политические факторы чаще бывают приоритетными, роль экономического фактора тоже огромна, например, исследователь обратил внимание, что лесоповал, которым были заняты в основном репрессированные, был одной из немногих валютноприносящих сфер социалистического хозяйства. Этот же автор увидел связь между «вспышками принудительных миграций» и мировыми войнами.² Выселение калмыков определяется как тотальная депортация «возмездия» за совершение и несовершенные в годы войны преступления против советского государства и помещено в один ряд с депортацией пяти народов Северного Кавказа и Крыма: карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар.³

В недавно вышедшей книге по этнографии чеченской войны В. Тишков указал на то неочевидное обстоятельство, что депортации на этнической основе не были в социально-культурном смысле просто «народоубийством», как провозгласил А. Авторханов и было принято без оговорок в среде «наказанных народов»; в годы репрессий «от противного» укрепились идентичность чеченцев.⁴ Это замечание справедливо и применительно к калмыкам. Именуемые множеством идентичностей родового или этнотерриториального порядка (род, кость, хотон, аймак, улус, станица и др.)

¹ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 3.

² Полян П. Не по своей воле... С. 23.

³ Там же. С. 47, С. 116.

⁴ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2001. С. 83, 93.

калмыки до ликвидации республики в 1943 г. жили согласно дореволюционному административному порядку, основанному, как правило, на этих различиях. Но разбросанным по восточным районам страны калмыкам было уже не важно, кто торгует, а кто дербет, важной была принадлежность к одному народу. А после возвращения появилось среди калмыков обращение друг к другу «сибирский земляк».

Депортационный период был не только белым пятном в официальной науке, но и табуированной темой для устных преданий. Сам термин «депортация» появился в общественной лексике только в самом конце 80-х гг., а ранее этот период упоминался индифферентно: «до Сибири» и «после Сибири», «во время выселения» и по-калмыцки «до перекочевки» и «после перекочевки». Однако «история как дисциплина с собственной традицией записи оказывается неспособной на сохранение прошлого, поскольку сама... пишется как произведение. Эту неспособность компенсирует память, удерживая в себе то, что отвергает история».¹ Более того, память противостоит истории, она не входит в компетенцию истории как дисциплины и даже противоречит постулатам этой дисциплины.²

Попытки объяснения. Рассказы старших об этом периоде до последнего времени не были нацелены на «адресата». Если заходила речь о событиях 1943–56 гг., то скорее в узком кругу, среди сверстников, имевших тот же опыт, и собеседники понимали друг друга с полуслова, не объясняя подробностей случайно присутствовавшей молодежи. В таких разговорах люди обычно уклонялись от прямых оценок исторических фактов. Как правило, разговоры носили только личный характер. Как это было и у других народов до либерализации конца 80-х, люди старались не говорить об этом, как будто существовала некая коллективная вина, пусть даже и несправедливо вмененная народу, и за нее ему приходится расплачиваться.³ Такое замалчивание народной трагедии объясняется обвинением в предательстве всего народа.

Несмотря на то что государственное обвинение разбито на несколько пунктов, в народном сознании отпечаталось одно — что калмыки добровольно пошли на службу в созданное немецким командованием вспомогательное воинское подразделение, которое в пропагандистских целях было названо Калмыцким кавалерийским корпусом (ККК). В народе считалось, что основное обвинение строится на разнице между единственной сформированной добровольно на территории республики национальной дивизи-

¹ Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001. С. 265.

² Motzkin G. Memory and Cultural Translation // The Translatability of Cultures. Figurations of the Space Between. Stanford, 1996. P. 264–281.

³ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. С. 80.

зией в составе Красной Армии и целым корпусом. Получалось, что добровольно в национальном формировании против оккупантов воевало втрое меньше, чем на их стороне, хотя ККК был только назван «корпусом» и по количеству солдат на корпус не тянул; такое преувеличение реальных размеров формирования — широко распространенный в военной практике разных народов прием.

Поскольку обвинение базировалось на количественных данных, некоторые пытались оправдываться также с помощью чисел и пропорций, обращая к факту, что Калмыцкая АССР дала один из наиболее высоких процентов Героев Советского Союза на всех жителей республики, или припоминали факты измены родине представителями других, «не наказанных» народов, например называли армию генерала Власова, воинов С. Бан-деры.

Обвинение всего народа в предательстве было тяжелым ударом по достоинству народа, ведь абсурдные обвинения всегда трудно опровергнуть. Вина воспринималась особенно тяжело, потому что у народов с сильными родовыми традициями понятие «честь», «верность» были одними из основных в народной этике. Как же объясняли люди причину их выселения?

Наиболее неосведомленные полагали, что таким образом «отец всех народов» Сталин спасал калмыков от порабощения фашизмом. Советская армия освободила территорию Калмыкии в январе 1943, но многие думали, что отступление фашистских войск — временное и оккупанты еще вернутся.

Последовательные приверженцы линии партии, имевшие опыт партийной и комсомольской работы, считали депортацию 1943 г. менее опасной для народа, нежели проявление классовой борьбы и буржуазного национализма среди калмыков. Один из таких партийцев Д. П. Пюрвеев писал в 1952 г. из Алтайского края своему старому оппоненту поэту С. Каляеву: «Тем, которые отравлены ядом буржуазно-националистической идеологией, никогда не понять смысл и значение переселения калмыков как с точки зрения развития (преуспеяния) самих калмыков, так и с точки зрения общих интересов развития социализма... Если статья на вашу точку зрения, — обращается автор к оппоненту, — и смотреть на переселение калмыков как карательную меру, то выходит, что при социализме сохраняется борьба национальностей, что эта борьба несет малым народам судьбу печальную... Не с ума ли Вы сошли?... Пошло вспять не развитие калмыцкого народа, а пошел вспять национализм калмыцкий, чтобы полностью себя исчерпать... Мы понимаем, что печальна судьба не советской калмыцкой народности, а печальная судьба бывших имущих классов и калмыков, не способных перевоспитаться».¹

¹ Письмо Д. П. Пюрвеева С. Каляеву // Каляев С. Письма к Еве. Элиста, 2001. С. 197–205.

Не имея легальной возможности выяснить причину насильственного переселения, народ пытался осознать это в своих песнях. В них поется, что ангель-хранители народа не уберегли его, что выселение было наказанием богов за грехи, за отход от веры. Кстаты, все эти песни исполняются под домбру, почти в танцевальном ритме, и на слух как скорбные не воспринимаются. Среди песенных жанров у калмыков есть более престижные, это гимны и протяжные песни. Они посвящались вечным темам: миропорядку вселенной, смене времен года, любви. В отличие от них сибирская эпопея не была расценена как достойная вечности.¹ Надо сказать, что исполнение песен на калмыцком языке в кругу таких же высланцев, тем более если песня затрагивала злобу дня, каралось сурово. Так, известная калмыцкая самодельная исполнительница народных песен В. Д. Попова была арестована за песню про выселение в Сибирь и осуждена по статье 58. 10, часть 2, на семь лет лагерей.²

Для устных рассуждений о причинах выселения характерен поиск персональных виновников трагедии. Обвинялись лично Сталин и его окружение. Как в наши дни писал калмыцкий поэт, в прошлом боевой офицер, о переживаниях депортационных лет, «больше всего хотелось, чтобы один враг, мой желанный, любимый, дорогой мой враг, усагая сволочь, этот самый Сталин, появился бы передо мной и я бы всю обойму с наслаждением разрядил бы в него, ах, как я был бы счастлив, если бы это случилось!»³

Многие восприняли случившееся как страшную ошибку Сталина, который лично не был виновен в массовых репрессиях, поскольку был занят государственными делами и доверял подчиненным, которые оказались врагами народа и дезинформировали «отца народов». Прежде всего имелись в виду Лаврентий Берия. Так реагировали в основном бывшие представители партийно-государственной номенклатуры, которые писали письма в Кремль «лично Сталину», пытаясь рационально осмыслить депортацию и оправдаться. Авторы писем в Кремль почти все были репрессированы повторно и из сибирского поселения попали в лагерь для политзаключенных.

Такая же судьба постигла молодого поэта Давида Кугультинова, который в беседе с земляками выразил мнение, что «с калмыками так поступили потому, что... [они] малочисленная национальность, которую можно свободно разбросать... Здесь предательство и плохая работа руководства не сыграли столько роли, сколько фактор малочисленности населения и принадлежность к национальным меньшинствам». Все же в те годы идеологические шоры мешали осудить «решения партии и правительства»,

¹ Этим наблюдением я обязана своему коллеге Б. Бичеву.

² Паныкин А., Папуев В. Дорогой памяти. Элиста, 1994. С. 71.

³ Кугультинов Д. Вечная память // Теегин герл. 1997, № 2. С. 38.

в том же разговоре Д. Кугультинову отвечал собеседник: «В отношении калмыков я прямо говорю: что чего заслужили, то и получили, а единство народов крепнет и будет крепнуть, несмотря на то, что “ударили” по калмыкам»¹.

Калмыки были свидетелями депортации около шести тысяч российских немцев из Калмыкии в 1941 г.² Спустя два года расселенные дисперсно, в разные разные места, калмыки оказывались рядом с представителями других репрессированных народов — немцами, чеченцами, лагашами, корейцами, однако полагали, что те были выселены, видимо, заслуженно, в отличие от невинных (или почти невинных) калмыков. Это видно из писем калмыцкой интеллигенции «лично Сталину», например: «Народы СССР, не исключая даже самой маленькой этнической группы, счастливо и радостно смотрят на свое будущее... И только мы, калмыки, по нашему несчастью, составляем исключение. Начиная с трагического дня утраты своей национальной автономии, разбросанные по три-пять-десять семей в необъятной и суровой Сибири, калмыки физически вымирают, терпят моральное и национальное унижение. (Гор. Барабинск, 29 апреля 1946.)»³. Разновидностью этой версии была такая: «чей-то маниакальный замысел истребить калмыцкий народ. Замысел, вольно или невольно поддержанный остальными, обезличился и стал руководством к действию»⁴.

Часто люди возлагали вину на советскую власть. Так, в некоторых народных песнях ответственность за жестокую акцию связывается с государственной властью: «В один миг калмыки оточевали по указу Верховного Совета», «Краснокосточные калмыки плачут, обиженные властью красных» (красная кисточка на головном уборе — этноотличительный знак). Встречаются жалобы, что власти не разбирались, кто виноват, а кто — нет, выслали всех сразу. Вот отрывок из воспоминаний о тех днях:

Примерно за три дня до отправки калмыков в Сибирь занятия в школе прекратились, причину нам никто не объяснил, но по селу проползли слухи, что калмыков отправят в Сибирь как предателей и изменников Родины... Мама начала беспокоиться, но я стал уговаривать ее, что это нас, конкретно нашу семью, не коснется по той простой причине, что мы являемся красноармейской семьей, что наш отец на фронте сражается с фашистскими захватчиками... Про себя я даже допускал такую мысль, что, может быть, какому-нибудь семье и вышлют в Сибирь, но это будет касаться тех семей, у которых кто-нибудь при оккупации немцами служил у них полицаем или старостой. Однако, что вышлют всех

¹ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 52.

² Книга памяти калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было. Элиста. 1993. С. 15.

³ СК, 28 янв. 1993. «На чужбине».

⁴ Годяев П. Боль памяти. Элиста, 1999. С. 10.

калмыков без разбора, исходя из национальной принадлежности, — такого у меня и в мыслях не было!¹

И в разговорах депортационного периода порой высказывалось мнение, что «пока эта власть будет, видимо, нас на родину не пустят».

Нередко виновными молчаливо считали «русских», которые были заинтересованы в калмыцких землях и таким малым народом, как калмыки, могли пренебречь. При этом подразумевались не славянские жители республики, они скорее считались хохлами, а «русские вообще» как самые многочисленные жители государства. Эта последняя версия формулировалась реже других, потому что в советский период обвинение в национализме или разжигании национальной розни было особенно опасным по УК, но и просто считалось неприличным; тем не менее она неявно присутствовала и находила вербальное выражение чаще среди родившихся после возвращения.

Образованные люди пытались рационально оправдать депортацию, например: народ сослался из-за необходимости переброски трудовых ресурсов на восток страны. Однако найти рациональные причины массовых истреблений, видимо, невозможно. В этой связи часто выражаются сожаления о невозможности разобрататься в этой трагической странице истории.

Теперь я вижу, что здравым разумом это невозможно понять: из какой политической или военной необходимости совершили это насильственное переселение малочисленного народа.²

Почему так получилось, что самые жестокие и невыносимые страдания достались именно нам? Был ли это чей-то преднамеренный выбор или это произошло случайно? Почему никто так и не понес никакого наказания за те злодеяния, которые учинены над нами? Похоже, что на свои вопросы я ответа не дождался.³

Вслух о депортации. Первыми, кто заговорил о депортации вслух в годы перестройки, оказались проживавшие в Москве калмыки — представители творческой интеллигенции, более свободные в публичном выражении своих взглядов, нежели жители республики. По сценарию одного из них, драматурга Олега Манджиева были сняты два художественных фильма «Гадание по бараньей лопатке» и «И вечно возвращаться». После успешного показа первого фильма в Москве (1988) и в Элисте, — а снять его удалось на Рижской киностудии, — стало ясно, что говорить на эту тему вслух уже разрешено.

В том же 1988 г. заговорил о депортации вслух с трибуны Верховного Совета СССР депутат, народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, начав

¹ *Илюмжинов Н. Д.* Предки, факты, время. Элиста. 1997. С. 84.

² Там же. С. 163.

³ *Годаев П.* Указ. соч. С. 139.

свое выступление своими стихами: «От правды я не отрекался, я был и есть калмык».¹ Его выступление было воспринято как «разорвавшее по стыдному молчанию»; то, что было разрешено сказать поэту-депутату, пока не распространялось на весь народ. До выхода научных публикаций прошло еще несколько лет.

В 90-е годы табу на «тайную историю» калмыков было снято, депортационный период стал популярной темой общественных обсуждений. Из народа-изгоя калмыки стали примерять и развивать образ народа-мученика в буддийском понимании страдания. Тогда появилось немало мемуаров, это была беспроигрышная тема в искусстве и литературе. В начале 90-х авторы спешили «застолбить» за собой перспективную научную тематику, однако основательные научные труды так и не появились, если не считать трех брошюр. Что же было сделано? Опубликован ряд архивных материалов о выселении и воспоминания узников Широкага, а также выселенных на Таймыр. Особенно активны были газеты, которые уделяли целые полосы письмам читателей о годах депортации, в то время как литературно-художественный и общественно-политический журнал «Театин герл» (Свет в степи) предоставлял свои страницы для мемуаров профессионалам пера.

На письме истории персонального опыта приобрели трагическую тональность, которая в устных рассказах отсутствовала. Как правило, публичные выступления содержали благодарность сибирякам как обязательное выражение лояльности к государству и как доказательство «объективности» высказываний: раз мы честно помним про добро русского народа, значит, наши беды тоже правда. Раз вы разрешаете нам говорить о трагедии калмыцкого народа, мы не забудем рассказать и о доброте русского народа.

Мама всегда рассказы о своих мытарствах начинала с того момента, как русский капитан помог погрузить теплые вещи на телегу. И все родные начинали благословлять его, желать ему всяческого здоровья. И мы искренне верили, что капитан жив. А бабушка вплетала слово «капитан» в свои буддийские молитвы. Старшие говорили, что если бы не он, то мы примерзли бы к вагонному полу навсегда.²

Помню, как увозили нас со станции в русские села... Многие встречались приехали с тулупами, чтобы обогреть. Хотя бериевы пускали слухи, что едут люди с кинжалами на поясе, людоеды. Вначале смотрели недоверчиво. Но потом оттаяли, и часто крестьяне жалели нас и помогали. Сердце у русского народа большое и доброе.³

¹ *Кугультинов Д.* От правды я не отрекался // Огонек. 1988, № 35. С. 24–26.

² ИК, 23 сент. 1994. «Мне кажется, это было не со мной».

³ ИК, 27 дек. 1991. «Эти годы...»

Эти два рассказа принадлежат женщинам и могут быть объяснены «женской эмоциональностью», а вот выдержка из мужских воспоминаний, где повествование незаметно переходит в традиционный калмыцкий жанр благопожеланий:

С нами остались два солдата, один из них пожилой, был такой добродушный, видно из крестьян. Он всем видом старался показать, что в душе он полностью сочувствует нам, видит, как несправедливо поступает с нами власть, но он солдат и выполняет приказ начальства. Как только офицер ушел, он сказал маме и дяде, чтобы мы брали с собой вещи потеплее, что нас повезут в холодные края, в Сибирь и чтобы побольше запаслись продуктами, так как дорога предстоит дальняя, а потом спросил: «Есть ли у вас что-нибудь из живности?» Мама ответила, что есть блячок, тогда он посоветовал, что его надо нарезать. Жаль, что мы в этой суматохе не спросили у доброго солдата ни имени, ни фамилии, ни откуда он родом. Спешно солдат вместе с дядей нарезали блячки, мама быстро растопила печь и начала варить мясо на дорогу. Пока мясо варилось в котле, солдат помог маме упаковать все вещи в чемодан и узлы. Благодаря этому красноармейцу мы смогли забрать с собой почти всю одежду и запастись продуктами на дальнюю дорогу. Спасибо тебе, русский солдат, за твое благородное, человеческое сострадание к несчастной калмыцкой семье фронтовика, может быть, благодаря тебе мы живыми добрались до Сибири и выжили в сибирской ссылке. Мы тебя никогда не забудем и будем благодарить Бога за твое здоровье, если ты жив, а если нет, пусть будут счастливы твои дети и внуки.¹

Надо отметить, что благодарность русским людям — не просто жест вежливости, это искренняя благодарность конкретным людям, которые помогали в той или иной трудной ситуации: накормили, поделились теплой одеждой, дали приют, приняли роды, а также были друзьями, подругами, одноклассниками, соседями, сотрудниками, учителями и учениками. Для многих калмыков эти годы пришлись на их юность, которая теперь кажется им лучшим временем жизни. Мой старший коллега завкафедрой этнографии Омского государственного университета Н. А. Томилов рассказывал, как он приехал на сессию по итогам полевых этнографических исследований в Элисту в 1981 г. и был удивлен особо почетному приему. «Я только что защитил кандидатскую диссертацию, и мне казалось, что персональная встреча в аэропорту, званый ужин мне как бы не по статусу. А мне ответили калмыцкие коллеги: “Так ты же — наш земляк, мы же в Омске и Омской области нашу молодость провели”».²

Благодарность русским людям — это еще и отражение официального дискурса родины, в котором дружба народов была священной (а ставить

¹ Илюмжинов Н. Д. Предки, факты, время. С. 86.

² Было рассказано и записано во время IV Конгресса этнологов и антропологов России в Нальчике, 2001.

под сомнение «святыни» было невозможно), и если бы такой поддержки не было, то и калмыцкий народ оказался бы среди недругов одиноким, символически утратил бы родину, не покидая ее государственных границ. Сочувствие сограждан-некалмыков, а именно русских, которые количественно доминировали в СССР, а также были «первыми среди равных», отвечало ожидаемой реакции со стороны «большой» аудитории и подтверждало представление о нравственном чутье русского народа, который был умнее и добрее руководителей партии и государства.

Депортация рассматривалась как суровое наказание Родины-матери, строгой к своим детям, но и справедливой. В связи с этим вспоминаются слова известной песни, которые здесь получают другой смысл: «С чего начинается родина? Со стука вагонных колес».

Важное место в «сибирских» воспоминаниях, как уже говорилось, занимает память тела. Тело является важным хранилищем сведений о прошлом, биоархивом, в котором хранится все существенное, имеющее отношение к биографии человека. Тяготы, которые могут «забываться умом», помнит тело, чья память надежнее. В состоянии шока люди забывали, сколько дней ехали в поезде, на какой станции выносили тела умерших родственников, но холод, голод, вкус хлеба, который сунула добрая старушка на станции, — это не забывается даже теми, кто был совсем мал.

Каждое лето я пас коров. Вспоминается один случай. Я и еще один мальчик рано утром гоним стадо, это часиков в полшестого-шесть утра, — холод, роса. А мы босые, ноги мерзнут, и мы греем их, наступая в горячие коровьи «лепешки». Ноги в цыпках, потрескавшиеся!

Ушли солдаты, а мама горько заплакала: куда это нас повезут и за что? Потом успокоилась и, как сейчас помню, одела она на меня сразу три платья, собрала два чемодана и опять заплакала.²

Песни о депортации — все на калмыцком языке, независимо от того, самодельный их автор или профессиональный. Читая тексты этих песен, видишь, как остаются непереверденными русские слова, отражающие жестокие реалии в официальном репрессивном дискурсе. Например, в песне «Чирлдяд гарсн вагонмуд» («Волоком тянущиеся вагоны») говорится:

Декабрь сарин 28-д
(«28-го месяца декабря,

Дивэр дэврль йовувидн,
Преодолевая горести, мы тронулись в путь,

Дивэр дэврль йовувичн,
В то время как мы, преодолевая горести,
трогаемся в путь,

Деерк бурхн өршэтхэ.³
Пусть нас охраняют высшие боги»)

¹ СК, 23 дек. 1993. «В воспоминаниях и снах приходим мы туда».

² ИК, 2 дек. 1884. «Тринадцать лет в тоске по родине».

³ Панькин А., Папуев В. Дорогой памяти. Элиста. 1996. С. 1.

Здесь упоминается дата 28 декабря. Декабрю по калмыцкому лунному календарю соответствует месяц Барса, но поскольку зловещий указ был датирован 28 декабря, именно эта дата памятна в народе, и в текстах калмыцких песен осталось число по-русски, тем более что есть некоторая разница в числах между лунным и григорианским календарем. Таким образом, историческое событие зафиксировано на языке обвинения и наказания, но с внутренним отстранением от него. Кроме «декабря» в песнях остаются непереведенными с языка репрессий такие слова, как «вагон», «товарняк-вагон», «указ», «советы», «область» и др. Все эмоции — боль, обида, горечь, тревога, скорбь, — а также слова молитв и другие фрагменты приватной сферы, все это в песнях передано на калмыцком языке. Официальные политические термины остаются в калмыцком тексте по-русски, но не столько из-за трудностей перевода (в республике и до войны издавались официальные издания на калмыцком языке), сколько по неприятию и нежеланию допускать термины отчуждения в родную речь.

Кстати, песни о депортации, как уже упоминалось, обычно исполняются под домбру и нередко — в танцевальном ритме. Мне приходилось видеть, как певцы пританцовывали при исполнении этих песен, но это был сдержанный танец, выражавший скорбные эмоции. Как будто сила этих чувств настолько сильна, что просто стоять столбом певец не может, он поддается песне, его тело послушно ее власти.

В рассказах о годах, проведенных в депортации, пожилые люди независимо от возраста и образования легко упоминают названия совхозов и колхозов, районов и областей, имена друзей и соседей, учителей, врачей, директоров совхозов, школ, председателей колхозов, учетчиков. В целом женские рассказы чаще говорят о чувствах, о радости или стыде, в то время как мужчины чаще рассказывают о работе, которую им приходилось выполнять. Не могу не согласиться с наблюдением И. С. Веселовой, изучая, женщины утверждают мир вокруг себя, а мужчины — себя в мире.¹

Государственное отношение к депортации по сей день сдержанно: депортационные проблемы находятся под идеологическим контролем государства — и Центра и местной администрации, которая в вопросах, связанных с межнациональными отношениями и территориальными претензиями, особенно осторожна. В отличие от Центра, цель которого — рутинизировать проблему, местная власть заинтересована в управлении депортационным дискурсом, чтобы не дать ему забыться и в то же время не допус-

¹ Веселова И. С. Рассказчики и рассказы: наблюдения над типами речевого поведения // Мифология и повседневность: тендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 г. СПб., 2001. С. 345.

тить его чрезмерного развития, особенно появления новых лидеров, использующих энергию национальной обиды/травмы.

Проблема депортации не забывается, и в определенные дни — 28 декабря, 23 февраля и 9 мая — главенствует в обществе, но тональность публичных заявлений сдержанна и обращена в прошлое. Основной вывод из этих обсуждений: такие трагедии не должны повториться. Как написал в предисловии к сборнику документов «Ссылка калмыков: как это было» Президент РК Кирсан Илюмжинов, «мы и наши потомки должны знать и помнить, как это было, чтобы горький урок Истории больше никогда не повторился. Таков завет тех, кто не вернулся из далекой холодной ссылки в родные степные просторы. Будем же достаточно мудры, чтобы не пренебречь опытом прошлого, потому что это нужно для нашего будущего».¹ Связанные с восстановлением республики трудные вопросы, не решенные политически, например указ о реабилитации, возвращение территорий, сегодня не поднимаются. В школах и вузах республики нет специального курса и нет единого печатного текста по этой теме. Учителя ведут соответствующий урок по собственному усмотрению, на эту тему выделен один академический час.

Приватно. В годы замалчивания хранителями истории депортационного периода были женщины — очевидицы событий; они и ныне неохотно вспоминают этот период.

Я знаю только то, что мне известно из скурых рассказов матери. Она не любила распространяться на эту тему, потому что эти воспоминания не доставляли радости: слишком много несправедливости выпало на ее долю.²

Вокруг было столько людского горя, что свои переживания приходилось носить молча.³

О наиболее драматичных эпизодах умалчивали осознанно: «Я не буду вспоминать о том, как высеяли. Чересчур тяжелая картина получается». Нежелание усложнять жизнь своих детей отягочающими воспоминаниями было прямым следствием депортационного опыта.

Самой тягостной повинностью для всех совершеннолетних калмыков, как свидетельствуют многие воспоминания, было ежемесячное посещение комендатуры. Казалось бы, что в этом такого, кроме символического унижения — расписаться, что ты на месте, не бежал, что твое наказание продолжается? Но эта процедура сопровождалась беседой с комендантом,

¹ Ссылка калмыков: как это было. Том 1, книга 1. Элиста. С. 4.

² Годяев П. Указ. соч. С. 157.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 206.

который, чтобы выслужиться, вполне мог «пришить» любое антисоветское дело. Если взрослые люди были всегда начеку, то неопытные подростки могли проговориться о чем-то таком, что недоброжелательным комендантом было бы представлено как донос. Не удивительно, что детям, выросшим в Сибири, взрослые обычно убавляли возраст, чтобы отсрочить обязанность подростка ходить к коменданту, и только много позже, перед выходом на пенсию, постаревшие сибирские дети спохватывались и торопились в архивы подтвердить свой действительный год рождения.

Слусть десятилетие после восстановления республики ее потрясли открытые судебные процессы над «карателями», как назвали солдаты Калмыцкого корпуса. Я была ребенком в то время, но хорошо помню тогдашнюю атмосферу подавленности и страшное слово «процесс». Народ унижали повторно, дав понять, что калмыков выселили за дело. Высшая мера наказания для подсудимых заставила народ затаить все обиды на государство, потому что был нарушен древний правовой обычай — дважды за одно и то же не наказывать. Значит, и депортация могла повториться... (Такую возможность старики допускали и позже, например в 1994 г., на дебатах вокруг замены конституции Республики Калмыкия Степным Уложением, и молодые люди их не понимали.) Процессы над «изменниками родины», возможно, убеждали народ в его виновности, и о депортации надолго перестали говорить.

Тем не менее депортация настолько глубоко сидит в памяти людей, что они многое продолжают видеть через ее призму. Так, одна из улиц Элисты, носящая имя Серова, ассоциируется в народе с генералом НКВД И. А. Серовым, руководившим операцией «Улусы», хотя, по утверждению сотрудников государственного архива, улица названа в честь другого Серова, красноармейца-героя, не имеющего отношения к выселению народа.

Для устных частных характерно обращение к «смешным» сюжетам, — на деле веселыми они не были, но таковыми становились спустя годы как воспоминание о пережитом. Вот две истории, относящиеся к наиболее трагичному времени, дороге в Сибирь.

На коротких редких остановках надо было набрать на всех воды, запастись топливом по возможности, выменять еду. Но в вагоне на всех ехало только двое мужчин — подросток (будущий рассказчик этой истории) и дед. Все остальные — женщины с малыми детьми и старухи. В дороге старухи стали страдать диареей, и надо было их спускать из вагона, а потом подсаживать, поэтому времени на заготовку воды и прочего не оставалось. Тогда дед наказал подростку на следующей остановке достать, а попросту украсть, топор, с чем парень успешно справился. Дед вырубил в полу вагона дырку, чтобы бабки могли справлять нужду без посторонней помощи, и тогда на очередной остановке они спокойно запаслись водой.

Одна семья по прибытии в Сибирь была определена в деревню, до которой надо было идти пешком десять километров. Семья состояла из молодой женщины с тремя детьми: старшему было пять, а младшему год, и старика-инвалида — ее свекра. Когда их выгрузили, выяснилось, что женщина может взять на руки только двоих детей. Она окликает всех взором и выбирает старших, у которых больше шансов выжить. Младшего она сажает на сугроб и не оглядываясь медленно уходит с двумя детьми на руках. Малыш плачет, этот плач подхватывает вьюга. Одноногий старик топчется вокруг годовалого мальчика и не в силах вот так оставить своего младшего внука, но и костыль не дает ему взять ребенка на руки. И вдруг на глаза ему попадает воловья шкура, которую они взяли в дорогу, но после высадки оставили, потому что не унесли бы. Старик догадался — он посадил на шкуру малыша и за хвост потащил шкуру за собой.

Оба эти рассказа я слышала от своего коллеги по-калмыцки,¹ сюжеты преподносилась весело, почти как в анекдоте: вот трагическая ситуация, казалось бы безвыходная, но решение всегда вдруг находится.

Приведу историю своего отца Мацака Гучинова, известного среди друзей шутника, чувство юмора не покидало его даже в трагической ситуации. Рожденный в 1921 г., он пошел добровольцем в 110-ю ОКВД, воевал на Северном Кавказе и был тяжело ранен, после чего весной 1943 г. временно демобилизован и направлен в распоряжение Элистинского военкомата. Так как он был уроженец пос. Улан-Хол, где жила вся родня, в Элисте он снимал комнату в доме русской женщины и в списке операции «Улусы» не попал. 28 декабря солдаты пришли в каждый калмыцкий дом, в том числе к его другу фронтовику Басану Маньнову, и забрали его жену Тасю с двумя детьми. Калмыков в Элисте собирали в кинотеатре «Родина». В ожидании транспорта Тася вспомнила, что в ателье готово ее зимнее пальто. Она стала просить солдат разрешить забрать его из ателье, ей разрешили выйти под охраной двух солдат. Забрав пальто, Тася возвратилась к кинотеатру. В это время, а было восемь утра, шел на работу мой отец, в дом которого, принадлежавший русской домохозяйке, не пришли. Увидев жену друга рано утром под конвоем, отец стал подшучивать: что же ты, дескать, ночью такого натворила, что тебя солдаты сопровождают? Это было сказано по-калмыцки, и испуганная Тася сказала солдатам: «Кажется, этот человек не знает, что происходит». Те подозвали отца и объяснили ситуацию. Так отец присоединился к остальным выселенцам. Позже, рассказывая эту историю, он заключал: «Вот так всех калмыков выселили насильно, а я поехал в Сибирь добровольно».

Такое сочетание горя и смеха, смех как воспоминание об ужасе, помогающий пережить его, преодолевающий страх, — возможно, универсальное

¹ Оба сюжета были мне рассказаны Б. Бичеевым.

явление человеческого поведения в экстремальных ситуациях; подобное было отмечено антропологами среди пострадавших от Спитакского землетрясения.¹ Роль памяти здесь минимальна, памяти и преданию в мире комического нечего делать: смеются, чтобы забыть.

В частных беседах порой слышится скрытая гордость, когда речь заходит об особой жестокости калмыцких «карателей». Например, группа студенто-стройотрядовцев оказалась на Украине в каком-то доме, и у единственного азиатка старуха спросила: ты калмык? Парень понял, почему старуха из всех восточных народов СССР выделила калмыков, и спросил: «Что, были здесь калмыки?» — «Были, ох лютовали» — был ответ. Коллега, рассказавший мне эту историю, слово «лютовали» произносил с нескрываемым удовольствием и торжеством. Подобную жестокую гордость, должна признаться, я сама испытала, когда после просмотра фильма Н. Михалкова «Урга» у меня спрашивали московские друзья, правдив ли показанный на экране способ умерщвления барана, когда сердце животного останавливают сжатием кулака.

Обида на государство была у народа не только за выселение с родины в самых жестоких формах, но и за то, что люди были «брошены на бесчестье, лишены своего сыновнего права и долга защищать Отечество».² Думаю, это существовало для представителей народа, который пришел в Россию и остался в ней навсегда как народ-воин, защищающий интересы новой родины. Запрет нести воинскую службу исторически означал отказ в предоставлении гражданства и расторжение договора от 1609 г.

Официально. 28 декабря объявлено Днем Памяти. В этот нерабочий день принято устраивать митинги памяти, в хурулах (буддийских храмах) идут специальные службы. Сакрализация памяти отражена в двух мемориалах — памятном камне и памятнике «Исход и возвращение» работы Эрнста Неизвестного. Название второго мемориала не случайно, это тоже примета официального подхода: ставить подряд выселение и возвращение. Этим как бы искупается вина: ошибка была совершена и позже исправлена, вопрос исчерпан. Но слово «исход» означает нечто другое, нежели «депортация», — это хотя и вынужденное бегство, но при исходе люди сами выбирают время и маршрут своего бегства. Так что трагическая история преподносится властными структурами смягченно, а по справедливому замечанию И. Сандомирской, «политический язык творит условия политической реальности».³ Важно отметить, что в этом названии слово «возвращение» содержит смысл везения, поскольку не все выселенные народы были возвращены на свои территории; итак, надо радоваться, что возвращение калмыцкого народа состоялось.

¹ Этим наблюдением поделился со мной мой коллега Л. Абрамян.

² Годлев П. Указ. соч. С. 48

³ Сандомирская И. Книга о родине. С. 206.

Депортации калмыков посвящен один из залов краеведческого музея Элисты. Музей устроил более чем скромную экспозицию, поскольку сам стал жертвой депортации. По музейным законам в чрезвычайных обстоятельствах персонал обязан сдать экспонаты сотрудникам близлежащего музея и только потом покинуть свой пост. Но в служебных инструкциях ликвидация государственности как чрезвычайное обстоятельство не предусматривалась. Поэтому музей был оставлен как есть, его фонды сильно пострадали, были распределены в инородные музеи и большей частью до сих пор там находятся.

После восстановления республики пришлось создавать музей заново. Однако собрать экспонаты, показывающие материальную культуру калмыцкого народа, посланного «навечно», вычеркнутого из всех энциклопедий, оказалось практически невозможно: выставленные в наши дни предметы немногочисленны и фрагментарны. Зато зал о депортации благодаря скудости музейных экспонатов становится более красноречивым, а сам музей тем самым превращается в яркую иллюстрацию.

Как же выжили? Воспоминания о депортационных бедах часто сводятся к вопросу — как же выжили, что помогло? Объяснения различны. Многие считают, что «провидение спасло», «может быть, помог Всевышний, не дал пропасть нашему роду». Как писал в своих воспоминаниях отец Президента РК Николай Иломжинов, из поколения в поколение в их семье передавались буддийские реликвии — статуэтки Будды, иконы, четки, кюрде (ритуальный барабан с молитвами), чашечки для возжигания лампад.

Сегодня, глядя на эти духовные семейные святыни, думаешь о том, что, может быть, благодаря им мы остались живыми и вернулись из Сибири на родину... Кто знает, может быть, некий родовой гений-хранитель оберегал нас, и в Сибири наша семья никого не потеряла, хотя с лихвой испытала все невзгоды и страдания, выпавшие на долю калмыцкого народа.¹

Большинство полагают, что выживание стало возможным из-за необходимости «заботы о родных и постоянного труда», благодаря поддержке земляков, в том числе старших калмыков и других добрых людей (некалмыков).

Выживанию способствовали вера, молитвы и общение со священниками. Монахи и народные целители лечили методами тибетской медицины, предсказывали возвращение домой. Очень помогали в трудные годы вечеринки с земляками, на которых исполнялись калмыцкие песни и танцы.

Как только был поставлен первый жилой барак, тесный и неудобный, калмыки затягивали любимые песни. Появлялась на свет гармошка,

¹ Иломжинов Н. Д. Предки, факты, время. Элиста. 1997. С. 10

и измотавшиеся на работе люди преображались. Откуда брались силы, не знаю. Но танцевали, веселились без устали. А наутро шли снова ступить на холоде.¹

Один из рецептов выживания сформулировал народный поэт Калмыкии Константин Эрендженов: «И здесь я понял один из важных жизненных принципов — надо уметь быть полезным людям. А найти это самое умение быть полезным ох как трудно! Но только таким образом, утверждая свою полезность, убеждая своим умением в том, что ты можешь не хуже других, даже в чем-то их превосходить, — можно было наравне общаться изгою с теми, кто сделал или считал его таковым».²

Почему вспоминают? Многие авторы воспоминаний (эго-документов) сами формулируют мотивы и цели своих публикаций. «Простые» авторы писем в газеты или герои «историй из жизни» обычно незамысловаты в своих интенциях.

Так уж водится, что с возрастом человек все чаще оглядывается на пройденные годы. Особенно обостряются чувства, когда смотрю на своих внуков. Как сложится их жизнь и какие сюрпризы преподнесет? Не помнить этого нельзя, если дорожим памятью о близких нам людям.

Люди, профессионально занимающиеся историей Калмыкии и, шире, России, ставят перед собой более четкие задачи:

Думаю, что растущая молодежь и последующие поколения смогут извлечь из моих воспоминаний полезные для себя уроки, имею в виду, что и самый простой рядовой член общества может проявить себя в экстремальных условиях, выдержать самые строгие испытания жизни, устоять на собственных ногах, не потерять человеческого достоинства и остаться полезным окружающим его людям и своему народу.³

Не удалось сталинско-бериевскому отребью запачкать калмыков клеймом «врагов народа». Один народ не может быть врагом другого народа. История рассудила верно.⁴

В 1994 г. был организован первый Поезд памяти «Калмыкия — с благодарностью сибирякам», который совершил тот же скорбный маршрут в Сибирь. Триста человек зимним днем поехали снова посетить места, «где мой народ, к несчастью, был». Это было нужно и людям и властям. Почему? Не потому ли, что память — не только хранитель текста коллективной идентичности, но прежде всего и редактор этого текста.⁵ Поэтому,

¹ *Годаев П.* Указ. соч. С. 150.

² *Эрендженов К.* Чудесная планета. С. 107.

³ *Иванов М. П.* Годы ссылки: воспоминания и мысли. Элиста. 1997. С. 4.

⁴ Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Том 3, книга 1. С. 26.

⁵ *Сандомирская И.* Указ. соч. С. 265.

когда появилась возможность создания новых дискурсивных практик, руководители республики не упустили шанс направить энергию травмы в наиболее безопасное русло, создавая официальные оценки, приемлемые и для властей и для населения. Это был настолько успешный опыт, что Поезд памяти за эти годы трижды отправлялся в места выселения.

Как пишут авторы писем, «иногда встречаемся со сверстниками тех лет, так становится на душе тепло. Ведь мы выжили!». Обращение к трудному периоду полувековой давности служит хорошим фоном для сравнения с современными достижениями, какими бы скромными они ни были. Не случайно многие опубликованные письма заканчиваются отчетом — итогами своей жизни, главные из них обычно таковы: «вырастали детей и дали им образование». Вот характерная концовка одного письма:

В конце 1958 года я с семьей выехал на родину. Впоследствии мои дочери и сын выбрали себе специальности, закончили высшие учебные заведения и твердо теперь стоят в этой жизни. Теперь тревожусь только за внуков и правнуков.¹

Таким образом, у калмыков не произошло двойного отрицания, как это было у чеченцев,² негативное отношение к самому факту депортации не распространилось на ту часть жизни, проведенную в выселении.

Как случайно оговорился один соотечественник, оказавшийся в годы войны за рубежом, о своей реакции на известие о депортации, ему «хотелось верить и не верить». Ясно, почему хотелось не верить, а верить — потому что эта трагедия оправдывала его невозвращение на родину, даже задним числом.

В печатных воспоминаниях нередко проскальзывает та или иная жизненная проблема — восстановление трудового стажа, восстановление льгот как участника войны, и часто у представителей поколения, родившегося по возвращении, которые имеют свои виды на материальные компенсации старшему поколению. Как писал в свое время М. Бахтин, какой бы момент выражения-высказывания мы ни взяли, он определяется реальными условиями данного высказывания, прежде всего ближайшей социальной ситуацией.³ Должна признаться — я сама в своих заявках на гранты, если это бывает уместно, упоминаю факт депортации как основание для особого внимания к заявке по калмыцкой этничности.

В современном дискурсе очевидно, что «простые» люди относятся к воспоминаниям о депортационных годах сдержанно, как о большой беде, которая уже пережита и осталась в прошлом. Представители творческой и научной интеллигенции и политики склонны к сакрализации травмы, они

¹ *Годаев П.* Указ. соч. С. 81.

² *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте. С. 83.

³ *Бахтин М.* Указ. соч. С. 420.

квалифицируют депортацию как геноцид, их оценки более эмоциональны и апеллируют к настоящему и к будущему. Как сказал в предисловии своей книги «Калмыки. Выселение и возвращение» проф. В. Б. Убушаев, «пока жив народ... появятся десятки, сотни книг по депортации калмыцкого народа... Я этого желаю»¹.

«Драматическая презентация прошлого» особенно удаётся талантливым режиссерам, актерам, композиторам и писателям. Я сама на каждом спектакле «Араш» Калмыцкого театра юного зрителя — а я видела эту драму трижды — рыдала, не в силах сдержаться. Волнующими с детства были для меня страницы повести «Три рисунка» А. Балакаева. Моя 35-летняя подруга не может без слез слышать «Балладу о выселении калмыцкого народа» в исполнении группы «Калмыкия», «каждый раз плачу» — признается она. Пытаясь анализировать свои чувства, вызванные этими произведениями настоящего искусства, а не попытками эксплуатировать модную тему, которых немало, я не услышала в себе желания мести или поиска виновных, а скорее чувства, близкие к катарсису.

Современный дискурс представлен разными версиями. Калмыки в Калмыкии уверены, что народ был незаконно выслан тоталитарным сталинским режимом; поводом к выселению послужило обвинение в том, что в добровольных калмыцких формированиях было меньше солдат, нежели на стороне врага — в Калмыцком корпусе. Проблема депортации продолжает оставаться важной для высланных, для рожденных в депортации и их детей. Внуки гораздо свободнее от посттравматического комплекса и как факт личной истории насильственного выселения не воспринимают. Больше того, мне встречалась шутливая досада на то, что «не все калмыки ушли с оккупантами, жили бы мы все сейчас в Америке». Таким образом, память о депортации не стала у калмыков «коренной парадигмой», какой стала память о геноциде для армянского народа.²

Все же «народное толкование» причин и истории депортации устойчиво во времени. Работая над этой темой этой главы, я постоянно сознавала, что не могу полностью отстраниться от удивившихся в народе предствлений, что постоянно возвращаюсь к тем формулировкам, которые слышала давно и которые воспринимаются как истинная, «народная история»; дистанцироваться от них нелегко.

Живущие в республике некалмыки полагают в большинстве своем, что народ был выселен за действия Калмыцкого «карательного» корпуса, который зверствовал на Украине. За пределами Калмыкии люди если и помнят о депортации, то скорее считают, что калмыков выселили за сотрудничество с оккупантами.

¹ Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. Элиста. 1991. С. 4.

² Dudwick N. The Karabagh Movement: An Old Scenario Gets Rewritten // Armenian Review. 1989. Vol. 42, No. 3. pp. 63–70.

Представители зарубежной калмыцкой диаспоры чутко относятся к разным оценкам депортации, это важный, выстраданный для них вопрос. В памяти поколения детей белой эмиграции остались страшные слухи о выселении народа, даже о его уничтожении. Именно это поколение, получив возможность поднять голос в защиту советских калмыков, а также депортированных народов Кавказа, были тревогу и обращались в ООН и другие международные организации. Представители первого исхода были казаками Великого войска Донского и до революции проживали в 13 калмыцких станицах, которые позже были преобразованы в Калмыцкий район Ростовской области. В 1944 г. этот район был ликвидирован, калмыки высланы, станицы переименованы. Позднее Калмыцкий район в Ростовской области не был восстановлен и калмыки там уже не селились. Так эмигранты из донских калмыков потеряли свою «малую родину» и пострадали от указа 1943 г., хотя лично выселены не были.

Для представителей второго исхода, а это были и солдаты Калмыцкого корпуса и военнопленные, а также гражданское население, волей судьбы оказавшееся в американской оккупационной зоне Германии, этот вопрос еще болезненнее. И сегодня многие в Калмыкии полагают, что если бы не Калмыцкий корпус, не было бы и повода для депортации калмыков. Приехавшим на празднование «Джангариады» в 1990 г. калмыкам из США порой ставили в упрек, что если бы их родители не ушли с фашистами, калмыков бы и не выселили. Многие еще крепкие старики, покинувшие родину в 1943 г., даже после падения железного занавеса опасаются навестить родные степи, поскольку КГБ арестовал одного из них, бельгийского гражданина, рискнувшего поехать на родину в гости в 1984 г.; вскоре он был осужден и расстрелян. Навязанное чувство вины преследует многих корпусников до сих пор, недаром они так не любят говорить о войне с чужими.

В оценке депортационной истории обе волны калмыцкого исхода едины. Лидеры калмыцкой общины в США встречались с советским перебежчиком подполковником Бурицким, который участвовал в акциях выселения многих народов, как и в операции «Улусы». Его рассказы имели широкий резонанс наряду с книгой А. Некрича «Наказанные народы», в которой отдельная глава посвящена калмыкам, потому она хранится в личных библиотеках многих калмыков диаспоры. По общему мнению калмыцкого зарубежья, депортация была проведена коммунистами в интересах русского большинства, ради калмыцких территорий.

Тем не менее возникает вопрос, почему у одного народа депортационный комплекс стал источником эскалации конфликта и открытых военных действий, а у другого нет. Надо отметить, что чеченцы и калмыки в годы депортации были равны по статусу, но находились в разных жизненных условиях. Калмыки были расселены дисперсно (от Сахалина до Урала,

от Таймыра до Средней Азии, причем в Средней Азии и Казахстане их было значительно меньше, нежели в северных регионах), попали в незнакомые природные условия — из степей в таежные леса, а чеченцы расселены более компактно, в Казахстан и Киргизию, где климат был мягче, где жили единоверцы, и в похожую горную местность. В результате калмыки вернулись с большими демографическими потерями: было выслано около 120 тыс. человек,¹ а вернулось менее 78 тыс., из них почти 26 тыс. детей,² в то время как чеченцев было выслано 387 тыс.,³ вернулось 356 тыс., из них детей около 150 тыс.⁴

В депортационной травме чеченцев и эскалации конфликта существенную роль играл фактор материальной заинтересованности. По мнению В. Тишкова, чеченцам было за что бороться: столица республики Грозный с его жилищным фондом, нефть и власть не находились под контролем чеченцев. В отличие от Чечни в Калмыкии не было такого богатства, за которое стоило бороться политически и силой оружия, в то же время калмыки были гораздо лучше представлены во властных структурах, чем чеченцы в Чечне, а Элишта не была русским городом и хорошие городские кварталы не могли стать предметом вождения для местных калмыков.⁵

В период гласности, ставший временем осмысления насущных задач социального развития народов СССР, калмыки столкнулись с двумя проблемами. Одно из них — угроза утраты калмыцкого языка, воспринятая как самая важная проблема. Второе — непредумышленное заражение через ВИЧ-инфицированные препараты крови 75 детей и 13 матерей в республиканской детской больнице в 1988 г. Эта трагедия широко освещалась в СМИ, но преподносилась как вина местных медработников, а не как халатность федеральных служб. Донести эту точку зрения до российского общественного мнения представители республики не смогли. В это время калмыки за пределами республики подвергались остракизму: их не селили в гостиницах, на машинах с «калмычками» номерами писались обидные слова, людей нередко называли «спидниками». Вновь калмыки почувствовали себя изгоями; к счастью, ненадолго. Возможно, этот непродолжительный опыт остракизма показал, что небольшой народ при отсутствии демократических институтов ограничен в возможностях и противостоять большому обществу неспособен.

Перспективы для большого маневра в «потреблении» депортационной травмы калмыков в современном политическом поле отсутствуют, а мел-

кие ресурсы «погребления» (материальные компенсации, снижение пенсионного возраста и проч.) практически исчерпаны. В этой связи можно полагать, что при благополучном ходе дел в республике эта травма, как и предыдущие, будет вскоре рутинизирована.

Передача информации от поколения к поколению носит, по определению Музиля, характер «неточного цитирования», и на примере межпоколенной трансляции памяти о травме среди калмыков мы видим, насколько усеченной передается она поколению детей, родившемуся после депортации. Это информационное сито в калмыцком обществе стало инструментом умолчания. Опубликованные воспоминания последних лет стали резать по памяти, переделкой эпической песни, по идее которой право на счастье надо заслужить, совершив inferнальное путешествие.

Недавно в Элисте я наблюдала, как дед гулял со своим пятилетним внуком. «Это первое поколение калмыцких детей, которое знает своих дедов», — сказал мне собеседник. Я согласилась: своих обоих дедов я не видела.

¹ Dudwick N. The Karabagh Movement: An Old Scenario Gets Rewritten // *Armenian Review*. 1989. Vol. 42, No. 3. С. 41.

² Бугай Н. Ф. Указ. соч. С 77.

³ Полян П. Указ. соч. С. 122.

⁴ Тишков В. А. Указ. соч. С. 88.

⁵ Этим рассуждением поделился со мной в частной переписке В. А. Тишков.

мнят имена русских врачей, которые вылечили их или членов их семей или помогли в трудную минуту. Теплые слова о русском докторе Резнике из Мюнхенской больницы, докторе Доброхотове из Софии часто встречаются в воспоминаниях.

Другая этническая группа — евреи. Считается, что они умнее, хитрее, образованнее, что еврейская община гораздо более дружная и богатая. Поэтому у еврейских эмигрантов нет проблем, они «только приезжают и сразу же получают пенсию». Евреи к тому же слыт очень богатыми. На поминках в Филадельфии мы сидели за одним столом с супружеской парой еврейского происхождения. «Ты заметила, сколько золота было на ней?» — спросила потом моя попутчица.

Наконец — черные, «харчуд». Считается, что они люди ленивые, не умеющие работать, не желающие учиться. Как раз эту леность калмыки считают и своей особенностью, ведь неспроста считается, что в других люди не терпят собственных недостатков. Однажды мы ехали в Филадельфию и разглядывали мелькающие мимо дома, окруженные красивыми цветами. Всем почему-то стало ясно, что здесь живут белые американцы, и один из моих попутчиков сказал: «Вот у калмыков и у черных никогда ничего не растет». «Даже трава» — поддержал это наблюдение другой. В ситуации между белыми и черными калмыки занимают промежуточное положение: во многом становятся на позиции белого большинства, но чуть-чуть чувствуют возможные проявления расизма.

За океаном родилось выражение «борчуд» (серые). Оно относилось к латиноамериканскому населению США, чаще к пуэрториканцам. Это название отражает социально пограничное положение испаноязычных эмигрантов, которые в восприятии калмыков были выше «черных», но которым было далеко до «белых»: плохие работники, к тому же агрессивно настроены по отношению к азиатам, поскольку китайцы и японцы более исполнительны, чаще более образованны и даже в первом поколении эмиграции добиваются успеха. Чувствуя это, борчуд часто неуважительно относятся к калмыкам как азиатам, это относится и к молодому поколению и, что удивляло моих респондентов, к старшему. Эта конкурентность сильно чувствовалась в первой половине 50-х годов, когда и те и другие не были адаптированы и социальная агрессия выливалась в конфликты между молодежью. Не случайно в первые годы эмиграции молодые калмыки ходили специально драться в пуэрториканские районы, чтобы потешить молодую кровь и дать выход маргинальной агрессивности. Это был пример, по выражению Л. Шейнбаум, «этнорасового резонанса социальной напряженности». По отзывам самих борчуд, проживающих в Филадельфии, они

¹ Шейнбаум Л. С. Буэнос-Айрес: этносоциальный аспект урбанизации и иммиграции // Очерки по культурной антропологии американского города. Москва, 1997. С. 217.

Глава 3 Культура и идентичности калмыков США*

Калмыцкая диаспора в США стала складываться с 1951 г., когда проживавшим в Европе калмыкам была дана возможность переехать в США. Они проживают компактно в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания, где создали несколько культурных обществ, силами которых построено четыре буддийских храма.¹

Мир вокруг. Поскольку калмыки в США всегда жили незамкнутым этническим кругом, в рассказах моих интервьюеров этническое многообразие мира, как правило, сводится к нескольким этническим группам. Во-первых, это русские. Под ними подразумеваются дети эмигрантов первой волны, беженцы второй волны и их дети. Они считаются такими же простыми людьми, как и сами калмыки. Им пришлось немало здесь пережить, начать жизнь с нуля и надеяться только на себя. Большинство русских, с которыми общаются здесь калмыки, относят себя к казакам. Это общее казачье самосознание объединяет значительную часть калмыков с русскими. Именно русские эмигранты помогли калмыкам переехать в США, после того как 17 стран отказали им, и получить гражданство. Толстовский фонд во главе с дочерью писателя Александрой Львовской, инициировал переезд калмыков и добился этого несмотря на множество преград. Одной из них был запрет на получение гражданства выходцам из Азии, который поддерживался тогдашней войной в Корее. Именно русские соотечественники, которые развернули кампанию в прессе в пользу калмыков, помогли доказать, что калмыки лишь только историческим происхождением связаны с Азией, а на самом деле более 400 лет проживают в Европе, и в этом отношении они сопоставимы с финнами и венграми, чей этногенез также проходил на Востоке. Многие калмыки хорошо по-

* В основе этой главы — статья «Калейдоскоп идентичностей в калмыцкой общине США» // ЭО. 1999. № 4.

¹ В этой статье использованы полевые материалы автора, собранные в 1997–1998 гг. в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания благодаря программе Фулбрайт.

отличают калмыков от остальных азиатов по двум признакам: калмыки крупные телом и говорят по-английски без акцента.

И если продолжить издавна принятую среди монгольских народов цветную символику, классифицирующую страны света и соответственно с этим народы, но уже по-другому, исходя из американского расового контекста (белые, черные, серые), то нельзя не упомянуть и о бежевых, как иногда называют потомков от браков представителей европеоидной и монголоидной рас.

Особое отношение в калмыцкой общине к тибетцам. В первую очередь эти два народа объединяет вера, причем Тибет не только колыбель северной ветви буддизма, долгое время бывший духовным оплотом всех ламаистов, это страна, давшая миру все перерождения высшего духовного авторитета буддизма Его Святейшества Далай-ламы. Трагические события конца 50-х, изгнание Его Святейшества, разрушение монастырей в Тибете очень напомнили калмыкам историю калмыцкого народа, в которой было и изгнание из родных мест, и разрушение храмов. Думаю, что и Китай, агрессор в тибетском конфликте, адекватно отождествлялся калмыками с Китаем — противником ойратов-калмыков в историческом прошлом. Во всяком случае, тибетцы, появившиеся в Америке как беженцы, искали себе невест среди калмыцких девушек, и порой небезуспешно.

Флаг и герб Тибета мне приходилось видеть во многих общественных местах — в хурулах, как в помещениях для служб, так и в залах для общинных собраний культурного характера. Здание одного из хурулов в Хауэляе украшено изображением тибетского герба на фоне. На многих калмыках я видела украшения тибетского производства: кольца и браслеты с буддийской мантрой, кулоны с изображением Поталы, главного храма Лхасы.

Близость исторических судеб и единая вера вызвали к жизни «Обращение калмыцкой общины к Объединенным нациям и всем свободным народам» от 19 марта 1959 г., в котором выражалась «глубокая озабоченность сообщениями наших единоверцев в Тибете, ставших объектом интервенции и грубых репрессий со стороны коммунистического режима в Китае, похожих на интервенцию Советской Армии против борцов за венгерскую свободу. Мы как калмыки совершаем этот шаг, адресуя это обращение от имени наших тибетских единоверцев к общине свободных наций, поскольку тибетская община, которая имела бы возможность выступить за свой поработенный народ, в Соединенных Штатах отсутствует».¹ В этой петиции было сформулировано предложение государству, имеющим дипломатические отношения с коммунистическим Китаем, во имя человечества просить немедленного прекращения кровавого террора, про-

¹ <http://www.erols.com/bmosch/petition.htm>

видимого китайскими коммунистами против народа Тибета и прежде всего требовать, чтобы китайские коммунисты уважали иммунитет и святость фигуры Далай-ламы как духовного лидера нации и ламаистов всего мира.¹

Особое место в геополитических представлениях общины занимают китайцы, а точнее — Китай и Тайвань. Несмотря на общеазиатскую солидарность с китайцами в США, которые сталкиваются в доминирующем обществе белых протестантов англосаксонского происхождения с теми же трудностями, что и калмыки, отношения с китайцами осложнились рядом обстоятельств. В первую очередь это исторические претензии к Китаю, который недружелюбно отнесся к калмыкам, пришедшим в 1771 г. в Китай из России.

Более широкие основания для взаимопонимания и симпатий появились у калмыков США с Тайванем на идеологической — антикоммунистической платформе. В результате многие калмыцкие лидеры стали членами Тайваньского клуба, а в домах некоторых представителей диаспоры я видела висящую на стене фотографию делегации калмыцкой общины вместе с Чан-Кайши, сделанную в Тайбэе в начале 50-х гг. Благодаря спонсорской поддержке Монгольского общества на Тайване большая делегация калмыков из США ежегодно посещает Тайбэй в дни государственного праздника — 10 октября. В последние годы в состав делегации входят и калмыки из России.

Однако некоторые представители интеллигенции в общине настроены решительно против такого рода контактов с Тайванем. Они видят в этом общении не равноправное дружественное сотрудничество, а попытку воссоздать модель Великого Китая, в которой монгольские народы символически продолжают быть подвластными Поднебесной империи, о чем и должно свидетельствовать официальное присутствие калмыков на государственном празднике. В открытом письме к своим сородичам один из лидеров общины писал: «Нам, калмыкам, нужно быть очень осторожными и не идти на поводу у китайских прислушников. Нам нужно иметь чувство ответственности перед своей совестью и перед народом».²

Остальные народы определяются ситуативно. Болгары и сербы — «почти что русские, и по языку близки, и по культуре и такие же бедные были». Армяне — «мы с ними жили по соседству в Болгарии и во Франции, они учили нас турецкому языку». Шотландцы — «почти такие же, как и калмыки, потому что очень гостеприимны и добры, а также любят драться между собой».

Оказавшиеся в 1945 г. в лагерях для перемещенных лиц в Германии калмыки стали «новыми» эмигрантами. «Старые» эмигранты бежали из

¹ Там же.

² Письмо Д. Бурхинова. Архив автора.

России в 1920 г. вместе с белогвардейскими частями Врангеля. Более трех тысяч калмыков¹ — казаки, члены их семей и горстка буддийских священников — бежали через Стамбул на Балканы.² Эмигранты первой волны провели годы между мировыми войнами как лица без гражданства с нановыми паспортами под защитой Лиги Наций. Они селились в зависимости от возможности трудоустройства, стараясь устраиваться поближе к родственникам, старым друзьям или временному буддийскому храму. Большие общины образовались во Франции и Сербии, меньшие — в Чехословакии и Болгарии. При этом адаптация калмыцкой эмиграции в Восточной и Западной Европе была значительнее, чем та, что была позже связана с переездом в США, поскольку в Европе калмыки были вынуждены перейти от сельского образа жизни к городскому, а в США в основном сохранили навыки, приобретенные в Европе после Первой мировой войны.³

«Старые» эмигранты в свою очередь делились на сербских, болгарских и французских, но это было «внутреннее» деление среди «своих», приоритет калмыцкой идентичности относительно некалмыков всегда сохранялся. У «французов» (тех, кто родился или вырос во Франции) сохранялся французский акцент в калмыцкой речи, «зато они танцевали лучше». Калмыки, рожденные во Франции, не говорили по-русски, первым языком их был калмыцкий, затем французский. Считалось, что женщины, рожденные или выросшие там, отличаются неповторимым французским изысканным вкусом и соревноваться с ними в элегантности невозможно.

Сербских калмыков было больше других, они, как и калмыки, родившиеся в Болгарии, кроме калмыцкого и местного языка хорошо знали русский язык, потому что посещали русские школы и гимназии. Языками общения молодежи первого исхода были калмыцкий и сербский.

В конце Второй мировой войны калмыцкая колония, как уже было упомянуто, пополнилась группой калмыков второй волны эмиграции. Их было более 600 человек (по разным данным до пяти тыс. вначале, но часть калмыков вернулась на родину после войны). Среди них было несколько десятков семей. Эти люди оказались в немецком плену и попали на работы в Германию. Прибывших из оккупированной республики сразу назвали «совetchиками», «безбожниками», «колхозниками». Среди них было больше двадцати священников, которым было запрещено служить на родине, а после того как оккупанты открыли хурул в Элисте и там проходили службы, их точно с приходом советской власти ждала смерть. Среди новых эмигрантов — их так и называли «шинчуд» (новые) — были и работавшие в органах власти при немецком режиме, а также бывшие раскулаченные.

¹ Борисенко И. В., Горяев А. Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 46.

² Adelman F. The American Kalmyks. Manuscript. 1961. P. 28.

³ Там. P. 28.

«Для старых эмигрантов мы были эмигрантами второго сорта, сейчас почти все различия забылись». Эти внутренние разногласия были ситуативными, неустойчивыми и всегда отходили на второй план, когда речь шла о калмыках в противоположность некалмыкам. Так, среди старых эмигрантов было много девиц на выданье, которых выдавали замуж за новых эмигрантов несмотря на разницу в возрасте или культуре и другие личные предпочтения.

Там же, в Германии, появилось поколение «калмыцких немцев» — детей, чья социализация прошла в этой стране.

Для нас Германия — наш дом. Мы там жили, выросли, школу окончили, все там знаем. Каждый год мы едем туда в отпуск, и каждый год приезжают к нам в гости наши немецкие друзья.¹

В Германии мы разделялись на старых эмигрантов и новых, а сейчас уже забыли. По праздникам мы, калмыки, собираемся вместе и садимся за разные столы: «болгары» садятся за свой стол и разговаривают между собой по-болгарски, «сербы» за свой, «немцы» отдельно. Теперь появляются русские столы, и с каждым годом все больше.²

Деление на старых и новых эмигрантов в калмыцкой общине наложило на и без того сложную структуру традиционных идентичностей калмыцкого общества. Внутреннее подразделение калмыков довольно подробно. Калмыки, жившие в низовьях Волги, делились на следующие этнотерриториальные группы: дербеты, торгуды, хошеуты, бузава. Если три первые группы связаны своим происхождением с эпохой Чингис-хана и имели в прошлом военно-сословные отличия, то бузава, или донские калмыки, были сформированы из представителей торгудских и дербетских родов, которые откочевали в XVII в. на Дон, а позже, образовав 13 станиц, вошли в состав Великого войска Донского.

О вреде разобщения, причиной которого могут стать традиционные идентичности, говорят сами калмыки диаспоры: «Зачем нам делиться между собой, нас и так мало». Но выясняется, что не делиться никак нельзя. Возможно, это связано с кочевым наследием и дробной родо-племенной структурой общества в прошлом. Так или иначе, выехавшие из России калмыки сразу же разделились на донских калмыков (бузава), которых было подавляющее большинство, торгудов и дербетов. Это деление сохраняется и в республике, но в повседневноности оно более значимо для стариков, а у остальных актуализируется в период политических выборов, когда претенденты апеллируют к родовым идентичностям народа. В США в разговорах пожилых людей, особенно педантичного склада и чаще у мужчин, нередко после имени человека следует его атрибуция по племенной принадлежности; это проявление все еще прочных стереотипов мышления.

¹ Полевой дневник, Филадельфия, 1998.

² Полевой дневник, Хауэлл. Запись от 28 дек. 1997.

Заметим, что казачья идентичность была одной из существенных составляющих самосознания эмигрантов первой волны. Залогом до так называемого «калмыцкого исхода» 1920 г., во время совместного проживания в Сальском округе Великого войска Донского донские казаки полюбили калмыков за их храбрость и воинское умение, качества, которые их сблизили. На многих надгробиях калмыцкой части кладбища в Хауэлле после имени усопшего написано по-русски «калмык-казак».

Несмотря на многоуровневость самосознания, главной идентичностью остается калмыцкая. Об этом свидетельствуют многочисленные факты повседневной жизни. Практически все калмыки, от мала до велика, считают необходимым посещать вечера, связанные с этническими календарными праздниками. Все дети, рожденные в калмыцких или смешанных семьях, как правило, носят или «калмыцкое» имя (оно может быть тибетского или санскритского происхождения, если связано с буддийской онимастикой, но воспринимается в народе как калмыцкое), или имеют дублирующие калмыцкие имена, полученные в храме. Многие мои знакомые, имеющие электронную почту, в качестве логина или пароля используют калмыцкие слова.

Большинство калмыков старшего возраста называют себя «калмыки», делая ударение на последнем слоге, аналогично слову «казаки». Возможно, это влияние калмыцкого языка, в котором ударение падает на последний слог. Нередко мой слух коробило непривычное ударение и в слове «Калмыкия» — на третьем слоге. Это название появилось в русском языке советского времени и не было родным для эмигрантов.

Именно калмыки США первыми подняли голос в защиту депортированных калмыков в СССР. Лидеры общины создали «Комитет по защите элементарных прав калмыцкого народа в СССР», целью которого были политическая реабилитация и возвращение калмыков из Сибири на родину.¹ Активисты комитета добились приема калмыцкой делегации в Государственном департаменте США, в ООН в 1954 г., отправили представителей с соответствующим меморандумом на конференцию 29 стран Азии и Африки в Бандунг в 1955 г.² Некоторые факты о преследовании по этническому признаку в СССР, замалчиваемые в СССР и Восточной Европе, становились достоянием мировой общественности благодаря общественной деятельности активистов калмыцкой общины в США.

Отсутствие какой-либо официальной информации о депортированных калмыках, тревога, нагнетаемая слухами из СССР, допускали мысль и о полном уничтожении калмыков в Сибири. В этом случае от калмыцкого

¹ Наминов-Бурхинов Джаб. Борьба за гражданские права калмыцкого народа. М.: Элиста, 1997. С. 24.

² Там же. С. 34.

народа оставалась только община в США и еще меньшая группа калмыков в Европе. Тогда на них переходила бы историческая ответственность за сохранность народа на этнической карте мира.

Калмыки США осознают себя калмыцкой общностью, и одним из показателей этого служит телефонный справочник, где собраны номера телефонов, принадлежащие исключительно тамошним калмыкам (это самиздат или тамиздат?). То, что в любой исторический период калмыцкая идентичность играла доминирующую роль, хорошо иллюстрирует следующий рассказ Алексея Иванчукова.

В 1957 г. в Австрии проходил международный фестиваль молодежи и студентов. Я, в то время студент, тоже подал заявку, потому что знал много языков, и это поощрялось. Когда мы приехали, я расспрашивал всех из советской делегации, есть ли промеж них калмыки. Есть, — сказали мне буряты. Действительно, каким-то образом стало известно, что в американской делегации есть калмык, и поэтому руководители советской делегации срочно разыскали советского калмыка, в то время секретаря Калмыцкого обкома ВЛКСМ. Когда я увидел Владимира Дорджиева, он мне первым делом сказал: «Мы только что вернулись», и я от радости забыл про свой антикоммунизм, мы обнялись и о политике не говорили.¹

Большинство калмыков США считают себя одновременно монголами. Конечно, так было проще представляться, монголов знают в мире лучше; объяснить, кто такие калмыки, довольно сложно, и большой натяжки здесь нет: калмыцкий язык относится к монгольской ветви алтайской языковой семьи. Например, адвокат Дава Урубжуров объясняет своим детям, что они в первую очередь монголы, потому что, на его взгляд, калмыков слышат коммало. У моего американского товарища логин электронной почты такой: «МОНГОЛ СД», что надо расшифровывать как монгол Сари Дакугинов.

Единый язык, религия и сеть родственных отношений не единственные консолидирующие черты жизни калмыков в Америке. По мнению Фреда Адельмана, они дополняются особой чувствительностью к вопросу о расовых отличиях и глубоким убеждением в трагичности своей истории.²

Этничность калмыков, как считает А. Борманжинов, уникальна, потому что включает в себя комбинацию следующих факторов: сознание принадлежности к монгольской расе, общение на одном языке, принятие тибетской версии буддизма, который играл существенную роль в религиозной, культурной и политической жизни монгольских народов, а также поддерживаемые в течение веков обычаи и предания вопреки дальним миграциям, вынужденному распылению и вековому тесному общению с китайскими и тюркскими народами, которые придерживались совершенно

¹ Полевой дневник, Хауэлл. Запись от 1 дек. 1997.

² Adelman F. Op. cit. P. 33.

других обычаев.¹ Тем не менее калмыцкая община за почти полвека проживания в США достигла материального благополучия и образовательно-прогресса; правда, эти успехи были достигнуты ценой частичной утраты своего этнического наследия. Уже второе поколение не всегда искренне следует традиции, а возрастающая доля экзогамных браков вносит свой вклад в продолжающийся процесс ассимиляции и интеграции в американское общество. Трудно ожидать, что третья и последующие поколения будут активно противостоять угрожающей тенденции, ведущей к полной ассимиляции и исчезновению в американском мейнстриме.²

Таким образом, установка на многокультурность в калмыцкой общине — ориентации на калмыцкие, европейские и американские ценности, позволившие успешно адаптироваться первому и второму поколению калмыков в США, в третьем поколении сменяется пробуждающей установкой на американские ценности. Несмотря на успешную адаптацию калмыцкой общины в американском обществе, расовый вопрос продолжает оставаться чувствительным для многих ее членов. Как заметил один из моих собеседников в Хауэлле, «даже вплоть можно заметить, что мы желтые среди этого англосаксонского мира».

Американские физические антропологи в своих исследованиях пришли к выводу, что «калмыки в Соединенных Штатах являются народом генетически монголоидным по преимуществу, но в ходе истории они приобрели гены других народов, особенно славянского населения».³ «Здесь очень сильное расовое деление. Никак к этому не привыкну, уже 47 лет как... Даже когда китайцы выигрывают, нам приятно». Лидия М. при мне купила куклу Мулан для дочери со словами: «я давно должна была купить куклу восточного облика, а то моя дочка играет с Барби и Синди, все они голубоглазые блондинки». Эта кукла, вышедшая из корейской сказки, стала любимой у многих калмыцких девочек. «Мама, правда, я на нее похожа?» — спрашивала маленькая Анастасия.

Одна из важных идентичностей, о которой калмыки сами не говорят отдельно, но постоянно демонстрируют, это соотнесение себя с Азией, с восточной культурой. Многие калмыцкие пары за недостатком «своих» невест женились на японках, китайках, кореянках. Накануне зимних Олимпийских игр в Нагано американское ТВ уделяло много внимания соперничеству в фигурном катании двух американок — Тары Липински и Мишель Кван. Все мои знакомые представители калмыцкой общины пожилого возраста однозначно болели за Мишель именно из-за ее внешнего

¹ Bormanshinov A. Kalmuks // American Immigrant Cultures. Builders of a Nation. Vol. 2. New York. 1997. P. 544.

² Idem. P. 548.

³ Politizer W. S. Blood Types and Anthropometry of the Kalmucks // American Journal of Physical Anthropology. N. S. Vol. 20, 1962. P. 11–15.

дальневосточного облика, солидаризуясь с девушкой, которой, на их взгляд, все-таки пробиваться наверх было труднее, чем белой.

Принадлежность американских калмыков к дальневосточному миру видна в убранстве их домов, изобилующих предметами японского и китайского происхождения; это гравюры, веера, посуда, декоративные вазы, ширмы, куклы, статуэтки. Нельзя в этой связи не отметить, что многие из моих респондентов или их родственники в свое время работали в Японии, Вьетнаме, Бирме, Китае. Когда у них появлялась возможность поехать в длительную командировку, они всегда выбирали восточную страну с буддийской культурой. Как правило, туристические маршруты многих калмыков диаспоры тоже проходят по восточным странам: Китай, Япония, Монголия, Тайвань. Это характерно и для второго и уже третьего поколений эмигрантов.

Называя себя калмыками, представители диаспоры ясно осознают, что относятся к «волжским калмыкам», то есть калмыкам, поселившимся на Волге, в пределах России. Это показывают эпитафии. Там, где указано место рождения, можно встретить (написание я сохраняю): Ст. Ново-Алексеевская; село Мишкова, село Абганерова малы Дербет; гор. Элиста Калмик — А.С.С.Р., ст-ца Ново Алексеевская Донская; Б.-Туктуновской волости Б.-Дербет улуса Калм. А.С.С.Р.; кетченер малодербог; Эркетиновский улус Астраханского войска; село Шарнут, Калмыкия; урочище Улан-Зуха Джебжинковского аймака Маньчжеского улуса Калмыцкого области; Село Хоншук Больше Дербетов улус; Эрдниевакский, Юстинский р-н. Есть надпись и по-украински: ст. Уласовской В.В.Д (Власовской), по-английски: Donskoi oblast Russia; born in Russia. Нередко родственники нашли нужным указать специальность, чин, титул или родовую принадлежность усопшего: Инженер-архитектор Содман Леджинович Далантинов-Мангантов; Семен Семенович Собрюков, вахмистр 3го Донского калмыцкого полка ст. Ново-Алексеевской; Халъмг тангчин багш Дорджин Молм; Дорджа Нурдович Улюков, народный учитель ст. Баллаевский, В. В. Д.; Басан Урусов, калмык; цорос Дорджа Шовгуров; хошуда Нами Шовгуров.

Тексты надгробий иллюстрируют также культурную полифоничность калмыцкой общины в США. Они даны на тибетском, английском, русском и калмыцком (в кириллице) языках. Даты рождения и смерти указаны по американскому образцу (месяц-число-год), то по калмыцкому (в таком-то возрасте), иногда по русскому (число-месяц-год), иногда даже даты написаны по-тибетски.

Отношение к России как большой родине — неременная составляющая калмыцкой идентичности. Так, в 1957 г. в Нью-Йорке калмыки участвовали в бале народов России в честь запуска первого советского спутника; на всех праздниках здесь звучит русская музыка. Молодежь, приехавшая в США из СССР/России в 90-е годы, воспринимается той частью

общины, что родилась в США, как русские. Наверняка под этим подразумевается гражданская идентичность в прошлом — россияне, но называется это Russians, или по-калмыцки «орсмуд», что тоже означает русские / россияне. «Новые» эмигранты порой вспоминают, что когда-то их тоже так называли — русскими. Однако представители этой волны эмиграции, приехавшие сюда по собственной воле, сами рассуждают иначе: «Жить в Яшкуле (в Калмыкии. — Э. Г.) — не означает быть лучшим калмыком, чем если живешь в Нью-Джерси». В калейдоскопе идентичностей калмыков Америки значительное место занимает и гражданское самосознание, гордость за американские ценности и международный авторитет США.

Среди калмыцкой эмиграции большую роль продолжает играть родство и родственные отношения. Об этом говорят распространённые обращения, в которых вместо имени используются термины родства: «нахцха бергн» (жена дяди по матери), «бааж» (старший брат), а также строгое соблюдение родственных визитов во время весеннего праздника Цаган Сар. Визиты к родне, сперва к самым старшим, с соответствующими рангу адресата подарками,¹ сохраняются до сих пор. Отношения родства / свойства помогали калмыкам выживать в трудные времена, потому и знание разветвленной системы родства не утратило своей актуальности. Среди представителей диаспоры, особенно второго и третьего поколения, этническое сознание опосредовано историей семьи.

Этническая община выполняет роль заместителя семьи для эмигрантов из России. Калмыки, приехавшие из России в последнее десятилетие, как правило, не имеют близких родственников. Для многих из них референтной группой является калмыцкая община, поэтому так важно поддерживать приняты там правил и норм. Можно сказать, что почти каждый присоединившийся к общине нашёл если не родственника, то покровителя, который стал заменять новоприбывшему старшего родича. Так образуется система патрон — клиент со всеми типичными для клиентов обязательствами. Кроме упомянутой выше обязанности — визитов в календарные и семейные праздники, не менее важно посещать тот буддийский храм, прихожанином которого является патрон. Эти посещения, обязательные в дни религиозных торжеств и необходимые каждому буддисту по личным потребностям, подразумевают посильную материальную поддержку данного храма. Среди возведённых и функционирующих в общине буддийских хурулов один находится в Филадельфии, три остальных в Хауэлле, который считается своего рода калмыцкой столицей США, а в 1990 г. стал побратимом Элисты. Три хурула в Хауэлле ориентированы на традиционные идентичности прихожан: один обслуживает в основном калмыков донского происхождения, два других — дербетов и торгутов. Таким

образом, присущие эмигрантам последнего десятилетия традиционные идентичности определяют их место внутри диаспоры, персону патрона и храм, без посещения которого быть признанным калмыцкой общиной невозможно.

Санкт-петербургские исследователи используют термин «этническое кодирование», под которым понимают попытку создания коллективной идентичности.¹ Суть этнического кода калмыцкой общины была сформулирована старейшинами общины практически сразу после переезда в США следующим образом: «Успешно адаптироваться в американском обществе и не раствориться среди белого большинства». Как мы уже отметили, калмыкам было важно сохранить как этнической единице, по всей вероятности, потому, что американское общество сформировало тип самосознания людей, которое непосредственно связано с этническими корнями. Подобно многим американцам,² калмыки предпочитают жить так, чтобы их непосредственное окружение составляли люди своей национальности.

Удивительно проявляется структура идентичностей в калмыцкой диаспоре. На первый взгляд мигрантская группа самоструктурируется по образу материнского общества. Действительно, наиболее значимые внутригрупповые деления связаны с традиционной этно-территориальной конфигурацией калмыцкого общества. Более того, воспроизводится традиционная социальная организация калмыков. Можно сказать, что с 50-х гг. калмыки создали в США новые улусы с лидером во главе каждого. Как и положено такому нойону, он заботится о нуждах своих подопечных. К ним можно отнести культурные потребности калмыков США, для их удовлетворения лидеры калмыцких обществ приглашают артистов и художников из Калмыкии на гастроли в США; родственные связи поддерживаются организацией передачи денег в Россию, транспортные и ритуальные нужды удовлетворяются через финансирование хурулов и организацию праздников. Но в отличие от традиционной знати, эти лидеры не получают своих полномочий по наследству, они избираются собранием общества.

В калмыцкой общине США появилась своя элита, к которой теперь стали относиться не люди «белой кости» — знатного происхождения, а лиц, получивших высшее образование и высокооплачиваемую работу и соответственно более высокий статус в большом обществе. Успехи в доминирующем обществе становятся внешним критерием признания внутри общины. Вероятно, оказавшись за океаном, калмыки, не зная иного способа

¹ Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 21.

² См. Скворцов Н. Г. Указ. соч. С. 50.

¹ Rubel P. G. Op. cit. P. 250–251.

социальной организации, стали использовать ту форму, которая была известна и проверена опытом поколений, но уже в модифицированной форме.

Язык и идентичности. В многоязычной общине калмыков в США знание языков помогало выживать, находить работу, кормить семью; хорошее знание родного языка приветствовалось стариками, референтной группой в общине, говорило о сохранении основной идентичности. Практически все представители общины старшего и среднего возраста хорошо говорят на родном языке. Старикам сохранили русский язык, которому обучались в европейских странах, посещая русские гимназии по воле родителей, которые надеялись вернуться в Россию. Вдали от родины калмыки селились в Болгарии, Сербии, Франции, Бельгии, Чехословакии, где за двадцать лет усвоили местные языки. В Германии, где калмыки жили в лагерях для перемещенных лиц (ди-пи-лагерях) семь лет, многие освоили немецкий язык. Бегло говорившие по-немецки пользовались особым доверием у лагерного руководства. Таким лицам поручали такие важные вопросы, как распределение работ,¹ что повышало авторитет знающих язык среди своих земляков.

В США калмыкам пришлось научиться говорить и по-английски. Таким образом, члены общины старше пятидесяти лет говорят в среднем на 4–5 языках. Это позволило американским антропологам сделать вывод о традиционной способности калмыков к усвоению нескольких языков.² Вновь приведу цитату из автобиографии А. Иванчукова: «Я свободно говорю по-калмыцки, русски, болгарски, английский и легко общаюсь на японском, немецком, сербско-хорватском и халха-монгольском».³

Родным языком считают калмыцкий язык, часто это язык домашнего общения, но используют его преимущественно в устной форме. Русский язык используется как разговорный с гостями из России, с русскими эмигрантами; английский — рабочий язык. На нем общаются с молодежью (до 35 лет), это язык газет и ТВ. При основном уровне идентичности «калмыки-монголы», передать калмыцкий язык молодежи считалось важной задачей. Три попытки открыть калмыцкие классы не дали ожидаемых результатов. Как мне объясняли старики, вначале все селились вместе и тогда водить детей в калмыцкие классы было нетрудно. Но со временем люди переезжали туда, где была работа и хорошие школы, и водить детей оттуда в калмыцкую школу было далеко.

Выросшая в США молодежь во всех сферах жизни предпочитает английский. От многоязычия община переходит на английский язык, тем не менее группа не готова поменять этническую идентичность. Сохраняя ее

¹ *Adelman F. Op. cit. P. 124–130.*

² *Rubel P. G. Op. cit. P. 109.*

³ *Curticulum vitae A. Иванчукова.* Архив автора.

неизменной, калмыки меняли языки при постоянном родном языке внутригруппового и домашнего общения. Возможно, в данной общине язык не определяющий фактор самосознания, какими являются расовая и религиозная идентичности, играющие в доминирующем обществе этноопределяющую роль.

Все второе поколение эмигрантов первой волны прекрасно сохранило калмыцкий и русский языки. Приоритет калмыцкого языка был незыблем практически во всех семьях, выехавших из России. Важным, но вторым по значению считался русский язык, поэтому всех детей старались по возможности отправить в русскую школу. Представители первого поколения эмигрантов долго, до начала 50-х годов, не расставались с мыслью, что вернуться в Россию, и тогда русский язык будет нужен детям.

Мы в своей семье между собой и с детьми всегда говорили по-калмыцки. Чтобы не забыть русский язык, мы специально читали русскую литературу. Как-то я читал «Мертвые души» и смеялся, а дочка подошла и спрашивает: «Юнгад инэжээнэ?» (Над чем смеешься? — Э. Г.)¹

В употребляемой русской лексике много устарелого, например «уборная», «чарка». Часто грамматические формы одного языка переносятся на слова другого языка. Обычное дело, когда в одном предложении употребляются слова двух-трех, иногда и четырех языков. Самыми привычными выражениями считаются: «ди-пи-лагерь», «ди-пи-дом», от DP (*displaced persons*) — перемещенные лица, «цагана данс» (танцы по поводу Цаган-Сара), «драйвоватъ» (водить машину), «welcome моя фамилия» (добро пожаловать в мою семью).

Необходимо отметить, что калмыцкие мужчины в своих устных историях волей-неволей касались политических вопросов истории и современности, для них был важен идеологический дискурс. В отличие от них женщины старались избегать исторических оценок и упоминали те или иные события или исторические имена как фон их личной или семейной истории. Обращает на себя внимание, какие языки употребляются в разговорах на ту или иную тему. Все политические оценки, даваемые на русском или английском языке, представляют собой в действительности идеологические штампы, но, заговаривая о личном, высказывая свое мнение, человек переходит на важный для него подсознательно калмыцкий язык, с которым он себя идентифицирует.

Ярким показателем многокультурности калмыков диаспоры являются личные имена. Детская смертность была высокой, особенно в 20 — начале 50-х гг. Так, в семье Санджи и Сяхи Иванчуковых из 16 детей в живых осталось шестеро. Старшая сестра была восьмым по счету ребенком. Что-бы обмануть нечистую силу и уберечь ребенка от болезни, калмыцким детям старались давать имена по названиям животных, предметов или

¹ Полевой дневник, Хауэлл, 1998.

некалмыцкие имена. Часто калмыки с той же целью прибегали ко множественности имен. Так, одно имя ребенка записывали в метрике, другое давали в хуруле багши, а в семье употреблялось третье имя, детское. Позже появились американизованные варианты, например Алексей был наречен в хуруле Саин-ка (тиб.), называли его в детстве и до сих пор зовут Сандо (болг.), для американцев он Алекс. Галина была названа Гема (тиб.) в хуруле и по-болгарски Гинча в семье. Мария по документам, девочка была в хуруле наречена Булгн (калм.), домашние называли ее Портара, болгарские подруги Мара, а теперь она тетя Мери. Александр, большую часть жизни проживший в Париже, сообщил, что обычно все называют его Дуду; Бадму называют Баби, Галдана — Голди, Наран — Нани, Делгир — Делги, Булгун для многих Дуди. Есть случаи перевода «говорящих» личных имен с калмыцкого языка на английский: Алтан стал называть себя Голди. Важно отметить, что гораздо чаще в быту вместо личного имени употребляются термины родства — «нахца», «бергн», «баава», «джееждя» и др. Многие болгарские калмыки часто в обращении друг к другу употребляют болгарские термины родства: «бат», «батко» (старший брат), «кака» (старшая сестра), «неня» (сестра).

Младшие сестры называли меня джееджя, а я их — по именам. Маму мы назвали баава, а потом уже из-за соседей — мы жили в Белграде — стали называть по-сербски мама и папа.¹

Дети довоенной калмыцкой интеллигенции хорошо говорили по-русски, так как их родители общались с русской интеллигенцией, разумеется, по-русски.

Когда мы с мужем хотели что-либо скрыть от детей, мы переходили с калмыцкого на сербский язык, но они со временем стали его понимать. Тогда мы стали использовать в качестве секретного немецкий язык.²

Еще в 60-е годы первым языком для малышей оставался калмыцкий, на котором и говорили дома калмыки за океаном. По мере того как дети подрастали, их словарный запас обрстал английскими словами и выражениями и к школьному возрасту дети были двуязычны. Они общались по-калмыцки со своими родителями, а также с бабушками и дедушками, на двух языках со своими сестрами и братьями, и по-английски со сверстниками. Большинство родителей сознательно старались сохранить калмыцкий язык у детей и в 60-е годы. Детей, хорошо говоривших по-калмыцки, упоминали с особой гордостью.³

Но все самые, казалось бы, решительные меры по сохранению калмыцкого языка в семье мало помогли. Младшие дети даже у самых ярых ревни-

¹ Полевой дневник, Хауэлл, 1998.

² Полевой дневник, Филадельфия, 1998.

³ Rubel P. G. Op. cit. P. 103.

телей калмыцкого языка предпочитают говорить по-английски. Практически все поколение молодежи, чья социализация происходила в американском обществе, предпочитают английский язык и других практических не знают. Это влияние доминирующей культуры, конкурировать с ценностями которой небольшой общине стало невозможно. Теперь выросло поколение внуков, говорящее исключительно по-английски. «Чтобы их понимать, стараемся говорить лучше по-английски, а то они иногда не понимают нас, а мы их».

Где же родина? Родина в обыденном понимании означает место, где человек родился и где он чувствует себя среди своих. Так думают те, кто родину не покидал. Но у эмигрантов свои представления о родине, которые зависят от их персонального и группового опыта.

Калмыки первого исхода с их отношением к родине как единственной земле отличаются от позднейших эмигрантов. Для многих, кто родился в Европе, характерно множественное понимание родины. Приведу их высказывания. «Что такое родина? Сложный вопрос. У меня много родин. Сейчас основная — США. В детстве мы много слышали о России, но идеологическая окраска отдаляла чувство родины». «Я родилась во Франции, живу в США... — трудно сказать мне, где моя родина». Такое же множественное переосмысление мы встречаем у представителей так называемых классических диаспор: широко известно завещание Уильяма Сарояна, который пожелал, чтобы его прах был похоронен в трех странах — Западной Армении, США и Республике Армения.

В этом ряду Россия оказывается предписанной родиной, страна детства и юности — родиной личного опыта, а США — страной последней социализации и полноценного гражданства. «Почему-то нас тянет Россия как родина, потому что родители там родились и мы ходили в русскую гимназию. Наша вторая родина здесь». «Родители привили нам любовь к России, которую мы никогда не видели. И русская музыка, и литература нам по душе».

Калмыкам в США нужна родина и помимо Америки, потому что они проживают в стране эмигрантов, а наличие этнических корней в Европе вписывается в мейнстрим. При этом большая часть калмыцкой общины в США считают себя донскими калмыками. Когда-то их бабушки и дедушки проживали в калмыцких станицах Великого войска Донского, позже переименованных в Калмыцкий район Ростовской области. Эта территория, будучи исторической родиной, замещена символической родиной — Калмыкией.

Существование калмыцкой государственности со всеми ее атрибутами и компактно проживающим этническим массивом не просто поддерживает калмыков диаспоры эмоционально, а становится гарантом устойчивого развития калмыцкого народа. А это уменьшает личную ответственность эмигранта за его этническое поведение и существенно облегчает жизненные

стратегии людей. Так, после ликвидации Калмыцкой АССР калмыки зарубежья волей-неволей взяли на себя ответственность за сохранение калмыков как этнической единицы. В этот период калмыки женились только на калмычках (за крайне редким исключением) и «не было случая, чтобы в эмиграции девушка из калмыцкой семьи вышла бы замуж за некалмычка». О депортации калмыков в СССР доходили самые страшные сведения и в эмиграции вполне допускалось, что калмыков в СССР уже нет. После восстановления республики калмыки диаспоры стали свободнее в своем жизненном выборе.

Мы же за границей как капля в море, нас всегда мало. А тут (в Калмыкии. — Э. Г.) куда ни обернешься, везде калмыки. Мы хотели со всеми здороваться, а нам сказали, что мы не всех знаем, не надо со всеми здороваться».¹

Многие респонденты склонны считать помимо Калмыкии и США своей родиной Сербию или Германию — страны, где они родились, выросли и ходили в школу. Таким образом, страна социализации и становится для многих родиной. Как вспоминают калмыки-«немцы», «мы родились в Германии, там выросли, там у нас друзья, нам там все нравится, все знакомо, каждый год мы ездим туда в отпуск и принимаем гостей оттуда».

Для эмигрантов второго исхода вопрос о родине имеет, как правило, четкий, однозначный ответ — Россия или даже «Арсэ, Калмыцкая область».

Моя родина — Калмыкия, и останется навсегда: там было мое детство, мое становление как личности, и мои родные там живут. Юридически мы, конечно, американцы, а душа наша — там, хальмг һазрт.²

Покинув Калмыкию/Россию сознательно, калмыки второго исхода до сих пор объединяют себя с калмыками России местоимением «мы». Часть их так и не нашла достаточно мотивов, чтобы оформить американское гражданство, пока не появилась реальная возможность посетить СССР в 1990 г., что и подтолкнуло моих знакомых к получению паспорта американского гражданина.

Как и в любой диаспоре, у калмыков в США распространены пуризм. Калмыки Америки порой считают себя настоящими калмыками, а калмыков в России обруселыми. Часто люди, внуки которых не знают других языков кроме английского, упрекают российских калмыков в той же уступке языку большого общества. Пуристские соревнования негласно возникают среди четырех культурных обществ калмыцкой общины, каждое из которых претендует на право быть носителем калмыцких ценностей в наиболее чистом виде. Возможно, конкурентность, характерная для любой диаспоры, имеет этнозащитное предназначение.

¹ Полевой дневник, Филадельфия, 1998.

² Полевой дневник, Хауэлл, 1998.

Мифология — составная часть жизни всякой диаспоры. Коллективная память о пережитом страдании во время бегства из России типологически соотносится с мифом о Начале, и начало любой диаспоры, как правило, коренится в исторической трагедии.¹ Если миф о Начале свойствен попомкам первого исхода, то «миф о золотом веке» и его утраче встречается у представителей обоих исходов. Он повествует о том, как хорошо было калмыкам в России до Октябрьской революции и как плохо стало потом. У людей второго исхода он формулируется иначе: родину после нас испортили. Мы, когда там жили, старались-де ее защитить, но государственная машина была сильнее, а депортация подкосила народ навсегда.

Порой люди диаспоры верят довольно нелепым слухам про республику, особенно люди второго исхода, знающие, что от советской власти можно ожидать всего. Многие страхи такого рода связаны с ответственностью за благополучие родственников в Калмыкии, которые могут пострадать из-за своей родни за океаном. Эмигранты вполне допускают, что до сих пор прослушиваются домашние телефоны людей, имеющих родственников за рубежом.

Даже представители последней, экономической эмиграции, на мой взгляд, преувеличивают трудности, с которыми им пришлось столкнуться в СССР/России. Русский бытовой шовинизм, криминальная атмосфера в Москве, невозможность заниматься честным бизнесом в республике из-за политической атмосферы в РК, — обостренное восприятие этих проблем делает более оправданной для каждого эмигранта смену страны проживания не на время, а навсегда.

Калмыцкая диаспора началась с политической эмиграции. Идеологические разногласия долгие годы были непреодолимой пропастью, и родина была закрыта для калмыцкой эмиграции. В эпоху глобализации, особенно в постперестроечное время, когда свободное передвижение по миру стало возможным не только для калмыков США, но и для российских калмыков, а вместе с тем и перемена постоянного места жительства теми, кто этого действительно хотел, категория родины утратила традиционное значение, в которое входило все — это было географическое место внутри этнического ареала, где человек родился, где постоянно проживают его близкие родственники, куда он возвращается из всех поездок и где в идеале должен покоиться его прах. Динамичное время на рубеже веков развело разные значения родины: теперь можно говорить о родине исторической, символической, мифологической.

Историческая родина у многих осталась в Европе — Болгария, Югославия, Франция, Германия, в России. Родина символическая — там, где сохраняется единственное у калмыков государственное образование —

¹ Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 60.

Республика Калмыкия в составе Российской Федерации. Мифологическая — Джунгария, сейчас она лежит в границах Синьзянского автономного округа КНР. Часто она замещается еще более символической родиной — Монголией. «Моя родина — Монголия. Потому что это история, это корень.... Я в Элисту приехал в 1990, сыну невесту нашел и поехал в Семиречье посмотреть на исторические места». Родина привлекательнее, если она недостижима. «Я обязательно на следующий год поеду в Монголию, на нашу настоящую родину. Наша родина — там, а не Элиста. Элиста — это так».

В последнее время молодые калмыки обрели и новую родину, виртуальную — Интернет, веб-сайт «Калмык роуд», а дверь в нее — <http://www.egols.com/bmosch>. К сожалению, этот отличный сайт, созданный и поддерживаемый личными усилиями Бенни Мошкина, был закрыт и открылся сайт общества калмыков Америки. Теперь адрес сайта известен многим калмыкам всего мира: www.kalmykamericansociety.org. Характерная для эмиграции первой и второй волны ностальгия перестала быть фатальной. Открытость границ России дала возможность вернуться в Калмыкию или периодически посещать ее. Однако ощутить себя своим этнически стало возможно и в Интернете, это быстрый, экономичный способ общения, без обременительных обязательств, что делает посещение виртуальной родины привлекательнее и доступнее, нежели любой другой — исторической, символической или мифологической. Эта родина предпочитает английский язык.

На мой взгляд, определять мигрантскую группу калмыков в США как находящуюся в положении «между двух культур», предполагая, что группа культурно дрейфует от материнского общества к полному вхождению в доминирующее общество, неверно. Во всяком случае, этническая группа, представляющая собой этническое меньшинство и в государстве исхода, всегда несет в себе черты большого общества и использует этнозащитные механизмы, сохраняющие традиционные идентичности. Это тем более так, когда представители группы существенно отличаются от большинства по расовой характеристике.

Исследование калмыцкой общины в США показывает ее множественные ориентиры, прочные связи со значимыми в разные периоды культурурями и культурными системами. Опыт этнического выживания способствует сохранению идентичностей самого широкого диапазона, которые так или иначе помогли этнической группе сохранить идентичности и глубоких сообществах. Но несмотря на конкурирующие идентичности и глубокие различия, чувство принадлежности к одному народу среди калмыков преобладает и тем самым формирует диаспору как таковую. Видимо, родина — также изменчивая и ситуативная категория. У человека столько родин, сколько ему хочется.

Глава 4

Разный вкус калмыцкого чая: пицца калмыков России и США*

В современной этнологии утвердилось мнение, согласно которому наиболее устойчивая сторона традиционной культуры любого народа — модель питания.¹ Больше того, именно пища хорошо сохраняется в мигрантской группе, когда многие другие культурные черты уже редуцированы. Пища всегда считалась символом уходящей культуры. Особенно это характерно для мигрантских групп с нерасчлененным комплексом, для которых характерна слитность этнического и профессионального самосознания, например евреев в США² и выходцев из Индии в Великобританию.³ Насколько современная модель питания калмыков отличается от традиционной, что общего и различающегося в рационе питания калмыков в республике и в калмыцкой общине США, — этим вопросам посвящена данная глава. При ее написании были использованы полевые материалы, собранные с декабря 1997 по июль 1998 г. в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания и в Вашингтоне (округ Колумбия).

Современное общество все глубже принимает стандарты городской культуры индустриальной эпохи, различия между сельским и городским образом жизни все сильнее нивелируются. Советская эпоха, приучившая население к легкому чувству голода, наложила свою печать на систему

* Гучинова Э.-Б. Пицца калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. 2001. С. 231–249.

¹ В статье используется понятие «модель питания», как она предложена Н. Л. Жуконской в ее книге «Категории и символика традиционной культуры монголов». М., 1988. С. 71.

² Нитобург Э. Л. Евреи в Америке на исходе XX века. М., 1996. С. 81.

³ Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987. С. 121.

питания, на повседневное и праздничное меню. Эра глобализации и наступающая массовая индустрия западного питания все больше обезличивает пищевое разнообразие.

Современная структура питания калмыков в значительной степени отличается от традиционной. Переход на оседлый образ жизни, появление городов, а затем и депортация — все это в значительной степени изменило сам характер пищевого рациона. Если раньше он был основан на животноводческом хозяйстве и его продукции, то со временем жители республики перешли к распространённой в СССР системе питания, ориентированной не на личное хозяйство, а на ассортимент местного производства. Проживание рядом со славянским населением в республике, а затем в условиях выселения — с сибиряками или жителями Средней Азии в значительной степени разнообразило меню калмыцких семей. Так, в 70–80 гг. повседневное меню калмыцкой семьи включало в себя такие заимствованные блюда, как борщ, щи, каши, жаркое, плов. Этим блюдам калмыки научились в основном в годы депортации, именно тогда в рацион калмыков вошли картофель, грибы, соленья; многие степняки ввели в свой пищевой рацион рыбу.

Обычный темп жизни в республике предполагал трехразовое питание, включавшее в себя чаще всего чай с бутербродами по утрам до работы, полноценный обед из одного-двух блюд во время обеденного перерыва дома и ужин вечером. Только в последнее время в связи с развитием инфраструктуры общественного питания более обеспеченная часть городского населения обедает в кафе и ресторанах.

Дефицит продуктов в годы застоя, их дороговизна в постперестроечное время заставляли калмыцких женщин солить огурцы и капусту, мариновать помидоры, консервировать компоты и варить варенья. По количеству и разнообразию заготовленных на зиму консервов в те годы стали судить о хозяйственных качествах калмыцких женщин. Салаты, кондитерская выпечка, холодные закуски пришли в современное меню калмыцких хозяек из европейской кухни через российских посредников. Умение печь — тоже новое «хозяйственное достоинство» женщины, которое появилось тогда. Под этим умением — «она печет!» — подразумевались не традиционные навыки обращения с пресным или дрожжевым тестом, а домашняя выпечка тортов и пирожных европейского образца в 70-е гг.

В силу распространения советских стандартов питания многие семьи сервировали стол на советские праздники единообразно. Так, салат «оливье», селедка под шубой, торт наполеон, соленые огурцы и помидоры, домашний консервированный компот — неременная часть зимнего угощения того периода. Летом готовились летние салаты — помидоры с огурцами или капустный. В те же годы калмыки научились пить растворимый кофе. Какао и кисель до сих пор остались «детскими» напитками.

В советские время калмыки стали классифицировать еду по таким признакам, как «первое» (жидкое) и «второе» (густое) блюда. В традиционной системе питания подобного разделения не было, в повседневной практике люди обычно ели одно блюдо за один прием пищи.

Материалы полевых экспедиций 20-х гг. показывают, что пища калмыков была крайне однообразной и зависела в основном от локальной специализации: хозяйства, имеющие бахчи, потребляют за сезон большое количество арбузов, скотоводы — молока, рыболовы — рыбы.¹ Будем считать, что в эти годы традиционная модель питания еще сохранялась. Согласно данным экспедиций, в зависимости от доходов семьи различалась питательная ценность потребляемых продуктов: в зажиточной семье человек потреблял в сутки 134,9 г белков, 100,6 г жиров и 845,5 г углеводов; в бедных семьях суточное потребление члена семьи составило 45,8–48,2 г белков, 38,4–89,3 жиров, 331,0–424,7 углеводов; для средних семей — белков 118,7 г, жиров 122,9 г, углеводов 336,7 г. Таким образом, в зажиточной семье энергетический эквивалент усвояемой пищи был равен 4902 калориям на человека в сутки, в средних семьях 2949 калориям, в бедняцких 2729 и 1882.²

Под влиянием межэтнических контактов калмыцкая пища утратила традиционную пресность и стала гораздо более пряной. Если в традиционной модели питания мускатный орех, гвоздика и перец использовались в основном для ароматизации чая, то в 80-е годы более пряными стали мясные изделия, которые чаще всего теперь готовятся с небольшим количеством перца и чеснока.

Существенное значение в этнической кухне имеет технология приготовления еды, кулинарные навыки, а также исторически сложившиеся особенности композиции пищевых продуктов. Известно, что многое зависит от типа очага: русская печь, закавказский и среднеазиатский тандыр, молдавский гратар, азербайджанский мангал дают возможность получать из одних и тех же продуктов (скажем, мяса) разные по консистенции и вкусу блюда, поскольку создаваемые этими видами очагов различные температурные условия и давление вызывают далеко не одинаковые физические, химические и биохимические процессы в продуктах.³ Поэтому распространённые повсюду европейские печи, ставшие у калмыков основным приспособлением, меняют вкус блюда, а традиционный очаг кочевника и его мобильное жилище безвозвратно ушли из жизни калмыцкого общества. Вслед за очагом изменилась посуда: универсальному котлу пришли на смену разнообразные по форме и назначению предметы.

¹ Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил / Под ред. А. В. Молькова. М., 1928. С. 218.

² Там же. С. 220–221.

³ Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов. М., 1978. С. 5.

В конце 70-х гг. калмыки стали есть свеклу, баклажаны, кабачки, патиссоны, болгарский перец, зелень. Петрушка и укроп гораздо раньше вошли в употребление, нежели киндза и сельдерей. Кстати, киндза, базилик, орехи и овощи в больших количествах появились на рынках республики в начале 90-х, когда обострилась политическая и экономическая ситуация на Северном Кавказе и кавказские беженцы стали активнее осваивать соседние рынки, больше торговать в республике. Недаром буряты в шутку говорят о калмыках, что это монголы, ушедшие за яблоками.¹

В этой связи ироническая поговорка «калмык трава не ест», появившаяся у калмыков, видимо в 20-х гг., видоизменилась. Прежняя нарочито неграмотная форма должна была отразить недостаточное знание русского языка, неполное вхождение в русскую/европейскую культуру, защищающее восточную самость калмыка-мясоеда, который не желает поддаться скотине есть траву. Теперь это крылатое выражение стало формулироваться так: «калмык траву не сажает, но ашает» (тюркск. «ест»). Тем не менее вегетарианская пища не воспринимается обществом как полноценная. Считается, что женщины и дети еще могут ограничиться вегетарианским обедом, но мужчине нужно есть мясо каждый день.

90-е годы привнесли свое влияние в пищевую рацион калмыков: благодаря развитию коммерческих структур в республике появились ранее недоступные продукты. В первую очередь это замороженные и консервированные овощи, морепродукты, различные виды растительного масла, экзотические фрукты. Первое время люди удивлялись тому, что питьевая вода продается в магазине. Изменилось отношение к мороженому и фруктам как к детской еде, теперь они из детской еды стали полноценным десертом.

В значительной степени изменилось потребление алкогольных напитков. В традиционном меню водкой был молочный напиток 18 градусов, в советское время его сменила пшеничная и гораздо более крепкая. Перегнанная не из сакрального продукта — молока, а из злака, а все злаки считаются пищей черного цвета, водка из белого напитка стала классификационно черным напитком. Долгие годы водка была практически единственным спиртным у калмыков, шампанское и коньяк не могли конкурировать с нею по распространенности. Ее пили и мужчины и женщины. Кстати, в Калмыкии производили промышленным образом крепленое вино, но считалось, что оно — недостойный напиток, который пьют только зависимые от алкоголя люди. Только в последнее десятилетие рынок заполнился разными винами, которые нашли своих ценителей обоюдопола. Большинство женщин теперь предпочитают хорошее вино водке. Все же в народе замечено, что калмыки переносят водку лучше (дольше не пьянеют), чем вино.

¹ Рассказано Б. Дариевой в личной беседе. Берлин, 2002.

Калмыцкая традиционная модель питания не предполагала сладостей. Даже в конце 20-х гг. исследователи питания калмыков столкнулись с тем, что ни одна семья тогда сахара не потребляла.¹ Возможно, именно поэтому определение «сладкий» как синоним вкусного часто относится к таким блюдам, в которых сахар никогда не присутствовал, так что мясо или бульон могут быть охарактеризованы как «сладкие».

Известно, что во многих культурах сладости употребляются как средство, снимающее стресс. Эта особенность эксплуатируется, например, в рекламе шоколадных батончиков «Марс». В подобных ситуациях калмыки, очевидно, использовали алкоголь или чай.

Несмотря на интернационализацию питания, все ритуальные трапезы, будь они в городе или селе, на свадьбе или на похоронах, как правило, включают блюда народной кухни. Самое престижное блюдо — это дотур, представляющий собой вареные нашинкованные внутренности барана, и махан шельтэгэн (крупные отварные куски баранины с бульоном). На календарные праздники по традиции в каждом доме жарят борщики (мучные изделия), форма которых зависит от повода. Наиболее распространённое сегодня калмыцкое блюдо — берики, разновидность пельменей с фаршем из смеси говядины и свинины. Чтобы берики удались, они должны быть красиво вылепленными, из тонко раскатанного теста, сочными, цельными и загиб не должен быть сырым.

Мясо крупного и мелкого рогатого скота — гордость народа. Считается, что вкуснее его нет нигде, потому что наши степные травы особые. Многие подчеркивают, что не получают такого удовольствия от мясного бульона, если едят вне республики. «Мраморная» говядина, выращиваемая в Калмыкии, также является предметом гордости. Калмыки, оказавшись в Москве, порой придиричиво обходят несколько магазинов, пока не выберут нужное мясо.

Мясо сайтака в 80-е гг. продавали в больших количествах в магазинах, и эта дичь быстро полюбилась. В полугодные времена 70-х гг. в магазинах порой торговали даже верблюжьим мясом. А на рынках Элисты в любое время года можно купить конину.

Старые способы консервации мяса — вяление (борц махн), сушка — быстро уходят из практики. Экономические трудности последнего десятилетия привели к резкому сокращению поголовья скота в республике, как государственного, так и частного. Мясокомбинаты республики в 80-х гг. наладили производство консервированного тушеного мяса, которое пользовалось большим спросом. Ящик тушенки, мешок муки и мешок сахара, не считая домашних консервов, — вот примерный минимум запасов на зиму в застойные годы. Супы и жаркое на основе тушенки стали в республике распространённым блюдом. Даже президент РК Кирсан Илюмжинов на

¹ Калмыки... С. 220.

вопрос о любимом блюде отвечал: «вареники с картошкой и макароны с тушенкой».

Рыба была любимой едой в приморских и приволжских районах республики. Рыбная пища как внутриэтнический различительный признак служит калмыкам поводом для подшучивания друг над другом, потому что торгуды любят рыбу, а дербеты обычно ее не едят. В прежние годы, когда четверг и воскресенье были рыбными днями в предприятиях общепита, дербет мог сказать: «Торгуды, радуйтесь! Сегодня четверг». А с довоенной поры сохранился такой анекдот. Породнился дербет с торгудом. Тот решил к празднику порадовать нового родственника посылкой и отправил ему воблу и черную икру. Через некоторое время получает письмо: «Большое вам спасибо за посылку, но она так долго шла, что вся рыба высохла, а икра почернела». Кроме фольклорных свидетельств, известны бытовые истории. Так, мои соседи, молодые супруги, разошлись, и женщина с малышкой вернулась к своим родителям-дербетам; когда девочке было около года, она стала отказываться от всякой еды, что бы ей ни предлагали. Как-то бабушка с дедом пошли в гости в торгудскую семью и взяли малышку с собой. Хозяйка угощала отварной рыбой, и оказалось, что девочка, отец которой был торгудом, все время хотела рыбу, она съела несколько взрослых порций, на удивление родственников, которые, будучи дербетами, рыбу не ели.¹

Населенные пункты на Волге и Каспии до сих пор славятся промыслом рыбы осетровых пород и изготовлением икры. Несмотря на то что это занятие преследуется законом, местными жителями оно воспринимается как один из источников дохода, принадлежащий им по праву проживания. Бывало, что в годы застоя дефицитом в местных магазинах становилась соль, потому что ее закупали впрок для соления икры и рыбы. По тому, как солится икра, в республике определяют, где она была сделана: сероватого оттенка, зернистая — на Волге, черная, паясная — на Каспии.

Значительно изменился гостевой этикет. Можно сказать, что ритуализованные формы сохранились в основном в обрядах свадебного цикла. В остальных, менее торжественных случаях, общение упростилось и ограничивается, как правило, обычаем деежи — символическим жертвоприношением духам-покровителям и духам предков. Жертвенное подношение из чашки чая, рюмки водки, борщиков и конфет всегда ставят перед иконой на каждый праздник и перед портретом умершего во время похорон. Наиболее ярким приобретением застольного этикета стала манера чоканья, описанная в главе 1.

Структура питания, как известно, существенным образом влияет на здоровье человека. Гигиенисты питания республики пришли к выводу, что высокая заболеваемость раком пищевода, желудка и печени у калмыков напрямую связана с местной моделью питания. Так, частота рака пищевода

у калмыков в два раза выше, чем у русских жителей республики, как пещи среди мужчин в 3,3 раза чаще, среди женщин почти в два раза.¹ Врачи объясняют это потреблением алкоголя, жирной пищи, недостатком в рационе овощей и фруктов.² Как пишут республиканские онкологи, «существенное влияние на заболеваемость раком желудка оказывают национальные традиции питания и приготовления пищи, характер потребления специй и острых приправ и степень пищевой адаптации к ним».³

Используя пищевую классификацию, предложенную С. А. Арутюновым и Ю. И. Мкртумяном,⁴ можно сказать, что в современной системе питания калмыков в наибольшей степени выражены суперстратный пласт, состоящий из новаций и заимствований. Основной пласт, связанный с ведущим хозяйственно-культурным типом, сохранился в редуцированных формах и представлен в праздничном или ритуальном меню. Существование субстратного пласта, в котором прослеживались бы рудименты древнего хозяйственно-культурного типа, более раннего чем производящее хозяйство, в калмыцкой культуре неочевидно.

У калмыков диаспоры система питания более рациональна и более подвержена общим требованиям доминирующего общества. За полгода проживания в калмыцкой общине США я заметила этнические блюда только на больших праздниках, когда собралось большое количество людей, в клубах при хурулах. В будни калмыцкую кухню представлял калмыцкий чай, его варят не в каждой семье и не ежедневно. Ежедневное употребление калмыцкого чая, по моему наблюдению, чаще встречается среди семей эмигрантов второй волны.

История сохранения этнической культуры на том пути, который прошли эмигранты первой волны, покинув Россию в 1920 г., начинается с той же точки отсчета — с животноводческого хозяйства и системы питания, основанной на сочетании мясных и молочных продуктов. География странствий диаспоры и адаптации к местным условиям при выживании

¹ Нидюлин В. А., Райхман Я. Г., Алтухова Л. В., Теврюкова Н. С. Особенности заболеваемости злокачественными опухолями в Калмыкии // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 25-летию Калмыцкого республиканского онкологического диспансера (18–20 апреля 1996 г.). Элиста. 1996. С. 13.

² Нидюлин В. А., Райхман Я. Г., Алтухова Л. В., Теврюкова Н. С. Пути первичной профилактики рака в Калмыкии // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 25-летию Калмыцкого республиканского диспансера... С. 30.

³ Райхман Я. Г., Нидюлин В. А., Алтухова Л. В., Васильева Ю. Я., Теврюкова Н. С., Коджиева Н. З. Рак в Калмыкии (экологические и этнические аспекты заболеваемости и профилактики). Элиста, 1994. С. 99.

⁴ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография. 1981, № 4. С. 9.

¹ Полевые материалы автора. Элиста, запись от октября 1998.

наложила печать на рацион питания, и в современном меню калмыков США этот культурный опыт отражается.

Моя мама мне рассказывала, что англичане ели сырое мясо. В Константинополе, когда было очень тяжело и есть было совсем нечего, некоторые калмыцкие женщины подбирали недоенное англичанами сырое мясо, хорошо мыли и готовили из него еду. Я все удивлялась, как можно есть сырое мясо. А потом в США поняла. Здесь американцы тоже любят ростбиф с кровью, или чтобы бор махн (мякоть. — Э. Г.) было розовым. Тогда оно мягче. А мы (калмыки. — Э. Г.) любим хорошо проваренное или прожаренное мясо, но со временем стали перенимать такой метод приготовления.¹

Оказавшись в Турции, калмыки не задержались в этой стране и предпочли расселиться в славянских странах, где можно было рассчитывать на некоторую поддержку от симпатизирующего народа и правительств. Тяжелое положение беженцев, поиски работы, трудности первых лет чужды сводились для калмыцких женщин к вопросу: чем кормить семью.

В Болгарии мы жили трудно. По утрам пили калмыцкий чай с хлебом, часто — то же самое и в обед. По вечерам мама готовила суп. Мясо было дорогое, а овощи дешевые. Я просила маму готовить иногда мясные болгарские блюда, но она мне ответила, что такой возможности у нее нет. Работает только отец, ему нужна сытная еда, поэтому после работы должен быть для него приготовлен суп.²

Однако обживание новых мест, контакты с местным населением так или иначе привели к тому, что люди начинали готовить местные блюда вдобавок к основному традиционному меню. Эти балканские блюда до сих пор сохранились в современной кухне калмыков диаспоры.

Попробуй салат из болгарского перца. Ой, болгары так любят бурш (перец. — Э. Г.), едят его все время, каждый день. Наши старики шутили: перец — это болгарская баранина. А правда вкусно: поджаришь на огне, кожицу снимешь и можно есть. И хороший салат получается — с помидорами, огурцами, луком. Болгары капусту солили большими кусками, и перец маринованный закрывали каждый год. Наша мама капусту солила в бочке — мелко резала и добавляла специй, вкусно было.³

«В Болгарии мы в кондитерскую ходили редко, но иногда ели баклаву. Уже здесь, в США тетя Кишта научилась готовить баклаву у греков и час-то ее делала». Можно сказать, что это блюдо стало фирменным десертом тети Кишты, а когда она серьезно заболела, то выразила пожелание, чтобы на ее поминки была приготовлена и баклава.

Большая часть калмыков первого исхода поселилась в Югославии. Несмотря на то что по современным воспоминаниям сербы относились к

¹ Полевой дневник. Хауэлл, 1998.

² Там же.

³ Там же.

калмыкам очень хорошо, называли «братья-китайцы», жизнь вдали от родины налаживалась просто. Калмыки работали в Югославии на строительных работах и в швейных мастерских. Это был тяжелый физический труд. Заказы на пошив военного обмундирования на дому были настолько большими, что женщина не позволяла себе остановиться машину на время еды, и в это время вместо нее шил муж или дети. Невысокая зарплата обеспечивала минимум прожиточного уровня, потому и пища тогда была скромной. «В Сербии мама обычно варила будан (суп-пюре. — Э. Г.), иногда галушки. Утром и вечером — калмыцкий чай».

Потребность в привычной еде всегда сохранялась. Когда появлялась возможность приготовить родное блюдо, калмыки не упускали такого шанса. Интересно, что в Сербии действовал запрет на продажу и употребление в пищу конского мяса, а в Хорватии такого запрета не было. Поэтому мужчины, бывало, покупали лошадей, везли на границу с Хорватией, пересекали ее, чтобы там освежаться, и возвращались в Белград.

В годы Второй мировой войны калмыки, убегая от наступающей Красной Армии, стягивались из разных стран в Германию. Калмыцкий комитет призывал всех собираться в американской оккупационной зоне. Те, кого не выдали советским властям, были поселены со статусом перемещенных лиц в нескольких лагерях, которые так и назывались ди-пи-лагеря. Почти семь лет калмыки прожили с таким статусом, пока не решился вопрос, какая страна примет эту группу. При нелегкой лагерной жизни поесть калмыцкой еды — это было событие, праздник.

В немецких лагерях были кухни — нам что давали, то мы и ели. Но иногда мы покупали конину или говядину, внутренний жир — семжин, находили муку. Делали берики, мы называли их вареники. Как дадут чай, варили ча. А то варили чай из кофе с молоком и с солью — так мои родители делали.¹

В США калмыкам пришлось учиться жить по принятым в этой стране стандартам. Без знания языка, в непривычных условиях, занятым весь день физическим трудом эмигрантам было трудно осваиваться. Вначале калмыкам было непривычно непрожаренное мясо. Так, до сих пор помнится моим знакомым один такой случай: как-то по приезде в США два калмыка зашли в гости к коллеге одного из них, и радушная хозяйка поинтересовалась, как им приготовить мясо: *gate, medup* или *well done* (с кровью, средней прожарки или хорошо прожаренное). Гости выбрали первое, и с большим трудом им пришлось пережевывать полусырое мясо, но отказаться было нельзя: сами выбрали.

Встретилась с подобной проблемой, но иначе, и я сама. Решила за океаном побаловать сына чем-то родным — приготовить барани отбивные. Что-то они плохо прожаривались, не как в Элисте. Я говорю: «Да что это

¹ Полевой дневник. Хауэлл, 1998.

за мясо, сколько ни жарь — все кровь». А мой сын-подросток неожиданно увидел причину в способе забоя овцы: «Наверно, американцы баранов электричеством убивают (а не перерезают горло или не останавливают сердце рукой, как это было принято у калмыков), а кровь не спускают (калмыки всегда собирают свежую кровь и готовят из нее кровяную колбасу, которая считается деликатесом), вот кровь и сочится».

Эмигранты второго исхода были большими приверженцами традиционной калмыцкой кухни, чем выросшие в европейских странах дети эмигрантов первой волны: детские вкусовые пристрастия давали о себе знать и далеко от родной земли.

Мой муж любил есть гузан (желудок овцы. — Э. Г.), всегда его покупал. А черные тоже его любят! И дотур (бараны внутренности. — Э. Г.) мы когда-то любили, когда было мало продуктов, а потом отвыкли. Сейчас не можем есть. В России (Калмыкии. — Э. Г.) в гостях мы ели, но потом все страдали желудком, а туалет на всех один. А как не есть? Это же почетная еда, специально для нас подготовленная!

Один из моих лучших собеседников, знаток калмыцкой культуры, в Филадельфии угощал меня отварным говяжьим языком. Сперва осторожно заинтересовался, как я отношусь к такому блюду. Я радостно подтвердила, что в России это считается деликатесом. «Я сам люблю угощать моих гостей из Калмыкии, но мои дети, кроме младшего сына, отказываются кушать и даже убегают из дома, зажав нос, так им не нравится запах».

Да, рожденные в США калмыцкие дети не привыкли к естественным запахам традиционной калмыцкой кухни. Запахи, которые у калмыцких детей республики ассоциируются с праздником, их ровесникам в Америке кажутся переносимыми. Вот одно из воспоминаний тети Мери: «Когда я баранину запекала, всегда натирала лимоном, а то детям не нравился запах баранины». Ее ровесницам в Элисте и тем более в районах республики такое сочетание — баранина и лимон — покажется не только неприятным, но и совершенно бессмысленным. Удивились бы они и шулюну, самому распространенному и тоже обязательному блюду калмыцкой кухни, который в Калмыкии представляет собой крупно нарезанные куски баранины с отваренным в том же бульоне картофелем. В США принято варить мясо только с луком, без картошки, и подавать бульон с предварительно отделенным от костей мелко нарезанным мясом. Видимо, так стали крошить мясо для родителей, которые оказались за океаном в почтенном возрасте, а потом это стало нормой. Возможно, что и картофель в шулюн калмыки стали добавлять в годы депортации, когда он стал одним из основных продуктов.

Кроме меню имеет значение диета. Боязнь холестерина и страх перед лишними калориями, распространенные в американском обществе, име-

¹ Полевой дневник. Хауэлл. 1998.

ли следствием отказ большинства калмыков от более или менее жирной пищи.

Когда мы сюда приехали, мы удивлялись, какие дураки эти американцы: хорошее мясо не покупают — кости с мясом и жиром. А теперь и мы их не покупаем тоже, понимаем, что вредно для здоровья.¹

Но несмотря на стремление следить за своим здоровьем и таким образом следовать нормам большого общества, для калмыцкой еды предостаточно диаспоры делают исключение. Как-то в Джексоне, Нью-Джерси, мы крошили отварное мясо для бульона, и кто-то спросил у Долмы: «А жир тоже резать?» (вредно! — Э. Г.) — «Да, иначе будет сухое мясо. Немного жира делает мясо вкуснее, слаще. Это правда, в детстве мы старались жир не есть, а теперь с возрастом любим».

По-другому в калмыцкой диаспоре США готовят и берики. Особенно любимое в республике, это блюдо за океаном получило другое название: их называют или по-русски «вареники», или по-монгольски «бузики». Это кушанье в республике всегда готовят женщины, как и все блюда, включающие тесто. В некоторых семьях калмыков диаспоры это распределение ролей было изменено. «В семье мужа тесто для боригов всегда делают мужчины, варят их на пару, а называют бузики или вареники...»

Бузики или берики — одно из любимых блюд буддийского монашества. На большие праздники хувараки сами готовят берики и угощают прихожан. Они не пользуются фаршем, а готовят так, как принято в монастырях издавна.

Когда мой отец учился в Бурят-Монголии в монастыре,² он научился там варить берики. Он мясо резал ножом, а не пропускал через мясорубку, тогда весь сок остается.

Когда приглашают монахов домой для совершения обряда, калмыки стараются накормить их бериками, причем часто покупают готовые, которые продаются в китайских магазинах, нередко с мясом птицы. Калмыки республики обычно подают берики со сливочным маслом, изредка с уксусом, в США чаще всего с соевым соусом.

Нельзя обойти молчанием и основной напиток калмыков — калмыцкий чай, который правильнее назвать жидким блюдом. В Калмыкии его варят обычно из плиточного чая, но встречаются любители калмыцкого чая, сваренного из индийского чая. Все калмыки, проживающие вне пределов республики, обычно просят привезти плитку прессованного грузинского чая, чтобы варить дома настоящий калмыцкий чай — джомбу.

В тяжелые годы, случалось, не бывало чая, тогда он становился особой ценностью и его продавали частями, вплоть до осмышки или даже

¹ Полевой дневник. Хауэлл. 1998.

² Речь идет о человеке, который в молодости прошел курс религиозного обучения, но со временем сложил с себя сан и женился.

одной шестнадцатой. Тогда калмыки начинали искать заменители чая; шла в ход поджаренная до коричневого цвета мука, фруктовый чай в брикетах, а те, у кого чай все же был, использовали заварку повторно.¹ Во время войны и в годы депортации калмыки использовали вместо чая траву, которую называют «аган гуй» или «бужин авга». За этой травой собирались в низину жители всех окрестностей, собирали ее мешками, потом мелко рубили и закладывали в кадки под гнет, отчего трава приобретала коричневый цвет, напоминала настоящий чай.² Таким образом, если использовать термин «кризисная пища»,³ то для калмыков это чай, состав которого меняется в зависимости от экономических возможностей, но само блюдо в рационе остается.

Кстати, когда слово «калмык» было запретным в СССР, оно сохранялось в названии чая. Так, в 1948 г., У. А. Алексеев спросил в московском чайном магазине, нет ли «кирпичного чая». В ответ продащица на весь магазин крикнула в другой отдел: «У тебя есть калмыцкий чай?» Так что народ официально был в забвении, а калмыцкий чай производился и продавался, и в 50-е гг. потребкооперация нашла калмыцкому чаю дорогу в Сибирь, в места поселений калмыков — к основным потребителям кирпичного чая.⁴

В Америке такого чая нет.

Иногда нам в подарок присылают плиточный чай из России. Мы уже отвыкли от того чая, у него вкус другой. От меня наши прячут российский чай, потому что я время от времени когда варю чай, его немного брошу, так наши тогда совсем его пить не могут.⁵

Калмыки диаспоры, как правило, варят свой чай из расфасованного в пакетах черного чая, без всяких ароматических добавок, обычно фирмы «Липтон». Жительница Филладельфии Пурма Мушаева показала мне, как она варит «дервюд ця» (чай, принятый у дербегов). Она вскипятила в литровой кастрюле три пакетика «Липтона», которые предварительно были связаны друг с другом, чтобы их долго не вылавливать, а выгашить одним движением половника. После этого молодая женщина раз сто черпала чай половником и выливала его обратно в кастрюлю (это движение называется «самрх») и, продолжая делать это, добавляла последовательно молоко, масло, соль и мускатный орех. Чай с молоком она не кипятила.

¹ Алексеева П. Э. Рассказы о калмыцком чае // Теетин герл. 1999, № 1 (в печати).

² Там же.

³ Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / Ed. by A. Barnard and J. Spencer. London & New York. 1996. P. 238–241; Companion Encyclopedia of Anthropology. Ed. by T. Ingold. London & New York. 1998. P. 226–264.

⁴ Алексеева П. Э. Указ. соч.

⁵ Полевой дневник. Хауэлл, 1997.

Первое, что было сделано, когда чай был готов, несмотря на вечернее время, — налитое деежи, предназначенная духам первая порция чая в специальной серебряной посуде — деежин цогц. Другая женщина из диаспоры мне рассказывала, что ей совсем не нравится калмыцкий чай, приготовленный в республике, у кого бы она его ни пила: «Слишком много молока». Я спросила ее, как варит она. «Бросаю заварку (пакеты «Липтона» — Э. Г.), но не вашу (плиточный грузинский чай 2 сорта. — Э. Г.), она неочищенная, какие-то палки. Потом бросаю лавровый лист, немного зят (мускатный орех. — Э. Г.), соль иправляю сливками».

Чай общепринятого вида у калмыков называется «черный», «сладкий» или «русский чай».

Традиционная калмыцкая модель питания в значительной степени состояла из молочных продуктов. Доля молочных продуктов существенно сократилась среди калмыков метрополии и особенно в диаспоре. Разнообразие кисломолочных продуктов (кумыс, айран, чигян) свелось к чигяну, о котором еще помнят калмыки диаспоры. Представители второго исхода умели готовить чигян из коровьего молока, многие взрослые калмыки вспоминают сегодня, как в детстве пили чигян в хуруле: «Шар эмчи мне всегда давал пить чигян». Возможно, сохранение этого напитка связано и с его цветом, поскольку всякая белая, молочная пища считалась священной. Видимо, поэтому хурул был тем местом, где чигян готовили дольше всего.

Важное место в структуре питания занимает алкоголь. Современные калмыки, где бы они ни жили, усвоили отношение к алкогольным напиткам своих предков как священному продукту, которым вызывалось уважение. Как вспоминает одна из старейших женщин калмыцкой общины, «мой муж любил поговорку: водку поставишь — гостем будешь». В отличие от белых американцев, которые частенько считают, что хорошо погуляли, если за ночь выпили пять-шесть банок легкого пива, калмыки Америки, как и их российские собратья, не прочь крепко выпить, предпочитая всем напиткам водку, и как следует при этом закукусить. Они так же хорошо «держат» водку, то есть пьянеют только от больших доз. Один из моих друзей, выросший в Элисте, но уже несколько лет живущий в Америке, рассказывал мне, что когда он ждет гостей, то алкоголь покупает из расчета бутылка водки на каждого приглашенного мужчину и бутылка вина на каждую приглашенную женщину, и немного сверх этого.

У калмыков диаспоры к алкоголю все же более спокойное отношение, чем у калмыков в республике. Так, в 1997 г. Зул и Рождество следовали один за другим, и в доме друзей готовились к двойному празднику. На открытой террасе дома, практически на улице, были выставлены несколько ящиков пива, чтобы не занимать место в доме. Представить открыто стоящее пиво в республике было невозможно, оно сразу же было бы выпито.

Девушки, вышедшие замуж за калмыков в США, готовятся к приему гостей по усвоенной в родительском доме модели: чтобы еды было много,

а то вдруг на всех гостей не хватит; это проявление пищевой тревоги,¹ свойственной всему человечеству, а также оголосок щедрых угощений, близких к погладу. После таких вечеринки еда все же остается, поэтому стал возможен такой монолог: «Что-то на нашем парти мало было выпито — целый ящик вина остался нетронутым. А после нашей свадьбы водку мы допивали четыре года, а ящик пива простоял полтора года в подвале, пока мы его не выбросили». Практически исключено подобное в Калмыкии, где свадьба продолжается — не ритуально, но реально: гости будут вновь и вновь возвращаться в дом, где была свадьба, пока не кончится водка, только в этом видится логический конец важного в общественной жизни события.

Также как и среди калмыков метрополии карта вин у калмыков США стала богаче, нередко женщины предпочитают пить вино. Все же по традиции водка остается наиболее почетным напитком. «Чем вас угощали?» — спросили меня. — «Скотчем». — «Как? У же все мы перестали пить скотч, перешли на водку, а хозяин все еще пьет виски?» — удивились мои хозяева. Сравнивая опыт одного и того же поколения здесь и там, нетрудно понять, что российские калмыки еще не распробовали вкус виски, а калмыки США уже в нем разочаровались.

Вспоминая о своей свадьбе, Сари рассказывал, что за невесту, кроме прочего, отвезли «ящик черной и ящик белой водки». Было удивительно, что в США оказалась белая водка, потому что согласно традиционной цветовой символике пищи белая водка та, которая перегнана из молока, а водка немолочного происхождения всегда черная. Оказалось, что в этом случае белая водка — все же пшеничная, а виски цвета солода воспринимаются как «черная водка»; символические обозначения были заменены прямыми.

Хлеб и мучное калмыки США стараются употреблять меньше, эта компонента рациона воспринимается как дополнительное, а не самостоятельное блюдо. Борцки пекут в основном на календарные праздники, на Зул и Цаган Сар, чтобы отнести в хурул и для деежи, символического подношения продуктами, и по особым случаям — на свадьбу, похороны, когда требуются более ритуализованные формы поведения. И к праздничному столу и к обычному калмыцкие женщины чаще пекут песочные пироги с вишней, яблоками, черникой. Как-то мы лепили борцки в доме Джамбиновых. Тетя Мери вспоминала, что «бава (мама. — Э. Г.) делала борцки лучше и много, сразу из 10 фунтов муки, и разнообразие: цец борцг, мошкрму борцг, хорха, төргр, хуц».

«Давай я приготовлю плов» — предложила я хозяйке дома в Хауэлле. «А что это?» — спросила она. Плов, освоенный в годы выселения калмыками, которые оказались в Средней Азии и Казахстане, быстро пришелся

по вкусу и всем остальным. В отличие от других блюд, перешагнувших за рамки своих этнических культур, — шашлыка или борща, — он остался неосвоенным для калмыков-эмигрантов, чей опыт изгнания имел другую географию.

Разумеется, в системе питания калмыков США налицо сильное американское влияние. Так, летом принято пить холодный чай, в больших количествах употребляется лед. Если же в Элисте попросить чай со льдом, в лучшем случае к этой просьбе отнесутся как к шутке. По рассказам одной из респонденток, она просила в Элисте у родственников холодного питья и никак не могла получить его, потому что ее обергали от ангины. При этом женщина пыталась охладить напиток в холодильнике, но его заболито вынимали. Мороженое в республике едят в основном дети и иногда женщины, в США оно употребляется без половозрастных различий, считается полноценным десертом, покупается впрок и хранится практически в каждом холодильнике в любое время года.

В США давно принято использовать только очищенную воду, многие покупают воду канистрами, пользуются фильтрами для воды. В республике же еще осталось отношение к воде как «черной пище», ее так и называют «хар усн». Несмотря на то что вода в Калмыкии значительно хуже качеством, и это национальная проблема, покупать питьевую воду еще не стало нормой питания, пока это привилегия только обеспеченных людей.

Как и большинство американцев, представители калмыцкой общины стараются не употреблять в пищу много жиров, предпочитают обезжиренные продукты. У нас все еще многие с удовольствием едят сало, сами его солят, полагая, что раз вкусно, значит и здорово.

Молодое поколение калмыцкой общины любит и американскую еду из «Макдоналдса», кока-колу, пиццу и пр., в результате — высокий процент заболеваемости сахарным диабетом. Из всех разновидностей сахарного диабета особенно распространены у калмыков тип «Ямайка». Исследователи заметили, что носители этого заболевания, как правило, принадлежат к монголоидному расовому типу, это индейцы Северной Америки, японцы. Вероятно, в традиционной структуре питания этих народов, как и калмыков, сахар практически отсутствовал. В современном же американском обществе потребление сахара велико, особенно распространены сладкие безалкогольные напитки.

В Филадельфии работает «калмыцкий бар», владелец которого калмык. Конечно, в это симпатичное небольшое Sassafras Cafe в богемном районе города местные калмыки водят всех гостей. В подтверждение того, что это заведение принадлежит калмыку, было показано меню. Там было написано «вареники — русское / монгольское блюдо, начиненное рубленым филе». Русские по происхождению блюда среди детей эмигрантов, особенно тех, кто родился в США, нередко воспринимаются как чисто калмыцкие. На мой вопрос, какие именно калмыцкие блюда готовятся в семье Бадушевых, мне серьезно отвечали: калмыцкий чай, блинчики, пирожки, борцки, борщ.

¹ Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С. 182.

Гостевой этикет в калмыцкой общине США также значительно отличается от принятого в Калмыкии. Как только в доме появляется гость, ему сразу же предлагают выпить что-нибудь прохладительное: сок или соду. Содой называют все безалкогольные напитки, от лимонада до тоника. Наиболее распространены горячие напитки — кофе и чай. Кофе чаще варят в кофеварке-эспрессо, чай обычно заваривают в пакетиках. В семьях эмигрантов второго исхода калмыцкий чай пьют все же чаще. В одном из таких гостеприимных домов чай мне наливали со словами: «все же с гостями начнем, гости в доме старшинство». Чай надо пить по три чашки».

Когда зовут много гостей, устраивается шведский стол, это гораздо удобнее традиционного, предполагающего смену блюд и очередность гостей. Обязанности «тамады» (этот распространённый в России термин в калмыцкой общине не употребляется) сводятся к приветствию в самом начале пиршества, после чего тосты говорят только желающие. На такие большие приемы специально покупается одноразовая посуда: стаканы, тарелки, вилки, ложки и ножи. Эта «разовость» противоречит идее престижности, в соответствии с которой посуда в доме должна быть по возможности лучшего качества. Фарфоровые пиалы, столь ломкие при первом образе жизни, особенно ценились в старину. «Разовость» не согласуется и с универсальностью традиционной посуды, когда можно было пить и есть из одной и той же чашки, которую путник брал в дорогу; его личная посуда всегда была при нем.

Представление о родине для многих детей эмигрантов первой волны было связано со вкусовыми воспоминаниями их родителей, для которых даже самые вкусные арбузы были на родине. Калмыки в США, параллельно калмыкам в России, прошли путь от традиционной модели питания через отказ от традиционной модели питания к современному сбалансированному пищевому рациону,¹ правда, первые — с некоторым опережением. В семьях эмигрантов первого исхода блюда традиционной кухни встречаются чаще. Калмыцкие блюда в эмиграции нашли свою нишу в праздничном меню, приуроченном к традиционным праздникам, как это предписано автостереотипами родителей.

Изменение пищевых навыков стало возможным благодаря высокой способности к адаптации, исторически выработанной у калмыков. Возможно, кочевая мобильность и культурная открытость способствовали закреплению наиболее гибкого отношения к традиционным ценностям, которое позволяло сохранять самое важное — народ (или группу народа) как таковой и его максимально комфортное самоощущение, по сравнению с которыми традиции предков перестали быть непреложной нормой.

¹ Этот термин употребляется в значении, принятом в: Григулевич Н. И. Этническая экология питания: Традиционная пища русских старожилов и народов Закавказья. М., 1996. С. 6.

Глава 5 Японки Европы или французженки Азии: между стереотипами красоты*

Цель этой главы — проследить, как и почему меняются представления о женской красоте в калмыцком обществе, в какой степени они этнически специфичны, а в какой они универсальны.

Современное калмыцкое общество отличается от традиционного помимо прочего и положением женщины. Она давно перестала быть такой бесправной, как описано в рассказах Баатра Басангова. Депортационный опыт — а выселяли женщин, стариков и детей, так как мужчин с фронта отзывали в особый лагерь, — заставил женщину мобилизовать свои умения, навыки, многому научиться и стать лидером в семье. Основной респект выживания народа, на мой взгляд, был в изменении генерального гендерного контракта, в повышении семейного статуса женщины, которая заменила отсутствовавшего мужа. Привыкнув сама принимать решения, сама кормить семью и думать о ее будущем, женщина уже не могла вернуться на прежние патриархальные позиции, когда кризисная ситуация миновала.

Моя современница сегодня энергичная, решительная, самостоятельная, образованная. Калмыцкая половица «хоть и никчемный мужик, но свой» перестала действовать на практике, потому что современные калмычки все чаще предпочитают одиночество, чем брак с мужчиной, не отвечающим ее интеллектуальным и материальным притязаниям. В республике распространеным явлением стали разводы по инициативе женщин.

Незамужние женщины обычно считают возможным завести внебрачного ребенка, чтобы испытать радости материнства, чтобы найти новую мотивацию в жизни, не откладывая надолго, примерно к тридцати годам.

* В основе этой главы лежит статья «Японки Европы или французженки Азии: изменения представления о красоте калмыцкой женщины» // Гендер. Культура. Общество. Рига, 2002. С. 5–25.

Общество морально поддерживает таких женщин и скорее осудит тех незамужних, кто все-таки не решился завести ребенка без мужа. Девушки и молодые женщины стремятся получить образование и сделать карьеру, брак не является первоочередной задачей для молодых.

Смена «восточных» взглядов «западными» хорошо заметна в динамике представлений о красоте человека и в первую очередь — о женской красоте. Разумеется, требования к красоте имели гендерные различия: в патриархальном калмыцком обществе они были минимальны относительно мужчин и гораздо более высоки относительно женщин. Различия отражали неравенство возможностей, причем асимметрия отношений обособывала дискриминацию различием. Тем не менее Александр Дюма, оказавшись в гостях у князя Тюменя, все же обратил внимание на «очаровательную восемнадцатилетнюю жену князя с раскосыми глазами и жемчужными зубами», заметив про мужчин — участников скачек на верблюдах: «один безобразнее другого. Если бы приз присуждался не за скачки, а за уродство, князю пришлось бы наградить их всех».¹

В зависимости от социально-экономических факторов запросы к внешности человека менялись. К представителям знати и зажиточным людем общественное мнение было более снисходительным. Но и красота аристократки была необыкновенной. Это хорошо видно в эпическом изложении, где этическое и эстетическое тесно переплетаются; вот как описана красота ханши Ага-Шавдал в калмыцком эпосе «Джангар»:

Посмотрит туда, в сиянии ее красоты

Пескарей океана той стороны можно сосчитать,

Посмотрит сюда, в сиянии ее красоты

Пескарей океана этой стороны можно сосчитать.

Щеки крови краснее,

Лицо снега белее.²

Для чего важно быть красивой или слыть таковой? Разумеется, красота — это ресурс, который позволял женщине успешнее использовать все свои немногочисленные в патриархальных условиях возможности для успешной жизненной стратегии. Тем более что мужчины в самых разных культурах оценивают красоту как самое важное в длинном списке женских качеств, в то время как женщины считают наиболее важным свойством потенциального супруга его ресурсы.³ Поэтому красивая девушка имела возможность выйти замуж за человека из более обеспеченной семьи, а если повезет, то и за человека «белой кости», что позволяло существовать и улучшить условия жизни. Красивая аристократка тоже могла поднять

¹ *Морюа А.* Три Дюма. М., 1962. С. 344.

² История калмыцкой литературы. Т. I. Элиста, 1981. С. 186.

³ *Buss D. M.* *Sexual Selection.* Princeton, 1994.

ся по социальной лестнице: дочь зайсанга — стать женой нойона, дочь нойона — ханшей. Привлекательность аристократки не была важна для нее в той же степени, как для простолюдинки, но была преимуществом, дополняющим ее принадлежность тому или иному влиятельному роду.

Представления о женской красоте у калмыков в прошлом выражались не столько конкретными чертами физического облика, сколько в философско-психологических терминах. Так, считается, что в традиционном калмыцком обществе были распространены четыре типа женской красоты: 1) Высокообразованная женщина с сильным биоэнергетическим полем, обладающая даром исцеления, рядом с которой спокойно и уютно. Здесь подразумеваются женщины, использовавшие практики, основанные на интуитивном знании; в других культурах подобных женщин считают шаманками. 2) Обаятельная женщина с огоньком в глазах и сиянием на лице, которая пройдет мимо и никого не оставит равнодушным, все на нее оглядываются и не маленькая, не толстая и не худая — такая, на которую посмотрит и засмотрится. 3) Женщина с ладной, гармоничной фигурой и пластикой: не большая и не маленькая, не толстая и не худая — такая, на которую посмотрит и засмотрится. 4) Женственная женщина, которая знает, как себя вести во всех ситуациях, умеет красиво одеваться, общение с которой очень приятно. В отличие от предыдущих это приобретенная воспитанием красота.¹

Несомненно, что физическая привлекательность имела значение для женщин и для мужчин. Представители большой монголоидной расы, калмыки имплицитно воспринимали как признаки физической красоты черты, нехарактерные для своего расового типа: открытые глаза, светлый тон кожи, выступающий нос. Трудно сказать, появились ли эти представления после прикочевки в Россию или они сложились еще в Центральной Азии и являются универсальными для многих культур.

По данным этологов и специалистов по эстетической антропологии для всех человеческих культур действительно существуют единые стандарты в оценке красоты: это симметрия лица и фигуры, маленький подбородок, большие глаза (относительно большие), небольшой нос, особое соотношение объема талии и бедер (waist-hip-ratio, WHR 0,7).² Светлый тон кожи также ценится у всех восточных народов, что, видимо, имеет и социальные коннотации. Ван ден Берге и Фрост выявили, что даже в некоторых африканских культурах, в которых не преобладало белое население, предпочиталась более светлая кожа лица у женщин.³ Исследование Гуннингема,

¹ Из доклада О. Д. Эрдиновой со ссылкой на материалы Санала Минаева.

² Из лекции, прочитанной К. Граммером на Международной этологической школе в Звенигороде, июнь 2001.

³ *Hendricks Ch., Olson D., Seth H. & Butt J.* *Cultural Aspects of Physical Attraction // Living in a Social World (Psy 324: Advanced Social Psychology).* Spring, 1998.

Робертс, Барби, Друэна и Ву показало, что американцы азиатского, латиноамериканского и англосаксонского происхождения высказывают вполне определенные и схожие суждения о женской привлекательности. Они предпочитают лица с большими как у младенца глазами, большее расстояние между глазами и маленький нос, более узкие женские лица с небольшим подбородком, высокие выразительные брови, расширенные зрачки, большую нижнюю губу, женщин улыбающихся и ухоженных, с густыми волосами, ценят сексуальную зрелость.¹ Именно из-за некоторой европеоидности облика самыми красивыми женщинами калмыки считали терских калмычек, представительниц небольшой этнотерриториальной группы калмыков, которая в XVII — начале XX в. проживала в междуречье Терек и Кумы. Во внешности представителей этой группы видны следы метисации с соседними кавказскими народами.

В настоящее время требования к красоте калмычки стали более европейскими — они выражаются исключительно физиологически и даже могут быть представлены в измеряемых единицах. Сегодня красивая девушка должна отвечать многим требованиям. У нее должны быть прямые длинные ноги, узкая талия, рост выше среднего, развитая грудь, не слишком плоский зад. Лицо должно быть не очень смуглым, не слишком скуластым, иметь слегка вытянутый овал.

Эти очевидные сегодня критерии привлекательности были для наших бабушек во многом проявлением анти-образа. В годы их молодости развитая грудь (скажем, более второго номера бюстгальтера) считалась признаком некоей скороспелости, сверхразвитой чувственности и даже симптомом распутства. Поэтому все девочки без исключения с малолетства носили в качестве нижней одежды тугой лиф (камзал, джилитиг, котермджи), перетягивавший грудь и мешавший свободно развиваться грудным железам;² он способствовал развитию легочных заболеваний.³ Этот обычный ношения «корсета» характерен для многих народов Центральной Азии и Кавказа и объясняется, по мнению Я. Чеснова тем, что «девичье тело ритуально незрело и лишь замужней женщине можно получить необходимую соматическую полноту — развитую грудь».⁴ Надо сказать, что плоская грудь была гораздо удобнее при верховой езде, основном способе передвижения в прошлом, но есть также версия, что этот лиф как раз был предназначен выполнять функции бюстгальтера.

¹ *Hendricks Ch., Olson D., Seth H. & Butt J. Cultural Aspects of Physical Attraction // Living in a Social World (Psy 324: Advanced Social Psychology). Spring, 1998.*

² Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 402.

³ *Красильникова Г. М.* Об изменениях в одежде калмыков в период строительства социализма // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985. С. 73.

⁴ *Чеснов Я. В.* Указ. соч. С. 225.

Борьба с этим видом женской одежды в 20-е годы была равнозначна борьбе с паранджой или чадрой у народов Средней Азии. Отчеты о ходе борьбы с камзолом (камзалом) регулярно заслушивались на заседаниях областного отдела народного образования. В апреле 1921 г. был принят декрет Калмыцкого ЦИК, запрещающий носить камзол.¹ Как писал один из первых советских калмыцких писателей А. Амур-Санан, в Цоросовском аймаке при разлаче реформированного платья «собрали местный женский съезд и... объявили о реформе костюма. Девушки переоделись в новые костюмы. Старые камзолы были сожжены... сам факт сожжения оказывал глубокое воздействие на умы юных и старых калмычек. Он как бы закреплял огнегорящим делом уничтожение вредного костюма и с ним всех вековых предрассудков, причинявших большие несчастья нашему народу».²

Свободное развитие грудных желез должно было символизировать свободу калмыцкой женщины, ее равные права с мужчиной, которому не было нужды перетягивать грудь. В результате «борьбы с камзолом» к середине 30-х гг. он перестал существовать. Только калмычки, жившие в эмиграции, продолжали до войны носить камзол. М. Андреева рассказывала мне:

Это было в 30-е годы, мы в то время жили в Болгарии, потому что родители бежали с белогвардейскими частями. В том населенном пункте жили два-три десятка калмыцких семей. Когда я стала подрастать, мама сшила мне такой камзол, который я стала носить. А моя подруга была сиротой, ее мать умерла, и она жила с отцом. Она не имела такого камзола, поскольку купить его было невозможно, а отец не догадывался попросить какую-либо женщину-калмычку сшить его для дочери. Девочка стеснялась того, что ее грудь растет свободно, и пыталась так одеваться, чтобы это не было заметно. Даже в жаркую погоду она набрасывала на плечи свитер и завязывала рукава спереди, так чтобы они прикрывали область груди. Тогда наша мама догадалась и сшила для этой девочки камзол. Она стала одеваться как другие девочки-подростки, а также соответственно погоде.³

Исследования этологов показывают, что мужчины воспринимают в качестве наиболее привлекательной женской фигуры такую, у которой соотношение талии и бедер близко к 0,7. Это характерно для самых разных культур, потому что именно такие пропорции, как и другие указанные выше признаки (аккуратный подбородок, например), отражают фертильность и общее здоровье, что является важной фенотипической информацией для партнера.⁴ Однако в калмыцкой культуре было не так. Талия,

¹ *Смирнов Н. Калмычка. М., 1928. С. 37.*

² *Амур Санан А.* Мудрешкин сын. М., 1966. С. 210.

³ Информатор М. Андреева, записано в Хауэлле, Нью-Джерси, 1997.

⁴ *Moller A. P.* Sexual Selection and the Biology of Beauty. P. 3 / <http://digital.berkeley.edu/linguagiodelcorpo/beauty>.

важный в наши дни показатель, не выделялась в качестве не только необходимой, но и самостоятельной величины. Наши счастливые бабушки не измеряли ее и не уменьшали ее объем. В народной лексике даже отсутствовало обозначение талии. Термин, которым в современном калмыцком языке обозначается талия, «бюслюр», относится скорее к портновскому делу, а не к физиологии человека, и означает «место, где завязывается пояс».

Для наших предков было более важным общее впечатление — толст или худ человек, а талия была лишь составляющей образа. Вместе с тем пояс как часть одежды был необходимым предметом только девичьего костюма, символизирова девичью честь, и в женском платье отсутствовал. Замужняя женщина носила свободные многослойные одежды, которые скрывали талию даже у тех, кто ею обладал. Таким образом, в калмыцкой традиции, как и в любой культуре, маркировалось различие девичьего и женского тела. Незрелое девичье тело заключалось в тесную одежду, а расцветшее женское тело было свободным в своих одеждах.¹

В то же время в традиционном обществе одежда и прическа были социальным знаком, по которым можно было определить статус человека: девушка на выданье отличалась от других девушек/девочек, недавно вышедшая замуж женщина — от той, что замужем уже давно. Теперь одежда в целом унифицирована. Кстаги, носить брюки в качестве будничной одежды женщины стали только в конце 60-х годов, женщина в брюках тогда еще бросала вызов обществу. Брюки на женщине воспринимались вначале негативно не столько потому, что они считались мужской одеждой, сколько потому, что воспринимались как исподняя одежда, штаны, в которых показываться людям неприлично. Редкая женщина почтенного возраста в республике станет носить брюки, притом что пожилые калмычки в США носят их запросто.

Знаковость в одежде и прическе практически забыта и присутствует лишь в том, насколько одежда/прическа соответствует моде. Что же кроме обручального кольца сообщает обществу о статусе женщины? Конечно, другие украшения скажут о ее достатке, но не меньшее значение в невидимой социальной маркировке теперь приобретает телесность. Чтобы чувствовать себя комфортно (не только для себя, но и в обществе), женщина должна иметь хорошую фигуру, ухоженные кожу, волосы, ногти. Однако не только бабушки, но и наши мамы не были озабочены объемом талии и бедер, так как в 70–80-е годы советская мода делала акцент на голову и ноги, а само тело оказывалось никак не связанным с понятием женской красоты.² Как пишет О. Вайнштейн, этот симптом неполноты

¹ Чеснов Я. В. Указ. соч. С. 225.

² Вайнштейн О. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу // Женщина и визуальные знаки. М., 2000. С. 37.

присутствия женского тела в культуре, постоянной игры вытеснения и замещения вокруг запретных зон можно проследить во всей истории моды — каждая эпоха акцентирует особый участок женского тела, делая маргинальные участки почти невидимыми.¹ То, что в наши дни запретные зоны сведены до минимума и для женщины становятся важными практические все части ее тела, любой его участок может быть акцентирован, свидетьствуя о многом. В том числе — об общем повышении статуса женщины в обществе, теперь ей позволено самой выбирать, какую часть тела ей подчеркнуть.

Рост девушки не имел большого значения в прошлом, и только очень высокий рост затруднял брачный выбор. Сейчас чем выше девушка, тем больше у нее шансов понравиться другим. Когда я расспрашивала своего сына, тогда учащегося элистинского лицея, какая девушка могла бы ему понравиться, он ответил, что будет встречаться только с девушкой, которая будет не ниже 170 см.

Разумеется, форма ног для наших бабушек, носивших длинные платья, не имела значения. Еще два поколения назад считалось, что кривизна ног это наследие кочевого прошлого, а значит норма, хотя и нежелательная. Сегодня кривые ноги не просто беда для девушки, но и серьезный дефект в глазах молодого человека. Надо сказать, что этот недостаток встречается в наши дни гораздо реже, потому что молодые матери строго следят за тем, как растут ноги у малышки, стараются пеленать ноги покрепче, делать специальный массаж, пока косточки новорожденного еще мягкие.

Девичьи ноги должны быть не только прямыми, но и длинными. Про тех, кто не отвечает этому требованию, особо критически настроенные парни могут сказать, что они при ходьбе «подметают попой асфальт».² Уже не формулируется словесно, но подразумевается, что щиколотка должна быть узкой. Любые достоинства женской фигуры будут перечеркнуты, если щиколотка окажется массивнее нормы.

Когда-то девушка должна была быть плоской не только спереди, но и сзади. Сегодня таких девиц ребята могут назвать «плоскодонками», «фанерой», «доской», предпочитая девушек некалмыцкого происхождения, у которых, как говорится, «все при них». Однако выступающие ягодицы встречаются у калмычек довольно редко, и их редкие обладательницы стесняются своего достоинства, желая быть как все. Одна из них пыталась «продать» свою попку подруге, взяв с нее за это один рубль, но безуспешно.³

Для современной девушки имеет значение и форма коленей, которые в идеале должны быть круглыми. Зато уже совсем не страшно, если у девочки большая ступня. Два поколения назад девушке предписывалось

¹ Там же.

² Информатор С. Сельвин, записано в Элисте, 1995.

³ Информатор А. Батнасунова, записано в Элисте, 1998.

иметь небольшую ножку, почти как у Золушки. Моя мама, носившая обувь 35 размера, все вздыхала, что у дочери такая длинная ступня — 37 размер. В наши дни этот признак перестал быть важным, скорее будут удивляться маленькому размеру, чем большому.

В связи с модой последних лет для молодежи стало важным и то, как выглядит пупок у девушки. Он должен быть аккуратный, в меру втянутый, на совершенно плоском животике.

Но чтобы слыть красивой, мало иметь хорошую фигуру, нужно и симпатичное лицо. Большое внимание в народе уделяли овалу лица. Здесь выделялись два крайних типа — круглое лицо, в просторечии сравниваемое со сквородой, и слишком вытянутое, напоминавшее лошадиную морду. Обе крайности были нежелательны. И несмотря на расхожее предостережение, что восточная красавица должна быть луноликой (кстати, у Луны бывают разные фазы), калмыцкие девушки предпочли бы нечто среднее между «сквородой» и «лошадиной мордой».

Очень важен для человека цвет лица, который может иметь отличный от тела оттенок. У многих моих лиц светлее тела. Во все времена у калмыков, как и у многих других народов, считалось, что чем светлее лицо, тем лучше. Естественный цвет лица может варьироваться от светлых, практически розовых тонов до смуглых, такие лица в народе безжалостно называют черными. Редко какая смуглянка назовет себя черной, но мне приходилось слышать, как одна элистинка говорила о себе: я самая красивая черная калмычка.

Когда рождается девочка, до сих пор обычно задают два вопроса: во-первых, беленькая ли, светлый ли оттенок кожи? Во вторых, есть ли «зег»? — складка верхнего века, которая у части монголоидов отсутствует (не путать с эпикантусом). Если есть, глаза будут казаться больше (то есть ближе к европейскому глазу), а следовательно красивее.

Хотя в народных песнях XIX — первой половины XX в. часто воспеваются девушки со смуглым лицом, в наши дни такой цвет кожи, что называется, не актуален. Поэтому смуглые барышни или те, что должны много времени проводить на солнце, всячески прячутся от солнца, применяют отбеливающие средства. Местный загар не котировался, зато морской всячески приветствуется, так как он другого оттенка и говорит уже о статусе человека, позволяющего себе отдыхать на море.

Для монголоидной расы характерны прямые волосы черного, порой иссиня-черного цвета. Сегодня красивым считается то, что нехарактерно для типично калмыцкой внешности: выщипанные или кудрявые волосы, волосы нечерного цвета, глаза не типичные — карие, а серые, зеленые или голубые, которые встречаются у калмыков редко. Светловолосые люди называются в народе рыжими (шар), но это совсем не тот рыжий цвет, что встречается среди европеоидов. Молодые девушки часто отказываются

от естественного цвета волос и экспериментируют с их окраской, ориентируясь на журналы мод. Влияние, которое индустрия моды, масс-медиа, особенно телевидение и западные фильмы, оказывают на молодежные вкусы, трудно переоценить.

Нос должен быть не очень широким, желательны прямые. Про эту часть лица у калмыков есть старая притча, объясняющая его приплюснутость.

Как будто бы в старину люди не имели носов. Но бог придумал носы разных форм и стал раздавать их на одной из гор Кавказа. Поэтому те народы, что жили неподалеку, получили носы побольше. А калмыки кочевали себе в степях и не слышали ничего. Когда же наконец они узнали о задаче носов и прикочевали на Кавказ, носы закончились. Было известно, что количество носов изготовлено по количеству народов, и калмыки стали искать себе нос в подножии гор — может, в толчее раздачи кто-то обронил. Действительно, они нашли один нос, который был затоптан и с одной стороны расплюснен. Вот почему у калмыков такой плоский нос.¹

Карлу Греммеру принадлежит замечание, что худоба как эстетический идеал распространилась по миру и стала универсально значимой для всех континентов и социальных слоев (а не только в аристократических кругах), после того как проблема голода в целом была решена человечеством.² По словам Т. Толстой, когда еды много, ценность ее падает и богатство держат в сберкассе, а не копят на себе в виде складок жира. Так в сырое время именно худоба становится признаком богатства.³ Однако у калмыков излишний вес (даже как золотой запас) никогда не приветствовался. Благодаря системе питания, в которой мучные продукты были праздничным блюдом, полные молодые девушки встречались нечасто. Согласно преданиям, девушки и женщины питались впроголодь, нередко довольствуясь остатками мужниной еды. Есть даже народная примета, иллюстрирующая этот порядок питания. Когда в юрте рожала женщина и в течение этого времени собака открывала двери кибитки, это верный признак того, что родится девочка. Почему? Потому что еда распределялась так: сперва ели мужчины и пожилые женщины, потом женщины и в конце дети. В последнюю очередь — девочки, которым оставались только кости. Так что в ожидании костей девочки были конкурентами собакам и те старались в холодное время открывать двери, чтобы застудить новорожденную и убрать будущую соперницу.

Хотя талия не была важна, значима была сама фигура, которая могла быть легкой, стройной, или тязеловатой, грузной. Считалось, что молодой

¹ Эту притчу я слышала в детстве от своего отца.

² Этим замечанием К. Греммер поделился со мной в личной беседе в Звенигороде, июнь 2001.

³ Толстая Т. 90–60–90 // Толстая Т., Толстая Н. Сестры. М., 1998. С. 26–27.

девушке/женщине полагается быть стройной и только с возрастом, с ростом количества детей ей допустимо полнеть. С другой стороны, современной женщине не дают покоя стандарты западных фотомоделей. Конечно, редкая замужняя калмычка могла бы добиться объема 90–60–90. Но даже не пытаясь сбросить лишний вес, женщины морально страдают из-за навязываемых СМИ западных стандартов и требований. Они как бы оправдываются перед обществом и перед собой за «лишние» килограммы, чувствуя свою «вину».

Это связано с настроениями «стихийного» феминизма в Калмыкии. Я имею в виду изменение генерального гендерного контракта, когда доминировавшие патриархальные отношения в целом сменились контрактом равных прав, что в калмыцком обществе произошло в годы депортации. Эта проверка на выживание народа пришла на военное время, когда мужчины были на фронте и выселенным женщинам пришлось взять на себя ответственность за жизнь детей и стариков. Несомненно то что в Калмыкии пока не заявила о себе всерьез ни одна женская феминистская организация, общее настроение в обществе таково, что женщины претендуют на лидерство в семье и стремятся сделать профессиональную карьеру не менее ревностно, чем мужчины. А успешная женщина должна следить за своей фигурой. Успешной женщине полагается активнее отвечать на жизненные запросы, в том числе бороться за идеальную фигуру. От такой личности ожидается внешность героини голливудских фильмов, поскольку у нее есть для совершенствования фигуры большие возможности, она может оплатить занятия в фитнес-залах, массаж, диету. Поэтому не следящая за собой женщина идет наперекор феминистской стратегии, ее позитивная самооценка затрудняется, если есть проблема лишнего веса. В этом калмычки не одиноки: все женщины по материалу Сеймура Фишера «направляют свою критику в сторону тех областей их тела, которые им кажутся чересчур большими, в то время как мужчины стремятся выказать свое недовольство частями их тела, которые им кажутся слишком маленькими».¹

Считается, что конституция монголоидной фигуры такова, что и полнеет калмычка иначе, чем, например, европеоидные женщины. Как правило, калмычки округляются в области талии и живота. Руки, ноги и бедра нередко остаются прежними, но середина туловища грузнеет. При этом замечено, что женщина начинает толстеть по-настоящему, если жиром покрывается нижняя часть шейного отдела позвоночника. Это серьезный сигнал того, что легко похудеть вряд ли удастся. Кстати, этнологические исследования показали, что полных женщин мужчины оценивают как более добрых и понимающих, хотя для романтических отношений мужчины

¹ Бурдье П. Практический смысл. СПб.: М., 2001. С. 142.

предпочитают худых. Возможно, это связано с тем, что низкие показатели соотношения талии и бедер (WHR более 0,8) воспринимаются мужчинами как признак плохого здоровья, что не соотнобразуется с репродуктивным назначением партнерши.¹

Будучи представителями монголоидной расы, калмыки в течение долгих лет проживания вдали от исторической родины приобрели некоторые признаки метисации. Это вторичные признаки, заметные специалисту или самим носителям культуры. Выше отмечалось, что среди калмыков давно утвердились представления о красоте, ориентированные на фенотип с европеоидной примесью. Чем меньше у человека в настоящее время выражены типичные монголоидные черты, тем он привлекательнее. Тенденцию включения в идеальные женский и мужской образы антропологически контрастных черт среди калмыков в объеме, заметно превышающем соответствующую реальную частоту в выборке, подтверждают исследования физических антропологов.²

Издавна однозначно красивыми считались дети от смешанных браков калмыков с некалмыками, точнее с немонголоидами: такой ребенок казался привлекательнее и монголоида в чистом виде, и европеоида. Таких детей называют «балдыр» (смешанные) и если про кого-то скажут «балдыр(ка)», то под этим подразумевается исключительная внешняя привлекательность. До сих пор, когда обсуждается возможная свадьба смешанной пары, доводом в ее пользу всегда служит уверенность, что «дети зато будут красивые». Когда я сама собиралась замуж за армянина, меня ободряли таким же образом.

Итак, что касается представлений о красоте, то в Калмыкии доминируют европейские стандарты. Еще недавно сравнение с японкой для калмычки было бы комплиментом, но последние годы такое сравнение не звучит как лестное, поскольку внешний облик калмыцких девушек вроде бы стал лучше отвечать требованиям индустрии моды, в то время как у японок, дескать, короткие ноги, нет талии и пр. Почему именно японки стали мерилом восточной красоты, а не китаянки, которые успешно блистают в голливудских фильмах? Видимо, Япония предпочиталась как наиболее развитая экономически восточная страна, в которой эстетический фактор был существенным в общей стилистике жизни, к тому же пропаганда японских символов в рекламе, в журналах и на календарях, как правило,

¹ Singh and Luis. 1995: Furnham Aderian. The Role of Body Weight, Waist-to-Hip Ratio, and Breast Judgments of Female Attractiveness // Sex Roles: A Journal of Research. August 1998. P. 9 / <http://digilander.iol.it/linguagiodelcorpo/beauty>

² Халдеева Н. И. Антропозстетические исследования в теории и практике // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. Т. 1. М., 1999. С. 204–205.

содержала красочные фотографии японских женщин — в кимоно и без них. Это был наиболее распространенный и доступный образец для сравнения, недаром в 80-е г. изображения японки на календарях украшали многие квартиры в СССР, даже если календари устаревали.

В то же время монгольские женщины могли некоторыми в республике (никогда в Монголии не бывавшими) восприниматься иронически. Мне приходилось слышать в конце 80-х анекдот о том, на чем основан СЭВ: его составляющими оказывались фиктивные вещи — русское трудолюбие, болгарская электроника, красота монгольских женщин. Видимо, такое восприятие невидимых соперниц обусловлено в первую очередь противопоставлением «малых различий» (В. Тишков) среди монголов и калмыков, которое в средние века была представлена формулой «сорок и четыре». Это были сорок восточных племен (монголы) и четыре западных племена — ойраты, ставшие в России калмыками.

Идеал современной красавицы в представлении молодежи соединяет в себе японское лицо с европейским телом. Во всяком случае, все победительницы конкурсов красоты в республике выглядели примерно так. Кстати, так воспринимается и образ первого диктора восточного облика на канале ОРТ, а ныне депутата Государственной думы Александры Буратаевой или вице-мисс Всероссийского конкурса красоты в Москве 1995 г. Делгир Цереновой (см. иллюстрацию). Этот образ заметно отличается от литературного портрета калмычки, которая повстречалась Пушкину в его путешествии в Арзрум и «чуть не увлекла» за собой. Вспоминая ее, поэт писал: «Твои глаза, конечно, узки, и плосок нос, и лоб широк...»¹ Разумеется, сам факт, что некая калмычка обратила на себя внимание великого поэта, льстит калмыкам. Стихотворение «Прощай, любезная калмычка!..» описывает девушку, которая живет далеко от цивилизованного мира, «не лепечет по-французски, шелком не сжимает ног», «не восторгается Сен-Маром, слегка Шекспира не ценит». Несмотря на то что это одно из немногих, если не единственное пушкинское стихотворение, полностью посвященное калмыцкой теме, оно не является самым цитируемым в народе. Мне кажется, что и сейчас люди слегка стесняются этого образа дикарки, хотя он относится к далекому прошлому, и потому пушкинский «Памятник», в котором к калмыкам относятся лишь слова «и друг степей калмык!», цитируется гораздо чаще.

Что же сделало возможным стремительную модернизацию калмыцких женщин, радикально изменивших свои представления о красоте? На мой взгляд, это связано в первую очередь с проживанием в европейской части России — в расовой, конфессиональной и языковой изоляции, способствовавшей быстрому проникновению русского языка во все сферы жизни

калмыцкого общества, живой восприимчивости к стандартам иной культуры. Этому способствовал и буддизм с его всетерпимостью и поощрением женского образования, не только мужского. Сыграла свою роль резкая смена хозяйственно-культурного типа, быстрый переход на оседлый образ жизни, когда мужчины потеряли традиционную экономическую нишу, утратили навыки традиционного хозяйствования, а женщины сохранили свою роль хранительниц очагов. Наконец, имел значение опыт депортации, который помимо ценностей родовой общины заставил оценить личные достоинства и возможности каждого индивида.

В середине 90-х в одном из районов республики мне довелось услышать рассказ, как приезжие москвичи после общения с калмыками назвали калмыцких женщин «француженками Азии». В другом случае про калмычек кто-то сказал: «японки Европы». Здесь дело не в том, что сказано, а в том, что не забыто.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 115.

нового для России социального слоя ведется О. Крыштановской, задающей академический тон в указанной проблематике, привлечательной для многих социологов, экономистов и журналистов. Однако блестящий анализ «новых русских» в работах О. Крыштановской не имел задачей исследование этнических параметров этого социального слоя. Работы, посвященные изучению деловой элиты других народов СНГ, мне не известны. Экономические аспекты проблемы здесь не затрагивались.

Под моделями жизни в этой главе понимается то, что также называется стилем жизни. Наиболее удачным, на мой взгляд, является определение стилей жизни по Бурдые «как различных систем собственности, в которых находят свое выражение различные системы предрасположенностей»¹.

Сложный феномен предпринимательства еще не нашел в российской науке однозначного определения, что связано с его недавним распространением в России. Российские социологи выделяют три различных подхода к предпринимательству как социальному явлению.² При первом подходе роль базового понятия играет предпримчивость — способность личности достигать конкретных целей за счет собственной инициативы, изобретательности, принятия нестандартных решений, готовности к риску и ответственности. Таким образом, предпринимательство рассматривается как специфический тип деятельности, связанный с инновациями и риском, а предприниматель как деловой, инициативный и творческий человек, действующий преимущественно в хозяйственной сфере.

Базовое понятие второй трактовки — предпринимательство как экономический и социокультурный феномен современной западной цивилизации, характеризующийся сочетанием функций нововведения и «делания денег». Предприниматели здесь выступают в роли субъектов, реализующих данный феномен, а предпримчивость как черта личности, формируемая соответствующей социокультурной средой.

Третий подход предлагает в качестве базового понятия предпринимателя. Это субъект хозяйствования, действующий в условиях экономической свободы и с целью максимального увеличения прибыли. Понятие «предпринимательство» в этом контексте получает два смысла, означая, с одной стороны, тип экономической деятельности, синонимичный понятию «бизнес», а с другой — социальный слой, реализующий этот вид деятель-

¹ Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Цит. по: Ушакин С. Видимость мужественности // О мужественности. М., 2002. С. 482.

² См. Смольков В. Г. Предпринимательство как особый вид деятельности // Социс. 1994, № 1; Фетисов Э. Н., Яковлев И. Г. О социальных аспектах предпринимательства // Социс. 1993. № 1; Чепуренко А. Ю. Предпринимательский класс в возрождающейся России // Мир России. 1993, № 1.

Глава 6 Бизнес-слои Калмыкии: новые модели жизни*

Их назвали в народе иронично — «нью хальмгуд». В самом этом сочетании английского и калмыцкого слов содержится вопрос о приемлемости для российских калмыков, у которых основным языком общения является русский язык, западных стандартов жизни. Очевидно, что калмыками, чье самоназвание — «хальмгуд», эти стандарты не могут быть приняты легко, они кажутся искусственными и временными. Кто же эти решительные новые люди, насколько их стиль жизни действительно новый и как он вписывается в общий социальный контекст республики? Эти вопросы и будут затронуты в настоящей главе. Основной наш источник — устные истории. Из тех, кого стали называть еще и «новыми русскими калмыками» или «новыми калмычками», опрошено, в общей сложности, 18 человек.

Трудность, с которой я столкнулась, была в том, что большинство представителей деловой элиты не хотели идти на открытый разговор. Это желание обычно имело благовидный предлог — чрезмерная занятость, частые поездки. Прямых отказов дать интервью не было, но, как правило, разговор получался с третьей или четвертой попытки. Только убедившись в моих серьезных намерениях и упорстве, деловые люди назначали мне время для разговора. И в ходе самого интервью мне часто говорили: «Это не для печати», «Между нами говоря», «Но вы этого не пишите». Все пожелания респондентов были учтены.

Термин «новые русские» был предложен американским журналистом Хедриком Смитом, автором книги «Русские», ставшей бестселлером. «Новые русские» противопоставлялись «старым русским», стереотипному представлению о советских людях. Социологическое исследование этого

* Это исследование было осуществлено в 1997–1998 гг. и опубликовано при поддержке фонда МакАртуров, Гучинова Э.-Б. Бизнес-слои Калмыкии: новые модели жизни. М. 1999.

ности. Предприимчивость рассматривается как важная, желательная, но не конституирующая черта.¹

Учитывая отсутствие единой научной терминологии по предпринимательству, а также «временный характер существующей стратификационной иерархии»² я предпочла использовать термин «бизнес-слой», предложенный Т. И. Заславской. Бизнес-слой, по ее мнению, это совокупность субъектов производительной, коммерческой и финансовой деятельности, осуществляемой с целью получения прибыли на базе автономно принимаемых решений и под свою личную ответственность. Разумеется, ядро его составляют предприниматели-собственники.³

Социально-экономический контекст. Республика Калмыкия — один из дотационных субъектов РФ, находящийся в чрезвычайной экологической ситуации. Уровень социально-экономического развития республики один из самых низких в РФ. Фактически республика является аграрно-сырьевой. В сельском хозяйстве доминирует животноводство, в основном овцеводство. В аграрном секторе сложилась устойчивая диспропорция между сельхозпроизводством и перерабатывающей промышленностью.⁴

В постперестроечное время в республике стали появляться частные производители сельскохозяйственной продукции; в 1996 г. насчитывалось 1638 фермерских хозяйств с земельным наделом 709,9 тыс. га земли. На долю фермеров приходится 12% всех сельскохозяйственных угодий республики и столько же пашни. В основном это хозяйства с небольшими участками земли (примерно 415 га на одно хозяйство). С 1992 по 1994 г. доля фермерских хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции увеличилась с 2,3 до 6,4%.⁵

Промышленность развита слабо, представлена в основном небольшими предприятиями следующих отраслей: электроэнергетики, топливной, пищевой, легкой, деревообрабатывающей промышленности, машиностроения и металлообработки, промышленности строительных материалов.

Частное предпринимательство, не имеющее глубоких корней в традиционном хозяйстве, появившись на рубеже 90-х гг., оказалось привлекательным для многих. Так, на 1 января 1999 г. в республике количество учтенных субъектов всех отраслей экономики, включая предприятия оф-

¹ Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 19.

² Радаев В. В., Шаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 311.

³ Заславская Т. И. Указ. соч. С. 21.

⁴ Илюмжинов К. Н. Калмыкия курсом радикальных реформ. Элиста, 1997. С. 13.

⁵ Илюмжинов К., Максимов К. Калмыкия на рубеже веков. М., 1997. С. 243.

шорной зоны, составило 13 106 единиц.¹ На территории республики к 1 января 1999 г. были размещены 7952 предприятия, это на 0,6% больше, чем год назад. Число предприятий, относящихся к частной форме собственности, составило на 1 января 1998 г. 5445, что составляет 69% от общего количества предприятий, действующих на территории республики, из них индивидуальных предприятий насчитывалось 1952. Из общего числа предприятий республики наибольшее количество расположено, как и следовало ожидать, в сельском хозяйстве — 30,6%. В других сферах приложении труда следующим образом: в торговле и общественном питании 27%, в строительстве 4,6%, в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения 7,6%.

Значительная часть зарегистрированных предприятий — малые предприятия. Из 1263 насчитывавшихся на 1 октября 1998 г. малых предприятий 90,3% имеют частную форму собственности, 9,7% смешанную форму. Численность работников списочного состава, постоянно занятых на малых предприятиях, в 1998 г. составила 7,1% от всех занятых в экономике республики. Больше половины работающих на малых предприятиях занято в торговле и общественном питании, 10–12% в промышленности и строительстве.

За счет всех источников финансирования в 1998 г. в республике было освоено 511 млн 343 тыс. руб. инвестиций, что в 1,3 раза выше уровня 1997 г. Преобладающая часть инвестиций в основной капитал (98,8%) финансируется за счет привлеченных средств, из них на долю бюджетных средств приходится 60,2%, в том числе из федерального бюджета 49,2%. За счет собственных средств предприятий финансируется всего 7,2%.

Объем продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей в 1998 г. в действующих ценах составил 479,2 млн рублей, или 56,8% в сопоставимых ценах к уровню 1997 г. На 1 января 1999 г. количество крестьянских (фермерских) хозяйств составило 1738 единиц, площадь их земли 595 тыс. га со средним размером земельного участка 343 га. На долю фермеров приходится 7,5% сбора зерна, 6,1% подсолнечника, 1,7% овощей, 4,8% производства мяса, 7,8% молока.

«Бей богатых», «экспроприируй экспроприаторов» — эти лозунги прозвучали еще живы в общественном сознании жителей республики. Яркое тому свидетельство — высокий процент населения, отдавшего свои голоса за КПРФ на выборах в Думу в 1993 г. Недаром единственная организованная политическая партия в республике это коммунистическая партия Российской Федерации. Поддержка компартии в Калмыкии во многом

¹ Все данные цитируются по источнику: Социально-экономическое положение республики Калмыкия в 1998 году. Сообщение Госкомстата Республики Калмыкия о развитии отраслей экономики в 1998 году // ИК. 13 февраля 1999.

связана с тоской по социально защищенному обществу: в июле 1996 г. на долю 19% наиболее обеспеченных слоев республики приходилось 30,1% денежных доходов, в то время как на долю 10% наименее обеспеченного населения 2%, реальная средняя заработная плата за тот же месяц составила 337 тыс. руб. (\$ 70 США).

В то же время избраные первым президентом Республики Калмыкия молодого предпринимателя, который шел на выборы под лозунгом «Богатый президент — неподкупная власть», свидетельствовало о том, что общество республики почувствовало за частным предпринимательством будущее и поддержало выбор, обещающий модернизацию общества. Отношение к предпринимательству после прихода К. Илюмжинова к власти значительно изменилось, оно стало более престижным. Так, по данным социологического опроса «Характер социально-психологической адаптации населения к рынку» (1997–1998) 32% опрошенных выразили желание «заняться собственным делом, бизнесом»¹.

Многие пожилые люди, особенно в начале 90-х гг., были уверены, что богатыми могут стать только нечестные на руку люди. Долгое время левая, особенно советская пропаганда навязывала общественному мнению образ делового человека как преступника. Об этом еще сто лет назад писал М. Вебер: «Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морально-го возмущения, всегда встречала сторонника новых веяний; часто... создавались легенды о темных пятнах его прошлого...»² Так, один известный в республике профессор как бы извинялся перед обществом за то, что его внук стал удачливым предпринимателем; чтобы отмежеваться перед людьми от доходов внука, он его всячески и незаслуженно «разоблачал», называя вором и спекулянтом.

Но кроме социалистического наследия в сознании калмыков еще присутствуют отголоски представлений о родовой взаимопомощи. Эти представления, ставшие особенно актуальными в трудные годы войны и депортации, когда родство, даже отдаленное, обязывало помогать, в относительное благополучное время часто искажаются и приобретают иждивенческий оттенок. Таким образом, к коллективистскому характеру советской власти добавлялся общинный характер жизни калмыков.

По этой причине каждому предпринимателю пришлось столкнуться с сопротивлением в общественном сознании, ядром социальной идентичности которого продолжало оставаться «мы». При приоритете общинных ценностей индивидуальный успех осуждается, поскольку община должна улучшать свое положение целиком. Хорошо или плохо — должно быть поровну. В то же время предприниматель как человек, шедший навстречу

¹ Катушов К. Калмыкия в геопространстве России. Элиста, 1998. С. 253.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1991. С. 88.

основному потоку, определял себя внутренне индивидуально, независимо от коллектива. Развитие предпринимательства в России всегда шло вопреки государству и общественной психологии. Как считают некоторые авторы, в каждом обществе есть социальный фермент — 6% беспоконных, сильных, творчески мыслящих людей, которые превыше всего ставят свою независимость, инициативу и готовы рискнуть тем, что у них есть, чтобы жить лучше и интереснее. Как показал российский исторический опыт, их можно физически уничтожить — почти всех, но им на смену приходят все новые и новые предприниматели.¹

Бизнес-слои Калмыкии начал складываться в конце 1980-х гг. после выхода закона о кооперативном движении. Второй раз, после нэпа, за годы советской власти в республике появились частные кооперативы. В 1990 г. вышел закон «О предпринимательской деятельности», который открыл двери частному предпринимательству и сделал его наконец легальным, а следовательно, более широким.

Бизнес-слои образовался из разных социальных потоков. Одна группа — заготовители и фарцовщики (перекупщики), имевшие опыт торговли на наличные и другие торговые навыки. Другая — выходцы из партийной номенклатуры, создававшей на излете перестройки коммерческие структуры, в которые переливались партийные и государственные средства. Так, при реформировании власти в 1993 г. Верховный совет республики был распущен, из его состава был сформирован временный парламент из 25 человек, а тем остальным депутатам ВС РК, кто «захотел открыть свое дело, были предоставлены кредиты и ссуды».²

Основной частью деловых кругов республики стали люди с высокими уровнем притязаний. Как правило, они получили образование в центральных вузах страны, общались с иностранными студентами или имели родственники за границей, соответственно сами хотели «красивой жизни», или по своей работе много ездили внутри страны и имели возможность сравнить уровень жизни в республике с более развитыми регионами, а также с регионами иных этнических культур. Свой предпринимательский старт они брали студентами, когда еще не были определены социально. Наряду с ними в деловом мире Элисты есть люди, не имеющие не только высшего, но и среднего специального образования, но с деловой хваткой, предпринимательской интуицией.

Следует отметить, что дети представителей номенклатуры взялись за частный бизнес гораздо позже их ровесников из простых семей. Здесь

¹ Андерсон Р., Шихарев П. Акулы и дельфины. Психология и этика российского-американского делового партнерства. М., 1994. С. 81.

² Республика Калмыкия // Политический альманах России. Социально-политические портреты регионов. Т. 2. Кн. 1. М., 1998. С. 154.

видна некоторая взаимосвязь: чем ниже был социальный статус предпринимателя, тем смелее и активнее он действовал в начале становления рыночных отношений. Более высокий социальный статус делал вхождение в бизнес морально затрудненным, поскольку мог повредить репутации родителя в общественном мнении тех лет, особенно при неуспехе дела, да и вообще в таком рода семьях отношения между членами семей более ответственные и дети обычно рано узнают, что они не свободны в выборе.

Политика. Наиболее благоприятным временем для предпринимательства было начало 90-х гг., когда в республике продолжался политический кризис. Разные ветви власти — Верховный совет РК-ХТ и Совет министров — боролись между собой за политическое первенство и не были в состоянии контролировать экономическую ситуацию. Положение изменилось после выборов первого президента республики в апреле 1993 г. Во-первых, кардинально изменился управленческий аппарат. На смену торгудам и дербетам к власти пришли донские калмыки — бузава. Но кроме перемен в субэтническом составе власти существенное значение имело то, что была нарушена преемственность поколений и вместо ожидаемых 40-летних управленцев взяла на себя 30-летняя молодежь. По мере укрепления государственности в республике, чей президент, сам бизнесмен, выдвинул лозунг «республика — одна корпорация» и стал последовательно проводить его в жизнь, заниматься бизнесом, ориентированным на республиканские ресурсы, становилось все труднее. Все эти ниши медленно, но верно заняло само государство. Была специально создана торгово-промышленная финансово-экономическая корпорация «Калмыкия», которая старалась сконцентрировать крупные предприятия важнейших направлений экономики республики в своих руках. По мнению итальянского социолога М. Центорино, такой подход грозит образованием «порочной экономики»,¹ поскольку «это опасно, когда государства становится (или остается) слишком много: его тень может стать не защитным зонтиком, а сыграть пагубную роль для частного предпринимательства и общественной инициативы».²

В бизнес ушла значительная часть людей, которые на рубеже 90-х гг. активно занимались политикой. Именно они люди организовали в 1989 г. Народный фронт Калмыкии — первую в республике общественную организацию с политическими требованиями. Во многом благодаря их активности Калмыкия одной из первых в СССР демонтировала советскую систему

¹ Цит. по Васильков Н. Метаморфозы итальянской мафии // Мировая экономика и международные отношения. 1992, № 7. С. 114.

² Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. Москва; Воронеж, 1996. С. 127.

тему. Они были организаторами митингов, организаторами первой политической газеты, неустанными разоблачителями КПСС, а также оппонентами тех руководителей республики, которые работали в традициях партийной номенклатуры. Однако многие их этих людей, называемых в Элисте демократами, вскоре осознал, что для того, чтобы представлять собой серьезную политическую силу, нужно иметь солидные источники финансирования, ушли в частное предпринимательство. «Политика? Я пришел к выводу, что демократия в Калмыкию придет сверху» — вот слова одного из них.

Так или иначе, все представители деловой общины республики втянулись в политический процесс. Даже если эти предприниматели и были поначалу аполитичными, со временем безразличное отношение исчезает. «Я на выборы раньше не ходил, до Илюмжинова. А сейчас не пропускаю». В настоящее время большинство предпринимателей или открыто поддерживают политические партии, или стоят за их спиной. Следует иметь в виду, что по закону «О политических партиях» в республике зарегистрирована всего одна партия — коммунистическая, но имеются филиалы всех российских партий. Народная партия Калмыкии, оппозиционная правящему режиму, несколько лет не могла добиться своей регистрации в Министерстве юстиции РК. Многие бывшие политические противники Кирсана Илюмжинова теперь готовы сотрудничать с ним и даже заинтересованы в стабильности его режима. Исключение составляют люди из той части партийной номенклатуры, которая теперь оказалась не у дел и потому предпочла бы видеть на посту президента своего ставленника. «От политики деться некуда. Поддерживаю Аграрную партию и нашего депутата в Государственной думе — Г. В. Кулика» — сказал мне один бизнесмен в 1997 г.

Красноречивым свидетельством вовлеченности бизнесменов в политику является состав высшего законодательного и представительного органа республики — Народного хурала (парламента). На выборах в Народный хурал первого созыва в 1994 г. из 27 депутатских мест четыре заняли предприниматели и бизнесмены. На выборах в Народный хурал второго созыва в 1998 г. из 27 депутатских мандатов десять получили представители негосударственного сектора экономики. Многие значимые фигуры управленческого аппарата Калмыкии связаны в прошлом с бизнесом. Председатель Правительства РК Р. Метрикин до прихода в администрацию Президента РК возглавлял Калмыцкий филиал СБС-Агро. Экспедитор-председатель Правительства В. Батурин, ныне государственный советник РК, на пост главы кабинета был назначен с должности генерального директора АО «Интеко». Трое республиканских министров до поступления на государственную службу работали в частном секторе экономики. Сращивание политико-административной и экономической элит — характерная

для всей России тенденция функционирования властных структур.¹ Как отмечают другие авторы, суверенизация регионов обернулась формированием на местах политического механизма поддержания групповых интересов номенклатуры нового поколения.²

Бизнес. Первая волна калмыцкого бизнеса началась, как и по всей России, со ввоза компьютеров и оргтехники. По ценам тех лет 286-й компьютер стоил 25 тыс. руб., а каменный дом в Элисте — 20 тыс. руб. Однако республика имела и свою специфику: поскольку традиционное хозяйство калмыков было скотоводческим и Калмыкия сохранила этот профиль в годы Советской власти, то и первые предприниматели 90-х связывали свою деятельность с традиционными направлениями хозяйства. Здесь получили размах так называемый «рогальный бизнес»: скупались сайгачьи рога и экспортировались в Китай. Это было очень выгодно: среднего размера рог стоил \$30 США, мешок рогов был целым состоянием. Многие первые богачи были именно «рогальями». Кроме того, в 1990–1992 гг. наблюдался настоящий шерстяной бум. Он имел все предпосылки в сельскохозяйственной республике с животноводческим направлением. В годы застоя шерсть заготавливалась в системе потребкооперации, но заготовками руководили представители ближайшей к республике и единственной на юге России Невинномысской шерстомойной фабрики, как правило славянского или кавказского происхождения. В начале 90-х гг. произошел прорыв калмыков в эту сферу. В 1992 г. главным калмыцким товаром стало зерно. Стали расширяться и другие сферы бизнеса: финансы, оптовая торговля, торговля нефтью и металлами.

Первыми коммерческими банками в Элисте руководила бывшая партийно-комсомольская номенклатура. Так, банк «Байн» Ассоциации фермеров возглавил бывший первый секретарь областного комитета партии Владимир Бамбаев, в свое время претендовавший на пост президента республики. В банке «Бумба» работал бывший первый секретарь обкома ВЛКСМ Цецен Эрднеев, долгое время этим банком управлял Валерий Эрдни-Горяев, один из бывших руководителей Совета министров. Все эти люди наверняка остались бы у власти, если бы не перестройка, и скорее всего выиграли бы выборы, если бы не столь внушительная кандидатура Кирсана Илюмжинова. В те годы не только в республике, но и по всей стране необходимым условием получения кредитов по невысоким процентным ставкам (а иногда и беспроцентным) была принадлежность к номенклатуре или хорошие связи с высокопоставленными чиновниками. В пе-

¹ Ашин Г. Рекрутирование элиты // Власть. 1997. № 5. С. 30.

² Барзилов С., Новицов А., Чернышов А. Особенности развития политико-идеологических процессов в российской провинции. Саратов, Москва, 1997. С. 7.

рестроечный период становления рынка особо прибыльным было получение валютного кредита.¹

Первые коммерческие операции ориентировались на 300–400% прибыли. Позже ставка на норму прибыли была значительно снижена. Изменилась кардинально и схема сделок, которая в начале 90-х была двуступенчатой: купил — продал. Сейчас, чтобы гарантировать успех операции, приходится планировать значительно более длинную цепочку сделок, а для этого нужно или специальное образование, или богатый опыт работы в финансовой сфере.

Калмыцкий национальный характер во многом сформирован кочевым образом жизни, который предполагает неравномерную затрату труда: большую — во время охота и стрижки, меньшую в течение остального хозяйственного цикла. Нежелание работать «шаг за шагом», неумение копить деньги, планировать жизнь — вот что досталось в наследство от предков. Перед этими проблемами встали представители калмыцкого бизнеса, которые своим трудом и здоровьем платили за все ошибки в работе, вызванные традиционным менталитетом. Способность после поражения продолжать дело, развитая интуиция, смелость — вот что объединяет этих людей, предпринимателей в широком смысле этого слова. Очень мало калмыков, которые работали бы последовательно, без скачков, начиная с малого, постоянно продвигаясь вперед. Те, кто добился успехов первыми, как правило, сделали это или за счет республиканских ресурсов или вне республики в составе смешанных групп.

Наиболее активны в деловом мире республики предприниматели-калмыки, их, надо признать, подавляющее большинство. Более консервативные славяне республики позже взяли предпринимательский старт, когда многие ниши были уже заняты. Кавказцы, хотя они были и богаче калмыков и славян, в республике обособились лишь в 70-е гг. В среднем они менее образованны и потому занимали невысокие социальные ступени, успешнее закрепившись в торговле и сфере заготовки сельскохозяйственной продукции. Наиболее выигрышные позиции были у калмыков, которые и составили конкуренцию друг другу. Родственные связи с лицами, занимающими ключевые посты, стали актуальными, причем и для чиновника, и для его родственника. Чиновник не мог открыть частную фирму, ему нужны были надежные люди, которые могли бы создать дочернее коммерческое предприятие. Испокон веков верность и надежность ассоциировалась у калмыков с кровным родством, с родственным коллективом. Многие калмыки в начале 90-х гг. вернулись из России, где до того работали, потому что легкие кредиты можно было получить только в своей республике — там, где ты свой, где живут родственники и друзья.

¹ Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскийскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.

«Калмыцкий бизнес» — это выражение долгое время было отрицательным. Сами предприниматели говорят о нем так: «Безалаберность и безответственность. Исподволь сидит черта — жить сегодняшним днем». По этому поводу в 1995 г. появился анекдот: «получил калмык кредит, купил квартиру, машину, прокутил оставшиеся деньги в ресторане и поехал по родственникам занимать денег, чтобы отдать кредит банку». Еще одно определение предпринимателей: «Калмыцкий бизнес — это 85% тех, кто не возвращает банковских кредитов, не выполняет договорных обязательств и все это внутри республики». В то же самое время деловые люди считают, что «калмыцкий предприниматель — очень умный. Если он занимается всерьез, то все делает конкретно» — на предпринимательском жаргоне значит разумно и четко.

Было много неудачных попыток (т. е. сделок. — Э. Г.), но виноваты были сами: не хватало опыта, знания рынка, партнеров.

Пик нашего бизнеса пришелся на 1993 г. Мы выезжали в Африку, Эфиопию, Кению, Сомали для ведения дел, возили туда металл, сахар, мыло. Нанимали сухогрузы. Кредиты брали в Элисте, иногда в Москве. В Элисте это легче: ближе знаешь людей, легче предложить услуги. Каждый человек должен для себя решить, он хозяин или работник. Если хозяин, ты должен мобилизоваться в экстремальной ситуации. За один год я налетал в два раза больше часов, чем командир корабля. Со временем больше понимаешь, разбираешься в людях быстрее — ну, жень ли этот человек, получится ли работа с ним.

Я не хотел быть дельцом одноразовых сделок, волком-одиночкой, снимающим куш с одной операции. Я хотел создать дело, машину, которая бы делала деньги.

Свои личные ценности я предлагаю обществу, например пиво, которое сам люблю, лекарства, которые мне помогают.

Раз 20 летали в Китай. Вначале переводили китайские специалисты, потом мы стали сотрудничать с синьзянскими калмыками, которые переводили с китайского на калмыцкий язык.

Самая большая проблема — грамоты не хватает. Хорошо, что мы начали сразу (с 1990 г.) и набирали опыт вместе со всеми. Тогда даже в регистрационной палате не знали, как составить устав, работали на ощупь.

Думал, про шерсть все знаю, оказалось — плохо. Научился большему. Чем больше знаешь про шерсть, тем больше возьмешь.

Метался долго. Возил рыбу в Москву. Потом повезли в Прибалтику сухое молоко, получили валюту, купили в Москве ширпотреб, дело пошло, стали специализироваться.

80% моего коллектива — калмыки. Поначалу этническая принадлежность для меня имела значение, потом нет.

Мне был нужен инструмент республиканского масштаба. Мы тогда открыли Фонд социальной защиты и коммерческую структуру при нем

под государственной крышей. Но это была стратегическая ошибка, так как государство и частный бизнес несовместимы.

Характерное для всех предпринимателей: им не раз приходилось менять профиль бизнеса, адаптироваться к постоянно меняющимся экономическим условиям, ориентироваться на рынок.

Социализация. Объединяет этих разных людей стремление к лидерству с детства и устойчивые разносторонние увлечения — спортом (футбол, баскетбол, волейбол, стрельба), музыкой, рисованием. Многие были командирами пионерских отрядов, членами советов дружины, знаменосцами школы, комсоргами и секретарями комсомольских организаций. Другое — жожаками на улице, неформальными лидерами, как сейчас говорят, молодежных группировок. Удивительно, но среди современных предпринимателей мне не встретился ни один, кто был стабильным отличником в старших классах.

В детстве многие занимались в музыкальной и художественной школах. Большую роль в социализации подростков и стремлении к лидерству сыграли поездки в пионерские лагеря — тебердинский и особенно «Артек» и «Орленок». Те, кто был в этих всеозонных лагерях, даже в зрелом возрасте помнили название пионерской дружины, имена вожатых и считают, что впервые там поверили в себя по-настоящему. Вспоминая те пионерские смены, они признают, что стали петь, танцевать, раскрепостились именно тогда.

Другая важная веха в становлении будущих предпринимателей — студенческие годы или обучение вне Калмыкии, в большом городе. Большинство из опрошенных пытались поступать после школы в московские вузы: Плехановский институт, Университет дружбы народов, МГУ; не всегда эти попытки были удачными. Вспоминая те годы, респонденты говорили, что им становилось ясно: «если ты — провинциал, азиат, не медалист и не сын миллионера, то рассчитывать на столичное образование практически не приходится». «Тяга к знаниям была сильной и после армии» — отслужив, многие сразу же поступили в КГУ.

Я учился в КГУ на сельхозфаке. Формально я не был никем, но весь курс мне подчинялся.

Другая часть будущих предпринимателей смогла поступить в центральные вузы страны. Им пришлось немало потрудиться, чтобы доказать свою личную состоятельность, стать лидером в студенческом коллективе столичного вуза.

Я был командиром ОКОД (особый комсомольский отряд дружинников), куда пошел со второго курса. Мне подчинялись 60 человек. Меня знали все общаги, я играл в шахматы за институтскую команду, ездил по студенческому обмену в ГДР. Меня не ассоциировали с нацменом, хотя

все знали, что я калмык. При этом я всегда пил водку, но никогда не курил, потому что никто не курил в нашей семье.

Москва и МГУ дали мне очень много: это база на всю жизнь. Мы в те годы ездили много: в Прибалтику, Киргизию, Казахстан. Позже все поехали в Финляндию, Венгрию.

...я общался с однокурсниками, которые уже учились на старших курсах. Они культурно доминировали, я это чувствовал утром. В начале обучения я ощущал себя провинциалом, а позже — наоборот, очень комфортно, особенно в общаге. Мои слова имели достаточный вес.

Деятели современного калмыцкого бизнеса — люди, как правило, не простой судьбы. И в советскую эпоху они не довольствовались низким прожиточным уровнем, выбирали профессии, которые могли бы обеспечить материальную независимость их семей: работали строителями-шабашниками, таксистами, водителями-дальнобойщиками, даже подрабатывали, иллюстрируя книжную продукцию. В студенчестве они непременно имели стройотрядовский стаж или опыт фарцовки. Пожалуй, фарцовка была как самым прибыльным занятием в годы застоя, так и самым рискованным. Правда, риск этот был вынужденным. Студент, не желавший пропустить денег у родителей, мог подрабатывать в течение учебного года стоирщиком или грузчиком. Переутомляясь от такой работы, они теряли главное — полноценное образование, потому и выбирали возможность учебы и быстрого заработка, и тогда не боялись тяжелых условий, могли в ущерб здоровью подолгу жить в тяжелых полевых условиях, ночевать в машинах, даже рисковали испортить отношения с милицией. Именно это умение добиваться своего, идти на жертвы ради поставленной цели, относиться к своим решениям как к новому жизненному выбору помогли им позже, в иных экономических условиях, завести свое дело и взять на себя ответственность за коллектив.

Важной частью жизни для многих из них стала служба в армии. «Школа мужества» научила моих респондентов многому: принимать ответственные решения, рисковать здоровьем, порой жизнью ради сохранения достоянного на их взгляд статуса, который бы соответствовал личным амбициям, переносить тяготы субординации, дисциплины.

Я служил в стройбате на Урале. Там меня закалили, сделали человеком. Нас, калмыков, было двадцать четыре. Если ты из Калмыкии, то и не важно, русский или калмык. А чеченцев — 70. Это была жестокая борьба за доминирование. Если отдать власть им, то от тебя не останется ничего человеческого.

Семейные легенды. Другое качество, объединяющее предпринимателей Калмыкии, — ответственность перед родственным коллективом. Один из респондентов рассказывал, как он, младший сын, должен был выби-

рать — идти в армию или нет: «Так получилось, что старшие два брата не служили по состоянию здоровья, я тоже мог бы взять отсрочку. В то же время я чувствовал, что отцу будет неприятно, если все его дети обойдут службу в армии, этот факт может быть интерпретирован против отца, бросить тень на него как честного коммуниста. Я сам ему сказал — пойду служить, и просто почувствовал, какой камень упал с его души».

Я был единственным калмыком, кто получил направление в аспирантуру, но вернулся домой, хотя были интересные предложения в Москве. Но я помнил о семье и не мог ее оставить: родители жили трудно.

Для новых калмыков характерно еще одно качество, увы, не столь распространенное в наше время. Они помнят о своих предках, которые должны быть примером в их жизни.

Прадед считался зажиточным. У него был большой сад и урожай он раздавал бесплатно. У него была тачанка, и по праздникам он на ней разъезжал по гостям.

Мой прадед по материнской линии, его звали Хулхачи, был преподавателем оренбургской женской гимназии, полным Георгиевским кавалером, его еще в те годы сослали в Сибирь по политическим мотивам.

Дед до войны был директором Сальской нефтебазы. Он был профессиональным фотографом и в Сибири всю семью прокормил фотографией.

Прадед по отцу был табушником у коннозаводчика. У него был свой табун и двухэтажный дом в Ростовской области.¹

Судьба народа отражалась в судьбе каждого опрошенного. «Родственников с материнской стороны я знаю плохо — все погибли по дороге в Сибирь. Знаю отцовскую родню. Дед был репрессирован по 58-й статье, погиб на севере в лагере. Родной дядя отца в Карлаге провел десять лет». «Дед умер в Сибири».

У большинства опрошенных старшие братья и сестры погибли в годы депортации в младенческом возрасте. «Всего у матери было шестеро детей, трое умерли в детстве». География мест рождения респондентов μόже 1958 г. — Новосибирск, Красноярский край.

Родня. Первые частные предприятия в республике основывались на коллективах родственников, когда представление о том, что в бизнесе главное — преданность, верность, честность среди сотрудников, доминировали и персонал набирался из состава расширенной семьи. Позже жизнь убедила организаторов бизнеса, что бизнес требует квалификации

¹ До 1943 г. в Ростовской области существовал Калмыцкий район с 13 станциями. Эти земли не были возвращены калмыкам после их возврата из мест высылки.

и опыта, а преданность делу зависит не от кровных уз, а от заинтересованности в деле.

Родственников уже стараюсь не брать. Нагружаешь его работой, как всех, и если ему трудно, он начинает воздействовать на меня через родню. Если делаешь ему снисхождение, замечают другие, начинают так же относиться к работе, у них появляется аргумент. К тому же родственник знает обо мне больше других сотрудников, запускает лишние базары.

С этим согласен другой предприниматель:

Если работаешь со своими, то с них в должной мере не потребуешь того, что с чужого, потому что у них калмыцкий менталитет. Приходится очень много прощать или забывать. При родственных или земляческих отношениях деньги теряют ценность, девальвируются.

Близкие примеры я встретила среди калмыков США. В качестве примера приведу преуспевающую фирму, которая вынуждена была разделить себя на два предприятия, так как работавшие там братья стали расходиться в деловых стратегиях.

Есть и другая модель организации бизнеса, которая как раз укрепляет и развивает традиционные родственные отношения.

Практикую семейственность. Конечно, должна быть одна голова у предприятия. Мама работает у меня координатором по общим вопросам, жена занимается финансово-хозяйственной стороной дела. Мать, в прошлом преподаватель физики в средней школе, по возрасту должна быть давно на пенсии, но работа для себя ее увлекает. Жена имеет медицинское образование, но от этой специальности отказалась, закончила курсы бухгалтеров-экономистов, освоила это занятие. Возвращаюсь из офиса домой, обсуждение рабочих вопросов продолжается. Своим успехом я во многом обязан жене и маме. Когда было очень тяжело, они меня поддерживали — тогда один кредит перекрывали другим.

Два старших брата работают у меня. Построили себе дома. Родители, все родичи советуются со мной, особенно перед выборами — кому отдать свой голос.

Что же делают богатые люди Элисты со своим богатством? Этот вопрос, разумеется, беспокоит всех городских обывателей. После того как богатые обещают свои жизненные интересы, они стараются помочь своим родным. Один из моих респондентов делился со мной своими рассуждениями:

Если мне говорят про кого-то «Вот крутой бизнесмен», я невольно начинаю к нему присматриваться. Если этот человек живет в двух-трехэтажном особняке, а его родители ютятся в землянке без удобств, или сам разбегается в 600-м «Мерседесе», а его сестра ходит пешком, я не смогу к нему относиться серьезно, с доверием. Я, например, после того

как построил двухэтажный дом, забрал к себе своих родителей и дом оформил на отца. Так как пока мой отец жив, он должен чувствовать себя хозяином у себя дома. Родительский дом мы отремонтировали и подарили замужней сестре. Брату и двум другим сестрам, у которых не было жилищной проблемы, я приобрел по легкой машине.

Главная экономическая цель новых калмыков — развивать бизнес, свое хозяйство, заботиться о своей фирме как о части самого себя. Но поскольку основным критерием успеха является прибыль, то «главная мера компетентности хозяина — его стоимость и цена — нажитый капитал».¹ Поэтому многие предприниматели признаются, что кроме необходимых для дела машин «держат иномарки для представительских интересов».

Что означает быть богатым для новых калмыков? Для большинства населения — иметь большой двухэтажный дом, хорошую машину, более или менее регулярный доход. Для новых калмыков этого недостаточно, кроме экономического успеха им важно самоуважение и нравственное удовлетворение.

Как и в других регионах России, многие успешные предприниматели республики вначале не могли обойтись без демонстративного потребления. Выросший при советской системе ценностей предприниматель, начиная свое дело, так или иначе должен был преодолеть в себе «совка», который в разной степени, но присутствовал в характере, образе мыслей, привычках и реакциях любого из них. Молодые предприниматели за годы работы развивались и вместе с ними изменялись их представления о богатстве. Раньше любой экономический успех должен был быть обнаружен. В 1990 г. в кошельке у каждого мало-мальски делового человека обязательно зеленели доллары, причем, как правило, одни сотенные купюры. Наличием валюты никого не удивили сегодня, но тогда это было просто нарушением закона. Иностранная валюта в кошельке в то время имела скорее символическое значение: вот какой я крутой — наши рубли меня не удовлетворяют. Следующим шагом стало приобретение одежды в валютных магазинах, что также приближало человека к западному стилю жизни и этим выделяло из населения республики. Рассуждая о нуворисах, один из моих респондентов заметил, что «многие люди в Элисте даже не представляют, что они будут делать, если разбогатеют. Они себя воображают в будущем бомжами с большими деньгами, людьми без особых обязанностей, которые что хотят, то и делают».

Семья. Представители калмыцкого бизнеса — люди солидные. И как таковые, разумеется, женаты. Чем же занимаются жены бизнесменов?

¹ Крыштановская О. Элита «новых русских» усердно работает, в том числе и над собой // Известия. 12 августа 1995 г.

Большая их часть — домохозяйки. Независимо от образования и профессии они уступают желанию своих мужей и уходят в домашнее хозяйство и воспитание детей. «Мы с женой решили, что теперь главное для нас дети, и она решила оставить свою работу». «Я прихожу домой совершенно обесшленный и мне надо, чтобы в доме было все в порядке». Если жены и работают, то не из-за материальных причин, а по другим основаниям, чаще всего чтобы помочь мужу или родственнику в семейном бизнесе.

У моего брата в его магазине не было хорошего бухгалтера и он попросил мою жену — у нее диплом бухгалтера — временно поработать. Она приступила к работе, втянулась. Ей понравилось. Но эта работа не отнимает много времени: часа три в день.

Наша дочь подросла и я решил, что моей жене лучше поработать в моей фирме, чем сидеть дома. На работе у меня большие нагрузки, обо всех проблемах дома не расскажешь, а так она будет в курсе моих дел, увидит, как ко мне относятся здесь, и станет лучше меня понимать.

Делятся ли мужья своими производственными проблемами, советуются ли с женами? «Я рассказываю жене только хорошие новости, не хочется ее огорчать». «Делюсь с супругой только такой информацией, которую не надо объяснять».

Надо сказать, что жены большинства предпринимателей, социализация которых пришла на советскую эпоху, долго не могли привыкнуть к своему новому статусу домохозяйки. Во многом это связано с общепринятым в застойные годы мнением, что домохозяйка бесполезный для общества человек, что заниматься только домашними делами не престижно. Так что бывшие пионерки и комсомолки, освоившись от необходимости зарабатывать на жизнь, тем более что в начале 90-х государство практически перестало выдавать заработную плату своим гражданам вовремя, поступили учиться на различные курсы, поскольку учеба — социальное одобрение у калмыков занятие. Несколько моих знакомых женщин, чьи мужья успешно занимались бизнесом, последовательно закончили курсы машинного вязания, английского языка, бухгалтерские курсы, лечебного массажа, автолюбителей. При этом они посещали занятия шейпингом и воспитывали детей дошкольного возраста, и ни одна не прибегала к услугам домработницы, поскольку это также социально не одобряется: в соответствии с полоролевыми стереотипами поведения калмыков хорошая жена должна успевать по дому несмотря на любые трудности. В последние годы стало модным отправлять жен рожать в США.

Что делают теперь новые калмыки, желая дать лучшее образование своим детям? Разумеется, все дети или учатся в самых престижных школах Элисты, в лицее, или / и занимаются с репетиторами. Основной упор делается на английский язык, тем более что все отцы им не владеют и

сами испытывали языковой дискомфорт в общении с иностранцами, а также на математические предметы; многим детям прочатся финансово-экономическое образование.

Знаний их родителям не хватает. Далеко не у всех деловых людей есть высшее образование, а если и есть, то часто не по профилю — филологическое или медицинское, порой незаконченное высшее. Но в наши дни даже знания, полученные на экономическом факультете пятнадцать лет назад, вряд ли отражают состояние современной экономической науки и рыночные реалии современного постсоветского пространства. Чтобы не отстать от сегодняшнего дня, восполнить недостаток знаний, новые калмыки покупают и читают книги по специальности, пользуются советами юристов и финансистов, стараются иметь постоянных консультантов в этих областях, часто родственников. Выросшим сыновьям они рекомендуют специальность, которые, во-первых, связаны с направлением их работы, а во вторых, по которым не хватает опытных специалистов в Калмыкии, например международное право. Выбирая вуз, в основном ориентируются на московские вузы, МГИМО, МГУ, Финансовую академию. «Если мой сын не захочет работать у меня, то во всяком случае в консультации он мне не откажет». Взрослых дочерей чаще ориентируют на иностранные языки, причем не только на европейские, нередко и на восточные: китайский, турецкий и др. Несмотря на то что почти все отцы хотят видеть в детях свою смену в бизнесе, мало кто верит в такое; многие считают, что основной выбор должен быть за самими детьми, желают им состояться как личностям и самим найти свою дорогу в жизни. Это прежде всего те родители, кто не нашел себя до перестройки, кто признается, что по-настоящему жить стал только после начала 90-х годов, то есть после того как реализовал себя в деле, которому отдался целиком.

Один из основных уроков, приобретенных калмыцкими предпринимателями, это понимание того, как важен правильный жизненный выбор. Практически все опрошенные желают своим детям именно того, чего они сами достигли с большим трудом, — самореализации. В их рассуждениях о детях не было ни родительских установок, ни ограничений, хорошо знаемых, например, моему поколению по общению со своими родителями (высшее образование, мол, необходимо и т. д.). «Пусть кем мой ребенок хочет, тем и станет, а я помогу» — вот основная родительская позиция. То же самое относится к будущему выбору брачного партнера сыном или дочерью.

На ком захочет, пусть на той и женится, национальность для меня значения не имеет. Лишь бы она любила сына.

Хочу, чтобы сын понимал и западные технологии, и нашу специфику, чтобы был свой и там и здесь.

Хочу, чтобы сын вырос счастливым человеком, лишь бы он в своей специальности чего-то достиг.

Все предприниматели отмечают в своих интервью, что им очень важно, чтобы у детей складывались нормальные отношения с ровесниками, чтобы дети не считали себя выше менее обеспеченных материально сверстников. «Сыну хочется приводить друзей. Я разрешаю. Толпами ходят, и причём на головах... Зато потом ему в школе легче, никто не скажет “жлоб”. Я сына летом отправил в лагерь на Чограй, хотя мог бы и за рубеж отправить. Чтобы почувствовал разницу: есть алюминиевыми ложками, воевать с комарами...» «Когда дети вырастут, я их в любую страну отправлю учиться, лишь бы сейчас вели себя прилично — со всеми одинаково» (имеется в виду — независимо от семейного достатка). При этом уровень нормы, достигнутой отцами в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность, отвоёванный их усилиями и воспроизводимый изо дня в день порядком существования выступает для следующего поколения естественным положением вещей, чем-то само собой разумеющимся.¹

Многие из предпринимателей купили квартиры в Москве, поскольку в республике рынок недостаточно емко и дела заставляют подолгу находиться в столице России. Гостиничный режим не устраивает, так как много ограничений, нельзя привести гостей поздно, находишься под контролем. Выгоднее всего в этой ситуации купить квартиру, в которой можно всегда остановиться, поселить там же шофера, сотрудника. Но есть и другие причины, например тяга к самостоятельности. Так, многие молодые люди, имеющие свое дело, в Элисте продолжают зависеть от старших, находясь в системе родственной иерархии. Такое двойственное положение их не устраивает, они ведь должны отчитываться перед родителями за свои поступки, объяснять распорядок своего дня. Будучи самостоятельными людьми в глазах общества, они продолжают оставаться несамостоятельными в глазах старших родственников и вынуждены считаться с их требованиями.

«Новые калмыки» построили себе новые дома. Обычно это двухэтажные особняки с количеством спален от трех до пяти, с большой кухней, гостиной и холлом. К прочим нововведениям можно отнести бассейны, фонтаны. В таких домах нуклеарной семье слишком просторно жить и многие поселяют у себя родителей — своих или жены. Часто старые родители, работавшие всю жизнь с утра до вечера, не могут найти себе привычные занятия. В некоторых случаях они отказываются переезжать, боясь оказаться бездельниками или нахлебниками. Так, один предприниматель рассказывал мне, что при переезде престарелых родителей жены из

¹ Дубин Б. В. О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. Вып. 2. М., 1995. С. 247.

совхоза в Элисту ему пришлось согласиться на основное их условие: переезжать в город всю скотину. «Как же нам сидеть без дела в доме? Без скотины ведь скудно. Вдруг мне захочется корову подоить?» — уговаривала его теща. Теперь они содержат в городской усадьбе трех коров, свиней, кур, уток, индеек. Овец им завозить не разрешили, поскольку овец надо пасти, и они бы это делали несмотря на возраст, а такие нагрузки были бы для них чрезмерны. Но дело здесь не просто в любви к животным или в привычке к сельскохозяйственному труду. Я думаю, что в этой «стариковской блажи» проглядывает ценностная структура традиционного калмыцкого общества, согласно которой основным богатством в жизни является скот и только скот, поэтому при судьбоносной «перекочевке» наиболее достойным для стариков способом слияния хозяйства стал таковой, при котором материальный взнос был по их понятиям самым существенным.

Те, кто предпочел жить в квартире, приобрел себе трех-четырёхкомнатные квартиры улучшенной планировки в центре города в бывших номенклатурных домах. Поскольку таких домов в Элисте не так много, всего шесть, четырёхкомнатных квартир в них не хватает, их хозяева не желают расставаться с самыми престижными квартирами города. Продаются же они при переезде хозяев в другой город или если выросшие дети обязаны велись семьей и надо разделиться. Поэтому части предпринимателей приходится довольствоваться трёхкомнатным жильем.

Проблема жилья была болезненной для многих в доперестроечную эпоху.

Я мечтал о своем доме и рисовал планы будущего жилища задолго до того, когда это стало возможным, — еще десять лет назад, когда писал диссертацию по ночам на кухне.

Дом я проектировал сам. Будучи в молодости водителем, я много ездил по стране, видел разные типы домов. Запоминал.

Строили жилье по собственным проектам в начале 90-х, позже предприниматели стали обращаться к услугам профессионалов и передавали свои замыслы архитекторам.

Многие интервьюеры отмечают, что с ростом достатка изменилась структура питания в их семье, которая до того была ориентирована на традиционное меню с преобладанием мясных продуктов: «теперь стало больше фруктов, молочных продуктов, всегда есть минеральная вода».

Максимально оснащенные современной техникой кухни позволяют экономить время при использовании замороженных полуфабрикатов. Получается, что, следуя западному стилю жизни, обеспеченные домохозяйки Элисты готовы отказаться от ежедневного приготовления свежей

еды. Между тем в странах высокого потребления как раз наоборот, домашнее приготовление обеда — прерогатива обеспеченных семей, а быстрой едой — fast food — довольствуются семьи с небольшим достатком. От чего обеспеченные хозяйки отказались сразу же, так это от заготовки домашних консервов, соления капусты, огурцов, маринования томатов, варки компотов и джемов. «Раз в неделю у нас калмыцкое меню обязательно». Впервые именно в этой стране стали отмечать семейные торжества в кафе и ресторанах. Раньше только свадьбы было принято отмечать в ресторанах. Сперва это воспринималось обществом как блажь: детский праздник — в кафе, но со временем прививлось.

Ценности. «Главная цель в жизни — чтобы не было ощущения, что жизнь проходит мимо, чтобы не пропустить главного в жизни». «Самое большое достояние — хорошая репутация, для меня это важно». «Главное, я почувствовал, что я что-то могу сам». «Главная цель — создать дело, которое не стыдно было бы оставить в наследство».

Важное место в ценностной иерархии у бизнесменов занимает дружба, особенно та, что выросла из совместного бизнеса.

Пять лет я работал вместе с другом, с гордостью скажу, что мы не считаем друг друга обязанными, главное — что в финансовых вопросах мы достойно разошлись. За четыре года у меня появились партнеры. На сегодня машина (бизнеса. — Э. Г.) создана и развивается. А мы сохранили имя честных надежных людей.

Но есть и люди, которые, перейдя на высокий уровень потребления, как раз не демонстрируют этого, опасаясь потерять взаимопонимание с друзьями и родственниками. «Деньги мне позволяют, но боюсь показаться нуворишем. Возникают проблемы с близкими». То, что это обоснованные опасения, подтверждает опыт другого респондента:

Я построил себе дом за один год (отметим: два этажа, три спальни, кабинет, зал, кухня, холл, мансарда, гараж, сауна, бассейн. — Э. Г.), если бы я его построил в районе новостроек, а то ведь на своей же улице, на которой вырос! Я выделился и появился холодок в общении с соседями, исчезло былое дружелюбие и искренности. Например, я как-то говорю соседу: давай снесем твой забор (деревянный), который разделяет наши дома, а я построю добротный. Он мне ответил: «Мой забор не трогай, а свой где хочешь, там и ставь». Пришлось мне отступить на метр и построить.

Кстати говоря, эксцентричный на взгляд многих проект Президента республики и его команды — строительство города третьего тысячелетия «Сити-чесс», был поддержан именно предпринимателями и истеблишментом республики, которым уже становится, с одной стороны, неловко за свое экономическое благополучие перед соседями и локальной общиной, особенно в условиях хронической невыплаты заработной платы государ-

ством, но с другой стороны, принимая столичных или зарубежных гостей, они хотят продемонстрировать все свои возможности, которые в этом случае отражают не только их личные вкусы, но и уровень притязаний национального бизнеса как такового.

Первые деньги я истратил. Объездил с женой вдвоем всю Европу: Францию, Германию, Швейцарию. Мы путешествовали почти год, увидели потонок потребления, наелись всего и после этого наступило разумное отношение к деньгам.

Деньги меняют людей: они или их портят, или становятся средством постижения нравственных категорий.

Самое большое достижение — хорошая репутация, для меня это важно. Я всех бизнесменов делю на две категории: тех, кто берет деньги с себестоимости или используют бюджет (т. е. воруют. — Э. Г.), и тех, кто зарабатывает на прибыли.

Самое трудное — сохранить и приумножить заработанное. Я с трудом говорю «нет». Первые деньги дали возможность испытать все удовольствия, но в меру. Многого ушло друзьям в кредит без возврата.

Где предпочитают жить новые калмыки? Могли бы они уехать из Элисты?

Если бы у меня было две жизни, я, может быть, уехал бы в Москву. В Москве можно жить на подножке вагона, в котором никого не знаешь. Но если ты знаешь, что здесь, дома, — непочатый край работы, то почему здесь не жить с комфортом?

Я буду жить только в Калмыкии, так как только здесь я чувствую себя тем, кто я есть на самом деле.

Насегда из Элисты не уеду — вдали от нее я хирею, болею, мучит тоска.

Многие разделяют мнение, что «нас, калмыков, никогда и нигде в полной мере не будут принимать на 100% как дома. В лучшем случае они (русские. — Э. Г.) воспринимают меня на 98%. А мне этого мало».

Несмотря на разные сложности, отсутствие свободного времени и напряженный труд, в большинстве своем это счастливые люди, которые нашли себя в конкретном деле. «Нашел себя я только в 90-х гг. Жить интересно неопишимо. Раньше после работы я спешил быстрее домой, а теперь работа поглощает полностью. Бизнес приносит моральное удовлетворение и материальное», — признался один из моих собеседников. «Я завишим — вот главное». «Теперь я еще лучше отношусь к жизни». «Предпринимательство дает человеку возможность расправиться. Я успел».

Религия. Деловая община Элисты разделилась на две приблизительно равные группы. В одной из них люди целены по натуре, которые выросли в атеистических семьях, сами были комсомольцами, и им кажется, что

стать искренне верующим в зрелые годы практически невозможно. Вот типичное для этих людей рассуждение: «В хурул не хожу. Всю жизнь нас учили не верить, как я могу верить сейчас?»

Другая группа — бизнесмены, которые уже открыты для принятия профессиональных ценностей. Это связано с изменением семейных практик в повседневной жизни элистинцев, куда постепенно вошли религиозные элементы: иконы, статуэтки и прочая утварь в доме, необходимые ритуалы, которые исполняются для каждого человека если не заботами самого индивида, то трудами его ближней родни, например обряд продолжения лет, который должен совершаться раз в 12 лет, иначе возможны неординарные тяжелые болезни и даже смерть, посещение хурула в праздничные дни, во время приездов высоких духовных лиц, заказ специальных молитв в критических ситуациях. Таким образом, отвечая за свой бизнес, чувствуя эту ответственность, предприниматель пытается сделать все от него зависящее, чтобы данная сделка прошла успешно, и чтобы заручиться поддержкой небес, посещает службы, оставляет немалые суммы на нужды хурула. Особенно часто это делается перед ответственной поездкой и вызвано беспокойством не только за исход дела, но и за личную безопасность. О такой прикладной религиозности мне сообщил один из управляющих банком: «В хуруле бываю раз в два-три месяца, перед дальней командировкой». Другой ответ: «Фактически я был неверующий, в хурул не хожу. Но пойду». «В хурул хожу нерегулярно. Не молось, но знаю — Бог есть».

Многим предпринимателям гораздо проще обращаться к лицу, практикующему неклассический буддизм, и ходить не в храм вместе со всеми, а к так называемым медлчи (знахарям) и бе (шаманкам). Это во многом потому, что за годы советской власти все монастыри были разрушены, священники уничтожены социальными (в значительной степени и физически), но традиция добуддийских верований практически не прерывалась. Во всяком случае, в застойное время было нетрудно найти человека, который мог не только вылечить, но и подсказать неожиданное решение в трудной ситуации. Моя хорошая знакомая медлчи признается, что бизнесмены — довольно частые ее клиенты. Они приходят перед трудными переговорами, во время неожиданных осложнений, например, проблемы таможенных, чаще всего для специального обряда, цель которого — «открыть дорогу», то есть убрать все возможные препятствия в бизнесе, а также в обязательном порядке чтобы снять с себя «плохую энергию».

Хобби. Многие из опрошенных мужчин признавались, что они «ярые охотники». Во-первых, только вдали от города они могут полностью расслабиться, когда «отключается голова», когда человек временно выходит из привычного социума. Во-вторых, бизнес и охота, на мой взгляд, — это

разные проявления сильной мужской натуры, отдающейся страсти целиком. Наконец, охота — удобная возможность отдохнуть с партнерами, приехавшими по делам, и одновременно прощупать их в непривычной обстановке, обсудить что-то или договориться в тесном охотничьем кругу, без чужих глаз. Статьи говоря, туристическая инфраструктура Элисты еще слабо развита и заезжему гостю ничего особенного и не покажешь, зато охота становится привлекательным досугом. В республике создан охотничий клуб, состоящий из предпринимателей и крупных чиновников. Охотники-любители обязательно учтывают в своем деловом календаре «открытые охотничьего сезона» и «закрытые охотничьего сезона». Охотничьи займки, их благоустройство, спецодежда, особый инвентарь, машины высокой проходимости — джипы и «Нивы», а главное — стрелковое оружие, — все это становится предметом престижа и соревнования. Отметим, что рыбалка, казалось бы такой же увлекательный для мужчины досуг, не выдержала конкуренции с охотой.

Несмотря на нехватку свободного времени, все предприниматели читают прессу. Это «Известия», «Коммерсант», «Финансовая газета», журналы «Деньги», «Деньги и кредит», «Банковское дело». Эти газеты и журналы служат калмыцким предпринимателям важным источником самообразования. Важно быть и в курсе республиканских новостей, все подписаны на «Известия Калмыкии». То же самое с телевидением: программы новостей смотрят все без исключения, причем на разных каналах, сравнивая подачу события, но на другие передачи времени у предпринимателей нет. «Читать люблю легкое — О'Генри, детективы, Чапека». «Много книг читаю, все, что связано с калмыцкой историей, — хочу сам для себя сформировать историческое мировоззрение».

Другая страсть, которая, возможно, характерна для всех калмыков, это любовь к путешествиям. «Объехал всю Европу, а из Азии был только в Сингапуре. Раньше ездил без жены, а сейчас вместе, потому что раньше целью поездок было познание, а теперь отдых».

Благотворительность. Необходимой частью своих взаимоотношений с фортуной предприниматели считают благотворительность, которая выступает как умилостивительная жертва в обмен на благосклонность небес. Многие понимают случайность своих первых успехов и то, что «распределение зависит частично от способностей и предприимчивости конкретного человека, а частично от непредвиденных обстоятельств».¹ «Нужно уметь делиться». «Самое главное — уметь отдавать, все возвращается сторицей». Другой взгляд: «благотворительность это состояние души, а не принуждение. Ее не люблю, так как порождает паразитов. Благотворительностью должно заниматься государство, с нас берут налоги, этого достаточно».

¹ Хайек Ф. А. фон Дорога к рабству. М. 1992. С. 82.

Как-то меня попросили спонсировать благотворительный ужин в доме престарелых. Я спросил: «А кто будет на этом ужине?» — «Это старики, которые не имели семьи, потому что в молодые годы или позже находились в заключении, и те, от кого отказались взрослые дети». Я отказал в этой просьбе. Отказ объяснил следующими рассуждениями: значит, когда мои родители и их поколение трудились в поте лица, они прохлаждались, а теперь я должен им помогать?

Все респонденты готовы поддерживать и действительно поддерживают многие акции или творчество коллективов, связанные с национальной культурой. Среди благотворительных жестов они в разговоре со мной отмечали: финансирование фольклорных ансамблей, издание книг местных авторов, посвященных истории калмыцкого народа, наряды для «мисс Калмыкия», поддержка детских шахмат в республике. С 25 февраля по 25 марта 1999 г. в республике по инициативе Калмыцкого республиканского детского фонда проводилась акция «Эстафета добра». Предприниматели республики, как писали местные газеты, тогда помогли деньгами или оборудованием детским домам, интернатам, больницам. Кампании такого рода способствуют поступлению благотворительности в наиболее нуждающиеся социальные участки.

Примеры благотворительности подает Президент РК Кирсан Илломжинов: на его личные средства в республике была возведена Крестовоздвиженская православная церковь, он был одним из основных спонсоров строительства самого крупного в Европе буддийского храма «Сякюсюн Сюме».

Идентичности. Все опрошенные считают себя калмыками и уверенно называют свою племенную принадлежность, знакомы с родовой принадлежностью матери, соотнося себя при этом с родовой принадлежностью отца. Тем не менее традиционно структурированное самосознание скорее символично. «Сам я на родине (т. е. на территории улуса, где родился отец, — в 120 км от Элисты. — Э. Г.) никогда не был, но сыну говорю: «Ты торгуд, эркетеновец, меркит!» Названиями многих частных предприятий стали калмыцкие личные имена, как правило имена детей бизнесменов, а также родовые наименования или буддийские символы. Например, корпорация «Гилян», ТОО «Ики бухус» (Большие быки), магазин «Чиндамани», торговый дом «Сумеру».

Только один респондент намеренно ответил, что считает себя просто калмыком, очевидно считая, что иерархичное самосознание калмыков не соответствует требованиям времени и, следовательно, различать и поддерживать различия внутри малочисленного народа нерационально. «Трех-четырех ребят я затащил в наш институт, чтобы наши калмыки всегда лезли вверх».

Практически единицы из опрошенных, будучи калмыками, говорят свободно на родном языке и общаются на нем изредка со старыми родителями

ми, иногда с женой. «С калмыцким языком есть проблемы — приходится напрягаться при разговоре». Как правило, опрошенные предприниматели принадлежат к поколению, рожденному в годы депортации или позже, их родители в общении с ними уже использовали русский язык. Со своими детьми они все общаются только по-русски. Но нельзя сказать, что предстатели калмыцкого бизнеса безразличны к родному языку; с радостью отмечается, что «сын немного говорит по-калмыцки».

Исследователь российской элиты Ольга Крыштановская считает, что новые русские условно делятся на две категории, нуворишей и номенклатуру. Если первые обязаны своим успехом скорее случаю и ориентированы на демонстративное потребление, то вторые — хорошо образованные трудоголики, которые предпочитают консервативные ценности: семью, здоровый образ жизни, недвижимость.¹ С региональной элитой в этническом регионе, на мой взгляд, ситуация другая. В бывших автономных республиках партийная и советская номенклатура не сложилась в отдельную социальную группу со своими традициями, поэтому различия между «нуворишами» и «номенклатурой» не могли быть глубокими. К тому же в народе восточной культуры, где успех прежде всего связан с престижностью, вирус «нуворишизма» затронул практически каждого, кто впервые в жизни получил большие деньги. В той или иной мере «нуворишизм» — закономерная ступень в становлении предпринимателя и закреплении его успеха. Сможет ли он преодолеть в себе эту «детскую болезнь» или останется с нею навсегда, зависит от самого человека, его установок, амбиций, гибкости, образования и еще от его окружения. На мой взгляд, в Калмыкии не наблюдается разрыва между разными стилями деловой элиты, а скорее распространен смешанный тип, в котором соединены, хотя бы на начальных этапах, черты как нуворишизма, так и номенклатурности. Однако бизнес воспитывает, он выдвигает свои требования, и чем выше уровень притязаний, тем упорнее придется работать над собой бизнесмену.

¹ Крыштановская О. Элита «новых русских» усердно работает...

за, опасность стихийных бедствий и эпидемий, уносивших поголовье скота — основного богатства и источника жизнеобеспечения народа, — все это в совокупности делало проблематичным само выживание народа. Поэтому на лидера в сознании кочевника возлагались функции значительно более широкие, чем у правителей оседлых народов: он представлялся не просто руководителем, отправляющим высшую власть, но прежде всего провиденциальным героем, по воле богов лично ответственным за благополучие и благосостояние народа, за его будущее.

Типологически лидер подобен мифологическому, а позднее эпическому герою, сравнивается в народном сознании с ним. Показательно, что эпический богатырь в монгольских эпосах из борца с мифологическими силами становится правителем идеального государства.¹ Происходит своего рода контаминация мифологического персонажа с реальным историческим лицом.

Каким же предстает герой в коллективном сознании калмыков, на что опирается их представление о герое, какими истоками питается? Не будет большим преувеличением сказать, что наиболее полно и ярко этот образ предстает в эпическом цикле «Джангар».

Правитель идеальной эпической страны Бумбы одновременно был полководцем, хранителем покоя и гарантом благоденствия своего народа. У него богата родословная, он самый знатный среди своих соратников. Джангар обладает чудесными способностями, потому что он равен богам. Кроме того, у батыра дар провидца, что позволяет ему видеть будущее, заглянуть в завтра своих подданных. Государственная мудрость, дипломатическое мастерство — тоже обязательные характеристики героя. Одно из основных качеств традиционного лидера — героизм, вся его жизнь посвящена титанической борьбе с противниками, направлена на защиту мирной жизни народа. Хан отличался от своих подданных не только силой, но и красотой. Само рождение Джангара не было случайным, у него особое предназначение: стать владыкой мира сего.

Эпический герой должен был обладать не только стойкостью и силой духа, но и выносливостью в лишениях. Батыр, несмотря на ханское происхождение, должен быть неприхотливым: спать на голой земле, терпеть жажду, при случае «в пищу доволно росы им». Он страшен в гневе. Добавим к этому, что Джангар обладает магической силой и знаниями, он может вызвать дождь и ветер, может не только исцелить, но и воскресить погибших воинов.

Характерен возраст Джангара. Рожденный в стране, где после двадцати пяти лет не прибавлялись года, он двухлетним сел на коня, трехлетним

¹ Михайлов Г. И. Об эволюции героического эпоса монгольских народов. Цит. по: Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984. С. 98.

Глава 7 Миф о лидере и национальная идея

В этой главе делается попытка исследовать на примере Калмыкии роль и место в общественно-политических процессах мифологического пласта в народном сознании, истоки и процессы возникновения и бытования современных мифов о герое, который подчас становится выразителем национальной идеи. Конечно, современные мифы отличаются от древних, они видоизменились по содержанию, по каналам передачи, но неизменной осталась потребность человека в них. Больше того, основные мифологические архетипы воспроизводятся и сегодня.

Миф, как и любой текст, имеет диалогическую природу, характеризуется наличием определенной общей памяти у адресанта и адресата. Для возникновения и бытования мифа необходимо наличие общей структуры памяти, которая, с одной стороны, определяет общественные настроения и ожидания, а с другой — детерминирует поведенческую модель политика, желающего добиться успеха. Поэтому пространство для маневра у политика бывает достаточно узким: он не выбирает модель поведения, он должен соответствовать уже существующей в сознании электората модели. И тогда избиратель его «узнает». Момент узнавания, приравнивания конкретной личности к дремавшему до поры в народном сознании архетипу можно считать моментом рождения мифа.

Остановимся подробнее на архетипе героя, к которому апеллирует коллективное бессознательное, воссоздавая миф о современном герое-лидере. Миф актуализируется в переломные, трудные для народа периоды, когда стихия массового сознания пытается найти опору и ориентир в новых условиях своего исторического бытия, когда старые модели жизненного уклада уже не работают, а новые еще не родились, стремится объяснить возникшее положение и найти пути выхода из кризиса.

В истории государств с кочевым типом хозяйствования роль лидера всегда имела особое значение. Аморфность границ обитания, рассредоточенность поселения по небольшим кочевьям, постоянная внешняя угроза

«разрушил врата трех крепостей» и захватил три крепости, в четыре года — четыре крепости. Отметим, что герой-малолеток — довольно частый персонаж в калмыцком эпосе, его подвиги поражают своей напряженностью и несоответствием возрасту.

Джангар — главный герой эпической поэмы, ему отводится ведущая роль, он включается в ход событий в критический момент, он постоянно направляет действия своих богатырей, осуществляя тем самым функцию хранителя покоя и благоденствия своей страны.¹ Здесь особо следует отметить, что защита страны Бумбы, благословенной мифической страны вечной молодости и процветания, это основная идея «Джангара», а сама Бумба живет в народном сознании не только как страна прошлого, как «золотой век» в истории ойратского народа, но и как страна народных чаяний и ожиданий — страна будущего. Вместе с исследователями калмыцкого эпоса можно утверждать, что его главный герой воплощает в себе образ идеального вождя, героя, который на протяжении веков живет в сознании ойрат-калмыков и с которым они как бы сверяют своих исторических правителей.

Другим источником, питающим сегодняшние мифы о герое-лидере, который невозможно обойти, служит образ другого правителя, исторического — Чингис-хана, на протяжении столетий живущий в народной памяти, оказывая по сей день влияние на народные представления о лидере. В жизни Чингис-хана можно найти довольно много черт, присущих образу Джангара. Впрочем, и здесь исторические события теперь уже трудно отделить от легенд.

Напомним кратко основные вехи жизни основателя монгольского государства, релевантные в контексте нашего исследования. Родился будущий хан, сжимая в руках сгусток крови, — это было воспринято как особая отмеченность первенца. После гибели отца мать осталась одна с четырьмя детьми, им пришлось хлебнуть лиха, а Темучину — скрываться от врагов их рода. Верные друзья и умение находить союзников способствуют тому, что Темучина в 28 лет признали на курултае ханом, подняв его на белом войлоке. Чингис-хану удалось объединить все монгольские племена в одно государство, подчинившее себе множество других народов. Хотя сам Чингис-хан не бывал в калмыцких землях, согласно народной легенде одна из его ставок когда-то находилась в современных границах республики.

Черты Чингис-хана, контаминированные с чертами эпического героя, на наш взгляд, и определяют бытующий в народе образ мудрого, смелого правителя, способного принести своей стране благополучие. А наиболее яркие из правителей, образы которых сохранились в народной памяти,

¹ Неклюдов С. Ю. Указ. соч. С. 103.

прямо коррелируют с этим образом, сохраняя в основном те черты, которые мы попытались вычлениить выше. Не случайно в народном восприятии родословные наиболее ярких правителей возводятся (с основанием или без него) к Чингис-хану. Массовое сознание объясняет величие этих людей. С другой стороны, сами правители стремились укреплять о себе молву как о «потомках чингисовых».

Лучшим временем в истории калмыцкого народа принято считать годы правления Аюки-хана. Детство Аюки провел у деда по матери Эрдии Хунтайджи, под воздействием которого возникло его стремление к владычеству над степным народом, укрепившееся при воспитании у него родного деда Шукур-Дайчина. Уроки Шукур-Дайчина, преподанные маленькому внуку, приводятся во многих калмыцких письменных памятниках. Следуя советам деда, хитрый, любящий военные стычки, отважный Аюки уже к тридцати годам становится ханом, решительным сторонником единоличной власти.

«Судьба с первых же дней благосклонна к Аюке, которому благодаря искусству политика удается сосредоточить в своих руках власть и твердо править калмыками в продолжение 54 лет и распространить свое влияние на все соседние турецкие племена».¹ Его Святейшество Далай-лама пожаловал Аюке ханский титул (хан цоло) и печать (тамга). «Кстати, с этого времени среди калмыцких феодалов установился взгляд, что действительным ханом может считаться только тот, кто получил благословение на этот пост из уст или рук Далай-ламы».²

Разумеется, в истории калмыков было немало выдающихся государственных и политических лидеров, однако многие имена перенесены исторической памятью на второй план. После исхода 1771 года Калмыцкое ханство на Волге потеряло свой статус. Калмыки, раздробленные на улусы и роды, с тех пор уже никогда не имели общенародного властителя, а калмыцкие владыки в последующие годы уже не имели национального значения.

XX век принес много нового в образ жизни и образ мыслей калмыков. Советская власть внедрила и новый образ лидера, народного героя. Несмотря на принципиально иную систему ценностей в идеологии коммунизма, облик народного лидера по основным признакам воспроизводил матрицу архетипа. Символом калмыцкого народа в эти годы стал генерал Б. Б. Городовиков, который в 1961–1980 гг. руководил республикой, будучи первым секретарем Калмыцкого обкома КПСС.

Вот как оценивается сегодня массовым сознанием его роль в жизни калмыков: «в самое трудное для нас время — в годы восстановления и

¹ Лыткин Ю. Аюки — хан калмыцкий // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 19.

² Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. Элиста, 1992. С. 124.

развития республики после сталинского геноцида и разрушительной войны, судьбе было угодно, чтобы из среды калмыков вышел такой авторитетный и мудрый руководитель». ¹ Государственная деятельность Б. Городовикова в народной оценке несоизмеримо выше деятельности всех последующих первых секретарей Калмыцкого обкома партии. Как писал народный писатель А. Балакаев, «не будь у нас Басана Бадьминовича, народный писатель А. Балакаев, «не будь у нас Басана Бадьминовича, я больше чем уверен, мы плелись бы в хвосте других народов в хозяйственном и культурном развитии. Мы должны раз и навсегда запомнить и осознать, что Басан Бадьминович Городовиков поднял быт и жизнь, честь и достоинство нашей республики и нашего народа на небывалую по тем временам высоту и вершину». ² Такие оценки тем более показательны, что они даны в годы, когда отрицательное отношение к партийным лидерам стало, можно сказать, общим местом.

Конец 80 и начало 90-х годов, как и для всех республик бывшего Советского Союза, были трудными для жителей Калмыкии временем. Крах изжившей себя политической системы, глубокая ломка общественного уклада, дискредитация старой идеологии, совпавшие с экономическим кризисом, вызвали в калмыцком обществе двойственное ощущение перелома. С одной стороны, растерянность и тревога на фоне продолжавшегося в республике правительственного кризиса, с другой — чувство, что кризисная политическая ситуация таит в себе перспективы национального возрождения в рамках суверенной Республики Калмыкия, свободного развития на основе рыночных отношений.

Кроме того, в 1990 г. республика широко отмечала 550-летие сложения эпоса «Джангар» в законченный эпический цикл, и основные темы и идеи его — мечта о стране благоденствия Бумбе, герой, ведущий народ к процветанию, защищающий его, указывающий правильный путь, — овладели сознанием многих и многих калмыков. Добавим, что впервые за много десятилетий на празднование Джангариады большой делегацией приехали калмыки диаспоры, ныне проживающие в США, Франции, Германии. Рассказы о том, как они живут, да и самый их облик вселяли уверенность: и мы сможем так жить, дайте только шанс. В качестве такового шанса людьми была воспринята личность Кирсана Илюмжинова. «Если у народа, а значит, у каждого из нас появился сейчас шанс встать крепко на ноги, давайте же воспользуемся им. Честное слово, стоит. Другого случая может и не представиться. Этот шанс — Кирсан Илюмжинов». ³

Сегодня, впрочем как и в 1993 г., многие задаются вопросом, каким образом молодому бизнесмену удалось победить на президентских выбо-

¹ Герой Советского Союза генерал-лейтенант Б. Б. Городовиков в фотографии. Элиста, 1995.

² Там же.

³ Верю в тебя, Кирсан // ИК. 4 марта 1993.

рах, почему люди пошли именно за ним, что сыграло решающую роль в выборе народа. На наш взгляд, одной из основных причин безусловной победы Илюмжинова стало соответствие его образа архетипу героя-лидера, укорененному в народном менталитете. Он не мог не победить, потому что был единственным кандидатом, а может быть и шире — единственным политическим деятелем, почти полностью тождественным описанному выше образу, он соответствовал общественным ожиданиям и удовлетворял их. Попросту говоря, люди узнали в нем того, чье появление предчувствовали. Приведем лишь две цитаты: «Нынешнее время — это время Кирсана Илюмжинова, поэтому он стал нам всем близок и понятен, понял наши заботы и ожидания». ¹ «Уверены, что сам Бог послал нам его за долгие годы лишений и горя, выпавших на долю нашего народа. Именно с его именем мы связываем уверенность в завтрашнем дне, доверяем ему свое будущее и своих детей». ²

Как же реальные факты биографии, поступки, черты Илюмжинова отражаются в массовом сознании? В обычной семье рос мальчик — отличник, активист, в 14 лет — чемпион республики по шахматам; много читал. Окончив элистинскую школу № 3, работал слесарем-сборщиком на заводе «Одн», потом армейская служба в Северо-Кавказском военном округе. В 1982–1989 гг. учился в Московском государственном институте международных отношений, где специализировался в японском языке, политике и истории Японии. С 1990 г. Кирсан — управляющий советско-японской фирмы «Эко-Радуга», почти сразу после этого он становится президентом международной корпорации «САН». В 1990 г. избирается народным депутатом России от Манычского территориального округа, в 1991 (до распада Союза) — членом ВС СССР. С января 1993 г. — президент Российской палаты предпринимателей. Лауреат Золотой медали мира (1992) за гуманитарную деятельность. В настоящее время является руководителем более чем пятидесяти компаний, банков и бирж на территории России и около двух десятков других стран. ³ Во время кризиса власти в Калмыкии, когда родина оказалась в тяжелых условиях, выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы и победил.

Почему же именно в этой биографии, а не в биографиях других кандидатов на пост президента избиратели «узнали» «Богом посланного спасителя нации»? Попытаемся разобраться. Во-первых, биография будущего президента обычна лишь на первый взгляд. Даже если отбросить споспобность мифологического сознания придавать самым обычным вещам смысл мистический, тот факт, что выходец из средней калмыцкой семьи сумел

¹ Очень волнуюсь и переживаю // ИК. 11 марта 1993.

² Хотим уверенности в завтрашнем дне // ИК. 25 марта 1993.

³ Илюмжинов К. Калмыкия перед выбором. М., 1993. С. 3.

поступить в один из самых элитарных вузов страны и закончить его, а потом стать одним из первых легальных миллионеров, удивит даже рационально мыслящего человека. Что же говорить о мифологическом сознании? Во-вторых, поскольку мифологическое мышление осваивает факты действительности не через их анализ, а производит их отбор в пользу мистической связи видимого (в данном случае — невиданного доселе в Калмыкии жизненного успеха, невиданного тем более, что само понятие «миллионер», не в «советском», а в западном понимании этой поведенческой модели, было совершенно новым) с невидимыми (божественными, провиденциальными) силами, а непосредственным материалом мифологической логики является элементарно-чувственное восприятие, позволяющее осуществляться процессу обобщения без отрыва от конкретного, постольку нетрудно понять то, что именно фигура молодого преуспевающего миллионера стала объектом проекции мифологического сознания.

Что же, собственно, выдвинуло К. Илюмжинова и многих других современных российских политиков на лидерские позиции? Думаается, то, что психика этих людей несет в себе мощные пласты магического мышления, что делает ее конгруэнтной психологии народной массы, являющейся носителем традиционной политической культуры.¹ Столь необычная, возможно сказать экстраординарная, фигура на калмыцком горизонте не могла не быть наделена мифической силой, источником которой служит сам субъект проекции, придающий избранному объекту в соответствии со спецификой мифологической логики мистический, провиденциальный, харизматический смысл.

В мифе есть своя собственная — внелогическая — целостность, которую А. Ф. Лосев называет чудом и поясняет следующим образом: «Совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием и есть чудо».²

Неординарная для калмыцкого политического пейзажа фигура Илюмжинова наделяется мифологическими свойствами, его личность отождествляется с ожидавшимся героем — лидером, и это совпадение конкретной личности с ее идеальным заданием и воспринимается как чудо. Здесь, в моменте «узнавания» и коренится исходный пункт оформления мифологем, легенд, самого мифологического образа. Любой факт биографии воспринимается теперь как чудесный, имеющий провиденциальный смысл, любая черта характера получает мифологическое осмысление.

Рассмотрим биографию президента, как она осмыслена мифологическим сознанием. В обычной калмыцкой семье родился необыкновенный

¹ Бочаров В. В. К вопросу о культурно-психологических истоках русского тоталитаризма // Национально-правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1992. С. 63.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Москва. 1981. С. 555.

мальчик. Само его рождение предопределяло необыкновенное будущее. Рассказывают, что монголы исследовали родословную Илюмжинова и выяснили, что его род и по мужской (тягчуд) линии и по женской (шар меркид) восходит к Чингис-хану. Кстати, в знак того, что президент Калмыкии является неформальным политическим лидером современного монголоязычного мира, делегация из Монголии преподнесла ему меч, подобный мечу Чингис-хана. Выше мы говорили, что народной ментальностью происхождения от чингизидов расценивается как необходимый элемент легитимации власти. С другой стороны, дед президента и его тезка Кирсан Илюмжинов — герой гражданской войны, о котором и сегодня народ хранит благодарную память как о человеке, отдавшем жизнь за народное счастье, стоявшем у истоков новой Калмыкии. Это тоже существенная черта в образе будущего президента, тем более что по традиционным представлениям судьба нареченного должна во многом повторить судьбу предка, в честь которого он был назван.

Все выделяло будущего президента среди сверстников: он считался хорошим товарищем на улице; в школе он учился на отлично и был общественным активистом, много читал. Но вот какой факт выхватывается мифологическим сознанием: еще мальчиком он прочитал всего Ленина, 55-томное собрание сочинений, которое по его просьбе купила мать. Много занимался шахматами, в четырнадцать лет стал чемпионом республики. Всегда отличался хорошими манерами, никогда ни с кем не был груб, никогда никого не обидел.

Мальчика с детства манила далекая страна Япония и его заветной мечтой было стать японистом. Но не прост был путь к ее осуществлению. Уже в армии он решил поступить на японское отделение МГИМО. Ради этого он вступил в КПСС, а по ночам в учебке учил английский язык. В студенческие годы он был также прилежен. Вот факт, очень важный для мифологического мышления: Кирсан был столь ярким студентом, что преподавательница японского языка подарила своему любимцу редчайшие ставринные китайские шахматы, за которые московские антиквары были готовы уплатить большую сумму. Или вот как трактует миф незаурядность будущего президента еще в его студенческие годы. «...Бывая по делам в МГУ, — пишет в газете «Известия Калмыкии» автор письма в поддержку кандидатуры Илюмжинова, — я не раз слышала о молодом одаренном человеке из Калмыкии, подающем большие надежды. Нередко я оказывалась в ситуации, когда неожиданно становилась центром внимания только потому, что я — из Элисты, что я — землячка Кирсана».¹

Однако необычно смелая и яркая фигура пришла не всем по душе, и студент пострадал от нежелания быть «как все», что также считается знаком

¹ Я так думаю // ИК. 25 марта 1993.

отмеченности. На четвертом курсе Илюмжинов был несправедливо обвинен (как говорят, по 18 позициям), исключен из института и даже несколько дней как будто находился в заключении. Заступничество народного поэта Калмыкии Д. Кугультинова, в то время народного депутата Верховного Совета СССР, помогло ему выйти из тяжелой ситуации. Происки недоброжелателей провалились, справедливость восторжествовала: он был восстановлен в вузе. Продолжал много работать над собой — выучил несколько языков. Распространено мнение, что кроме английского и японского он знает еще несколько восточных языков.

Окончив вуз, Кирсан стал управляющим русско-японской фирмы «Лико-Радуга». Его успех на этой должности выражается коротко в следующем рассказе: сверх зарплаты он получал надбавки по 12 пунктам: за то, что не курит, ни с кем не ссорится, не опаздывает и т. д. Как видим, конкретной деятельностью управляющего мифологическое сознание и здесь не интересуется.

Позднее, основав собственную корпорацию «Сан», К. Илюмжинов становится миллионером. Этот последний период в жизни будущего президента, как отмечалось, вызывает наибольший интерес. Здесь же наблюдается и наибольший разброс в попытках объяснить его стремительное обогащение. Но реальные причины, как мы видели, не самое главное для мифологического мышления. Факт быстрого обогащения хорошо вписывается в образ человека, которому свыше уготована необыкновенная судьба, благодаря мифологическому сознанию, квалифицирующему этот факт как чудесный. Вопрос «как?» (например, с помощью большого труда, напращения, компетентности, предпринимательского мастерства, риска и многого-многого другого, благодаря чему человек может добиться успеха в бизнесе) не ставится, все это как бы вне понимания обыкновенных людей. Но это и не важно. Важно другое — если герой знает, как разбогатеть самому, значит, он знает, как сделать богатой и страну. «На все нужны средства: на культуру, экономику, больницы, пенсионерам, — писал кинорежиссер Олег Манджиев. — Кирсан Илюмжинов знает, где их взять, как их заработать — я убежден в этом».¹

Показательно, что противники будущего президента, пытаясь интерпретировать факт быстрого обогащения Илюмжинова в своих целях, оставались в рамках мифологизма, они сводили происхождение миллионера Кирсана к таким известным клише, как деньги КПСС, деньги мифической наркомафии, финансы некоей кавказской мафии, операции с фальшивыми авизо (доказательств и аргументов, естественно, миф не требует).

Все перечисленное всего лишь фрагменты, детали жизни необыкновенного человека, главное предназначение которого — спасти свою стра-

¹ Верю в тебя, Кирсан // ИК. 4 марта 1993.

ну и привести ее к процветанию. Эти отдельные фрагменты призваны подтвердить высшее предназначение героя, самим провидением поднятого на вершину славы и успеха, который в трудное для республики время жертвует своими интересами (жизнь в столице, высокие доходы и работа на себя), возвращается в родные места, чтобы вывести калмыков на счастливый путь, сделал из республики страну Бумбу. «Если Илюмжинов не станет президентом, то мы потеряем все, а он — ничего»,¹ «Его восхождение к власти — это не путь к дому отдыха, скорее это восхождение на вулкан».² И еще: «Конечно, можно было бы выбрать президентом просто хорошего человека (обратите внимание: Кирсан не просто хороший человек, он необыкновенный человек. — Э. Г.), если бы экономика республики работала как отлаженный механизм, уровень жизни людей был бы достаточно высок... А то ведь ничего этого нет, надо все создавать, поднимать, налаживать. В такой период нам крайне необходим такой человек, как К. Н. Илюмжинов».³ Вряд ли есть необходимость комментировать приведенные цитаты. Без преувеличения можно сказать, что здесь в немногих словах охарактеризована роль культурного героя, знакомого нам по классической мифологии.

Но наиболее ярко, пожалуй, мифологические представления о новом герое-спасителе, которого судьба предназначила стать народным благодетелем, выражены в йорялях и стихах, появившихся во время предвыборной кампании:

Богом посланный милый посланник,
Внук достойного из сыновей,
Вы сегодня не только избранник,
Вы — надежда Калмыкии всей!⁴

Президентом Кирсан станет,
И в Калмыкии тогда
Позабудут о скитаньях
И лишениях навсегда...⁵

В этих стихах мифологический образ получает свое логическое завершение. Круг замыкается: отталкиваясь от древних первообразов, запечатленных в народном поэтическом творчестве, мифологическое сознание переосмысливает их и создает на их основе новые мифологические образы, обеленные в итоге в те же традиционные поэтические формы.

Итак, резюмируем созданный мифологическим мышлением образ президента, восходящий к рассмотренному выше архетипу героя. Кирсана

¹ Миллионы бывают разными // ИК. 25 марта 1993.

² Восхождение на вулкан // ИК. 3 марта 1993.

³ ИК. 19 февраля 1993.

⁴ ИК. 3 апреля 1993.

⁵ ИК. 17 апреля 1993.

Илюмжинова судьба изначально наделила чудесными свойствами, он неординарный человек, самым провидением призванный в трудное для народа время вывести его на новый путь развития, к процветанию и благоденствию — превратить Калмыкию из сырьевого придатка в высокоразвитый регион, «калмыцкий Кувейт», сотворить в Калмыкии экономическое чудо, подобное японскому.

Великое будущее определяется самим происхождением современного героя, ведущего родословную от Чингис-хана. Оно предсказано и известными прорицателями. Широкий резонанс в республике получили встречи Кирсана Илюмжинова с «бабушкой Вангой», предсказавшей ему три ступени восхождения. В народе говорят и о том, что он регулярно прибегает к помощи экстрасенсов и астрологов. С другой стороны, и сам президент наделен несомненным даром предвидения. Эта его способность (которая наделен рациональной точки зрения является результатом его профессионализма, информированности, аналитических способностей, политической интуиции) воспринимается как мистическое свойство необыкновенной личности.

Современный герой, как и его древние предшественники, человек храбрый. Сегодня это храбрость прежде всего политическая. Многие из следящего Илюмжиновым в политической сфере было сделано впервые в России: роспуск Советов, законодательное закрепление частной собственности, принятие международных стандартов в торговле, принятие «Степного уложения» вместо действующих во всех субъектах федерации стандартных конституций и др.

Еще одна характерная черта классического калмыцкого эпического героя — его молодость. Молодость не только не мешала Илюмжинову обрести народные симпатии, но и помогла ему, поскольку для традиционного мышления это возраст героя. Молодость означает энергию, силу, храбрость, перспективу развития, что и видел избиратель в Илюмжинове. В таком контексте определение «молодой» отнюдь не синонимично русскому «молодо-зелено», оно несет совсем другую смысловую нагрузку: гордость, любование, ощущение силы и перспективы, экстраполированные на судьбу народа. Не удивительно, что молодость при этом не ассоциируется с неопытностью. Молодой герой изначально наделен политической и государственной мудростью, дипломатическим умением. Это как талант, который не приобретает с возрастом, а дается человеку от рождения.

С мудростью правителя народное сознание непосредственно связывает и его дипломатическое мастерство, умение поддерживать благоприятные для своего народа отношения с соседями. Предпочтительной для калмыков последние три столетия была стратегия добрососедства. Здесь можно выделить два основных направления: отношения с правителями России

и отношения с другими народами-соседами. Напомним, что особые отношения самого, пожалуй, почитаемого хана Аюки с Петром Первым — яркая страница истории Калмыкии. Слова Аюки-хана «Наши стрелы и наши мечи всегда будут на защите интересов России» стали своеобразным заветом потомкам. К. Илюмжинов выразил это отношение к России уже в своей предвыборной программе: «Я калмык и в то же время россиянин. Это не делится — как и сердце... Мудрый завет Аюки-хана и Петра Великого о тесном союзе двух народов есть неизблемая основа философии наших действий, наших неразрывных отношений с Россией. Предлагаю построить в Элисте памятник, изображающий момент встречи двух правителей, как свидетельство ратных подвигов калмыков — защитников рубежей Отчизны, как символ единства и дружбы калмыцкого и русского народов». ¹ Что касается региональной роли Калмыкии, то здесь тоже накладывается определенная историческая преемственность: быть стабилизирующим фактором на юге России.

Для народного сознания очень важно, чтобы подлинный лидер имел признание не только у себя дома и среди ближайших соседей. Обязательным представляется и международное признание «нашего» лидера. О том, насколько это важно для формирования образа правителя, говорит и соответствующий интерес избирателей во время предвыборной кампании. К. Илюмжинова знают и ценят в международных финансовых кругах, одно его имя может привлечь в республику инвестиции, ради него в Элисту съезжаются иностранные бизнесмены и звезды эстрады. А встречи К. Илюмжинова, уже в качестве президента РК, с Его Святейшеством Далай-ламой, с Папой Римским, его поездки за рубеж, встречи с иностранными политическими лидерами дополнили необходимыми деталями созданный народным сознанием облик лидера. Не случайно фотографии президента с Далай-ламой или Папой можно увидеть у многих дома, в них — конкретное, эмоциональное подтверждение того, что наш президент (а вместе с ним и мы) стоит наравне с самыми выдающимися политическими деятелями мира. Здесь важен, говоря словами Р. Амайон, психологический эффект идентификации людей со своим президентом в плане приобретения к некоей системе ценностей.²

Так же естественна для традиционной политической культуры калмыков идея единовластия. Если в истории многих других народов светский правитель мог конкурировать с главой конфессиональной общины или же в системе власти предполагался совещательный или представительный орган, то политическая система Калмыцкого ханства и эпической страны Бумбы полностью подчинялась одному человеку — хану. А в условиях

¹ Илюмжинов К. Калмыкия перед выбором. С. 8.

² Цит. по: Неклюдов С. Ю. Указ. соч. С. 99.

крутой ломки социально-экономических отношений скорее сильная, авторитарная власть способствует стабильности общества. Тем более что безличное бюрократическое правление партийной номенклатуры, а позднее противостояние двух ветвей власти (законодательной и исполнительной) утомили народ, которому больше импонировал тип власти глабоко личного характера.

Это нашло отражение в прессе, которая напомнила жителям республики старую монгольскую притчу о двух змеях, переползавших дорогу перед арбой. Первая змея — о семи головах и одном хвосте. Заспорили головы: остаться на обочине или переползти, и пока спорили, раздавило колесо змею. Вторая была об одной голове и семи хвостах, она быстро решила переползти дорогу, а все семь хвостов, приняв приказ, быстро перенесли змею на другую сторону.¹ Массовому сознанию импонирует манера руководства с помощью деловых, кратких, прямых и открытых указаний. Неповиновение, неумение, нерасторопность, замена должны быть наказуемы. Единовластие должно предполагать и четкое соответствие своему месту у всех, кто работает в команде президента. Выражение особого мнения и частной позиции, не совпадающей с официальной, грозит немедленной отставкой.

Герой получает власть не по наследству, а как наиболее смысленный и богатый. Его богатство в народном сознании — залог честности, неподкупной власти. «Кирсан Николаевич знает свое дело, умеет убеждать и, главное, умеет делать деньги».² Многих обывателей удивило желание богатого человека, ни в чем не нуждающегося, взвалить на себя бремя президентства. «Будь я знакома с Илюмжиновым, то посоветовала бы: зачем тебе президентство? У тебя есть все, обеспечить свою семью до седьмого колена богатством и благополучием, помогай ближним и все. Сиди у себя в конферне, купайся в долларах».³

На наш взгляд, игнорирование этих текстов, как и лежащего в их основе мифологического пласта мышления, не позволит обрисовать целостную картину этнополитического процесса. Описание мифологического пласта мышления в свою очередь будет неполным, если не коснуться попыток создания «мифов-перевертышей», почти зеркально повторяющих приведенные выше мифологические тексты, но с обратным знаком.

Начиная с 1994 г. в Калмыкии предпринимались попытки организовать политическую оппозицию, которая неустанно обвиняла бы президента в тех или иных грехах. Однако тем, кто действительно хочет разобратся в неудачах и ошибках власти, большинство текстов, создаваемых оппонен-

¹ Верю в тебя, Кирсан // ИК. 4 марта 1993.

² Не упустим свой шанс // ИК. 3 марта 1993.

³ Миллионеры бывают разные // ИК. 25 марта 1993.

тами президента, ничего не прояснит. Их авторы обычно не выходят из рамок все того же мифологического пространства. Интуитивно работая с тем же материалом, но с «точностью до наоборот», оппозиционеры просто меняют знаки на противоположные. Тем не менее обойти вниманием анти-миф было бы неправильно. Он дополняет характеристику того пласта мышления, который исследуется в данной работе. Без него, может быть, и сам мифологический метатекст был бы неполным.

Бытовые проблемы и трудности, вызванные объективно сложившейся в России экономической ситуацией, а также личные обиды вызывают в сознании некоторых людей противоположную описанной выше проекцию. Однако проекция эта в силу своего искусственного происхождения выглядит довольно блеклой, лишена яркости, фантазии, изобилует набившим оскомину общими местами и ярлыками, знакомыми еще с коммунистических времен, а в последнее время расхожими на всей территории постсоветского пространства: «Раскручивается спираль диктатуры, бюрократия и коррупция», «Калмыкия имеет насквозь лживую, лицемерную, абсолютно некомпетентную власть», «беспредель, вакханалия в экономике», «распушенность моральных ценностей» и так далее.

Миф-антагонист можно сформулировать следующим образом. Молодой авантюрист красочными обещаниями увлек простодушных жителей республики и взял власть. На самом деле кресло президента Илюмжинову было нужно, чтобы по статусу неприкосновенности уйти от уголовной ответственности за «дело с мазутом», а также в связи с историей о пропавших кредитах для закупки калмыцкой шерсти. Придя к власти, он окружил себя родственниками и друзьями, которые и получили портфель, ответственные государственные посты. «Чтобы получить портфель, нужно было на кого-то донести, создать... негативное мнение о ком-то».¹

Государственная деятельность президента воспринимается следующим образом: «откровения в московской прессе, шахматная шумиха и молниеносные визиты к арабам, к Садаму Хусейну», «я за год (работы в Доме правительств. — Э. Г.) увидела здесь прорабов, танцоров, массовиков-затейников, инженеров-механиков и т. д. Но где же руководитель? Ах! Их нет».² Кроме того, в Доме правительства «не прекращается мышиная возня, интриги, доносительство, слежка, чиновничество и крючкотворство». Принятие Степного Уложения воспринимается оппонентами не иначе как «прямое предательство того, за что боролись и чего добились-таки наши отцы, деды и прадеды».

В то же время секрет мудрого государственного руководства очень прост: «Просто надо взвешенно ко всему подходить, чтобы не было смешно

¹ СК. 8 марта 1995.

² СК. 22 апреля 1995.

со стороны». Если герой мифа уважаем и принят во всем мире, то герой антимифа выставил республику на посмешище всему миру, никем не уважаем, к нему никто не отнесится серьезно. Для оппонентов президента в нем персонафицировано все зло, герой становится антигероем, создатель — разрушителем, гордость Калмыкии — ее позором. «Стыдно за все, что стало. Стыдно за этот имидж, который создает наш президент. Стыдно за те невероятные вещи, о которых нормальному человеку говорить где-то в приличном обществе было бы несколько оскорбительно». «Проглоло полтора года... Быстро прощεται республике как не было, так и нет, а видим мы уладок экономики, безработицу, полное обнищание народа...», «мы вместо обещанного “Кувейта” оказались в “кювете”». ¹ Правда, Кувейт «в принципе был возможен, но необходим хозяйственный механизм, который позволил бы вовлечь всех специалистов». ² Словом, до страны Бумбы был всего один шаг, но избрали не того героя (под личной героя скрывался враг калмыков), а теперь следует избрать настоящего.

Иногда даже обычные чисто метафорические высказывания — прием достаточно распространенный в публичных выступлениях президента, его противники интерпретируют абсолютно буквально, опять же в расчете на то, что аудитория лучше воспримет именно такие аргументы.

Оппозиция стремится использовать уже сложившуюся мифологию, попросту переводя героя существующего мифа в антигероя, а на его место проча новую фигуру. «У нас есть один выход: привести в политику честных людей с чистыми руками и помыслами, не давая им сбиться с пути. А для этого надо научиться различать не умом, а сердцем и душой». ³ К тому же руководить республикой должны не только порядочные и высокообразованные люди. Это должны быть те, «кто спал в родной степи на телеге, укравшись отцовским тулупом, не морща нос от запаха навоза». ⁴ И такие кандидаты уже есть: «Символ честности и порядочности, символ вечного борца за справедливость. Символ принципиальности». Все это об одном человеке. ^{5, 6}

Противники президента, апеллируя к тому же пласту мышления и эксплуатируя те же правила, стремятся создать в массовом сознании новый образ, воплощающий в себе мировое зло. Вопрос в том, может ли этот антимиф быть актуализирован общественным сознанием сегодня. Ведь,

как мы видели, в проекцию мифологического сознания попадает лишь яркий, впечатляющий сюжет. Штампы, заполняющие сегодня всю центральную прессу и оппозиционную печать и просто перенесенные на калмыцкую почву, потеряли новизну и пропускаются мимо ушей. Кроме того, жизнь в Калмыкии мало чем отличается от жизни людей в других регионах России; во всяком случае, находясь в непосредственном соседстве с самыми горячими точками бывшего Союза, жители, конечно, ценят спокойствие и стабильность в республике. Наконец, в небольшой степени и механизм психологической самозащиты общества отторгает отрицательные раздражители.

Чувствуя это, оппоненты Илюмжинова все чаще обращаются к личности Б. Б. Городовикова, прогивопоставляя образ умудренного опытом политика имиджу молодого президента. Однако сюжеты о Городовикове — не что иное, как фрагменты мифологического метатекста, причем такие фрагменты, актуализировать которые сегодня вряд ли возможно. При всей привлекательности для оппозиции они не могут стать тем смыслообразующим элементом, из которого вырос бы новый миф о герое. Возникновение и бытование мифологических текстов подчиняется своим законам, условиям, предпосылкам, изменить которые даже из самых благих побуждений вряд ли удастся. Для этого необходимы коренные изменения в жизни сообщества, могущие вызвать к жизни новые мифологические сюжеты. Неожиданные повороты в политической жизни будут тотчас освоены мифологическим сознанием и представлены в виде новых мифов.

Жизнь сложнее мифов, поэтому не все то, что совершается в мифологической реальности, можно сделать в действительной жизни. В республике по-прежнему много проблем, прежде всего экономических. Все так же, как в остальной России, и статья страной Бумбой Калмыкии пока не удалась.

¹ СК. 8 марта 1995.

² Обращение делегатов Чрезвычайного съезда народов Калмыкии. Элиста, 8 октября 1994.

³ СК. 14 марта 1995, интервью с Д. Пюреевым.

⁴ СК. 28 марта 1995.

⁵ Агеев С. Оппозиция приняла условия игры // СК. 21 февраля 1995.

⁶ Оппозиционер номер 1 принимает поздравления // СК. 26 октября, 1995.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

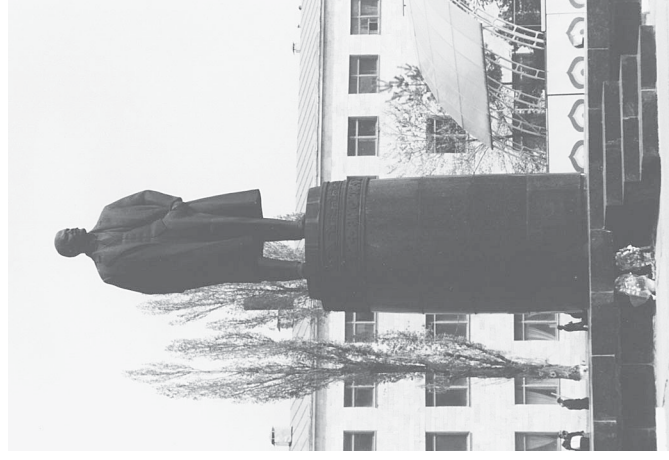
Мисс Калмыкия -99 Кермен Иванова (Н.Бошев)

Дворец Шахмат в Сити Чесс (фотограф Н. Бошев)

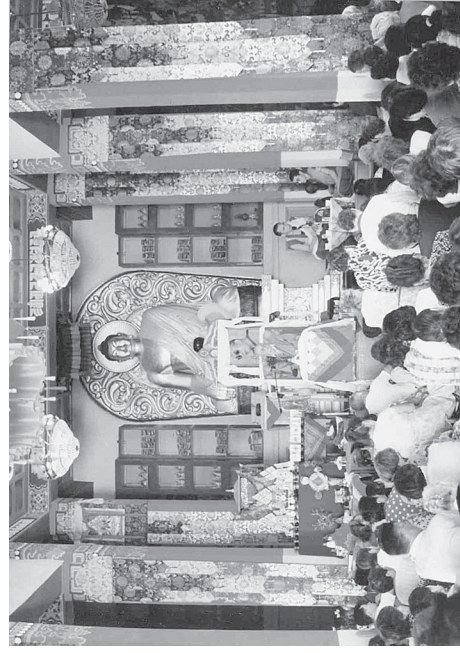
1-я Вице-мисс России Делгир Церенова

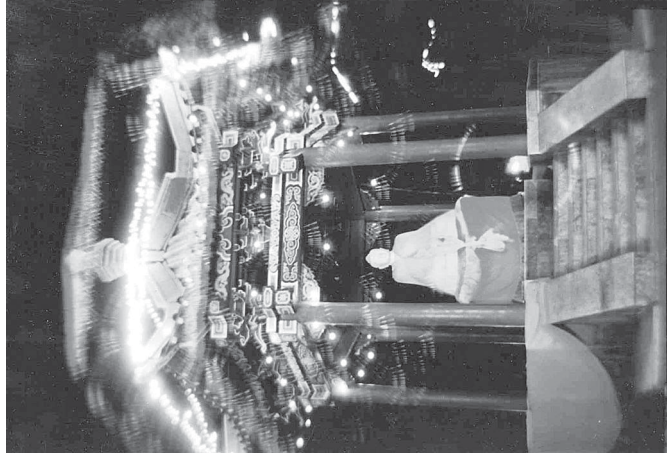
Памятник Ленину (М.Бембинов)

Президент РК Кирсан Илюмжинов (Н.Бошев)

Служба в Элистинском хуруле Сякуен Сюме (Н.Бошев)

Статуя Будды (Н.Бошев)

Элиста приобретает восточный колорит (Бошев Н.)

Содержание

Книга о калмыках, страданиях и красоте	5
Предисловие	7
Введение	9
Глава 1. Постсоветские идентичности калмыков	13
Глава 2. Депортация 1943 г.: опыт выживания и опыт осмысления	38
Глава 3. Культура и идентичности калмыков США	80
Глава 4. Разный вкус калмыцкого чая: пища калмыков России и США	99
Глава 5. Японки Европы или французженки Азии: между стереотипами красоты	115
Глава 6. Бизнес-слэй Калмыкии: новые модели жизни	128
Глава 7. Миф о лидере и национальная идея	154
Иллюстрации	170
Именной указатель	??